

2018/II

SIBERIA_LINGUA

ISSN 22227-6378

Учредитель – Институт филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Siberia_Lingua: электронный научный журнал

Периодичность – один раз в полугодие

Журнал зарегистрирован в Международном ISSN центре в Париже, регистрационный номер 22227-6378

Статьи индексируются в РИНЦ

www-адрес: <http://ifiyak.sfu-kras.ru/siberia-lingua>

Контакты

Почтовый адрес 660047, Красноярск, пр. Свободный, 82А, оф.328
Редакция научного журнала
Siberia_Lingua

E-mail nauka_fil@mail.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Фельде Ольга Викторовна, д-р филол. наук (отв. ред.)

Анисимов Кирилл Владиславович, д-р филол. наук

Анисимова Евгения Евгеньевна, д-р филол. наук

Григорьева Татьяна Михайловна, д-р филол. наук

Детинко Юлия Ивановна, канд. филол. наук, зам. директора ИФиЯК по научной работе

Евсеева Ирина Владимировна, д-р филол. наук

Журавель Тамара Николаевна, канд. филол. наук (зам. отв. ред.)

Колмогорова Анастасия Владимировна, д-р филол. наук

Магировская Оксана Валериевна, д-р филол. наук

Смирнов Евгений Сергеевич, ст. преп. кафедры РЯЛиРК (отв. секретарь выпуска)

Тармаева Виктория Владимировна, д-р филол. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Боргоякова Тамара Герасимовна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Говорухина Юлия Анатольевна, д-р филол. наук (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта)

Иванцова Екатерина Вадимовна, д-р филол. наук (Томский государственный исследовательский университет)

Ким Игорь Ефимович, д-р филол. наук (Институт филологии СО РАН)

Копнина Галина Анатольевна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Косяков Геннадий Викторович, д-р филол. наук (Омский государственный педагогический университет)

Куликова Людмила Викторовна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Панин Леонид Григорьевич, д-р филол. наук (Новосибирский государственный исследовательский университет)

Пекарская Ирина Владимировна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Сковородников Александр Петрович, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Сковородников Александр Петрович, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

@ Сибирский федеральный университет, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<u>I. ЛИНГВИСТИКА</u>	5
<u>Влодарчик Е.А. ГЕНДЕРНАЯ СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ ЖЕНСКОГО И МУЖСКОГО ОБРАЗОВ В РЕКЛАМЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ</u>	5
<u>Груздева Е.А. ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА КРАСНОЯРСКА В СВЕТЕ УНИВЕРСИАДЫ–2019 В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ</u>	13
<u>Дмитриева С.С. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕКЛАМНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА КНР</u>	20
<u>Казакова Е.О. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА UNDERSTATEMENT</u>	28
<u>Катцына О.А. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РУССКИХ СЛОВ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ТУВИНЦЕВ–БИЛИНГВОВ</u>	36
<u>Кузлин М.К. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕНТИМЕНТ–АНАЛИЗА ДЛЯ СИНХРОНИЗАЦИИ САУНДТРЕКА И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ ТЕКСТА</u>	46
<u>Моргун В.Г. СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА «ПОТЕРИ ЛИЦА» В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СЮЙ СЮЯ “鬼”)</u>	56
<u>Никитичев И.Г. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ ПСЕВДОНАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ ФРАНШИЗЫ «ЗВЁЗДНЫЙ ПУТЬ»)</u>	66
<u>Ризгар М. Амин. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНАХ ВЫСОКОЙ МИГРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИИ ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА)</u>	74
<u>Смирнова К.А. РУСИЗМЫ В ПАМЯТНИКАХ ЦЕРКОВНОКНИЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI–XII ВВ.</u>	80
<u>Шипилова М.В. УСТНЫЙ КУЛИНАРНЫЙ РЕЦЕПТ КАК ЖАНР ДОМАШНЕГО ОБЩЕНИЯ</u>	91
<u>II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ</u>	101
<u>Злобина Ю.Ю. РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ В СТРУКТУРЕ ДРАМАТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ «ИЗОБРАЖАЯ ЖЕРТВУ» БР. ПРЕСНЯКОВЫХ)</u>	101
<u>Лапаух О.В. БАЛЛАДНАЯ ПОЭТИКА ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА</u>	107
<u>Нуруллаев А.Д. МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПЬЕСАХ М.А. БУЛГАКОВА</u>	118
<u>Станиславчик А.О. ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗКИ ПЕТЕРА ХАКСА «УШИ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ ПОД СЕЛИТРОВЫМ СОУСОМ</u>	128
<u>Ульянкина Ю.В. СОЦИОПОЭТИКА ПОВЕСТИ И.А. БУНИНА «СУХОДОЛ»: ЯЗЫК ПРИНУЖДЕНИЯ</u>	134
<u>III. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН</u>	147
<u>Богданова А.И., Веретенникова А.В., Солдатова У.В. РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВУЗА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОНЛАЙН-ТЕХНОЛОГИЙ</u>	147
<u>Боговая О.В., Дзись Ю.И., Сидорова Н.А. ОТ СИМУЛЯЦИИ К РЕАЛЬНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ</u>	157

<u>Жигаева А.А. ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРЕССОУМЕНЬШАЮЩЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ</u>	169
<u>Злобина С.А. СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ АНГЛОГОВОРЯЩИХ УЧАЩИХСЯ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА</u>	177
<u>Латынина Е.С., Поликарпова С.В. ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ (ЦИФРОВОЙ РАССКАЗ/СТОРИТЕЛЛИНГ) С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ДЛЯ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ</u>	184
<u>IV. ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ</u>	190
<u>АНГАРСКИЙ ОХОТНИЧИЙ НАРРАТИВ. Подготовка к публикации и вступительная статья Вязовикиной О.В.</u>	190
<u>V. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ</u>	208

**ГЕНДЕРНАЯ СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ
ЖЕНСКОГО И МУЖСКОГО ОБРАЗОВ
В РЕКЛАМЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ**

Аннотация: Статья раскрывает ресурс рекламного дискурса гляцевых журналов как инструмента формирования гендерного стереотипа. Основное внимание уделяется описанию вербальных средств, объективирующих смысловое пространство феминности и маскулинности в рекламе гляцевых журналов за 2017 г., которые позволяют создать стереотипный образ современных мужчины и женщины.

Ключевые слова: гендерный стереотип, гляцевый журнал, рекламный дискурс.

Abstract: The article reveals the resource of glossy magazines' advertising discourse as a tool for the gender stereotypesformation. The main focus is to describe verbal means, objectifying the conceptual space of femininity and masculinity in the advertisements of glossy magazines from 2017, which create the stereotypical images of modern men and women.

Keywords: gender stereotype, glossy magazine, advertising discourse.

На сегодняшний день жизненное пространство человека невозможно представить без рекламы, что обуславливает актуальность её исследования в рамках в том числе и лингвистической науки. Медийное слово выражает общественное сознание, формирует общественное мнение, а также создаёт и укрепляет идеальные образы в общественном сознании. По мнению Т. Г. Добросклонской, «механизм функционирования СМИ предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько, и это гораздо более важно, её интерпретацию, комментарий, оценку, способствующую созданию определенного социально-идеологического фона» [Добросклонская, 2008: 56].

Особенность дискурса гляцевых журналов, который представляет собой один из сегментов современного медийного дискурса, обусловлена тем, что журналы не только формируют и транслируют гендерные

· Научный руководитель – канд. филол. наук Е.А. Кругликова.

Статья подготовлена по материалам доклада, признанного лучшим жюри конференции «Язык, дискурс, (интер) культура в коммуникативном пространстве человека», 24-25 апреля 2018 г.

стереотипы, но и, несомненно, апеллируют к ценностям культуры, существующим в данный период времени в том или ином обществе. Выбор рекламных текстов для печати в глянце обусловлен в том числе и тем, какой идеальный образ мужчины и женщины должен быть сформирован в сознании читателя в конечном счёте.

Целью данной статьи является выявление и описание средств формирования и репрезентации гендерных стереотипов в рекламном англоязычном дискурсе гляцевых журналов. Для этого будут рассмотрены и проанализированы тексты рекламы из гляцевых журналов «Cosmopolitan», «Men's Health», «Men's Journal», «Men's Fitness», «Esquire» за 2017 год.

Гендер – это некий социокультурный конструкт, который указывает на социальный статус и социально-психологические характеристики личности, связанные с полом и сексуальностью, но возникающие во взаимодействии с другими людьми, в том числе и в языковом поведении [Практикум..., 2003: 30]. Гендер является одной из важнейших категорий социальной жизни личности, поскольку не только конструирует отношения между представителями обоих полов, но и подразумевает то, как само общество выстраивает взаимодействие полов в социуме. Чаще всего закрепление гендерных ролей происходит через усвоение гендерных стереотипов.

Гендерные стереотипы представляют собой культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке [Кирилина, 2002].

В современном мире стереотипы легко навязываются нам средствами массовой информации. Стоит отметить, что, помимо прочего, показателем гендерной маркированности и существующих в обществе стереотипов также являются сами рекламируемые товары.

Таблица 1. Распределение рекламных объявлений по категориям

Группа Продуктов	Женские журналы (110 рекламных текстов)	Мужские журналы (84 рекламных текстов)
Уход за лицом (24)	20	4
Уход за волосами (23)	20	3
Косметика (14)	14	0
Уход за телом(15)	13	2
Одежда(13)	8	5
Обувь(7)	0	7
Аксессуары(9)	7	2
Продукты питания(10)	6	4
Парфюмерия (12)	5	7
Напитки (6)	4	2
Спорт (18)	4	14
Витамины(7)	1	6
Алкоголь (7)	0	7
Прочее (29)	8	21

Количественный подсчёт рекламируемой продукции позволил выделить некоторые гендерно маркированные товары. Фемининно-маркированными товарами являются товары по уходу за лицом, волосами и телом, а также косметика. Маскулинно-маркированными товарами – продукты питания, в том числе спортивного, алкоголь, а также предметы гардероба.

С лингвистической точки зрения рекламный текст представляет собой набор языковых средств, в которых скрыта направленность на формирование определенного гендерного образа [Сергеева, 2011: 116]. В данной статье представлены результаты морфологического анализа рекламных текстов, поскольку именно морфологическая составляющая является одним из основных показателей гендерной маркированности текста.

В результате анализа рекламных текстов женских журналов было выявлено, что наиболее часто употребляемые существительные связаны с внешним видом девушки, а именно *skin, hair, glow, body*:

–*Supercharge your **skin** while you sleep. So you wake up to radiant **skin** every day.*

–*Give yourself that **glow**. 15 essential nutrients. A tasty satisfying crunch your **body** can feel good about.*

–*OMG **hair**! New nourishing care for **hair** that's beautiful and flake free.*

В рекламных текстах мужских журналов существительные описывают не только биофизические характеристики мужчины (*protein, health*), но и, так скажем, социальные, например, *protection, energy, man*, последнее из которых имплицитно описывает характеристики настоящего мужчины, заложенные в сознании читателя:

–*Man of today. New Boss bottled tonic.*

–*You can never have too many nuts. **Protein, energy, deliciousness**: nuts have got it all.*

–*Nutrimious meals for **men**, with **taste**. Quick and flavorsome high-**protein** dished created by the experts at Men's Health.*

Большое количество прилагательных с положительной коннотацией характерно как для текстов мужских, так и женских журналов. Прилагательные в женском субкорпусе глянцевого журналов также описывают внешние характеристики современной девушки, о чём говорят наиболее часто встречающиеся определения: *beautiful, fresh, natural, healthy*.

–*Amazing every hour of the day. This stay-in-place Makeup looks flawless, **natural, beautiful**.*

–*New bronzer baked minerals for a **natural sun-kissed glow**.*

–*Les beiges. **Natural** is style. The new **healthy glow** gel touch foundation.*

Для мужских журналов характерно использование прилагательных, которые описывают физические способности современного мужчины: *new, high, fast, best, healthy*.

- **High** performance cleverly cloaked in style.
- Our shoes go **faster** than anyone else's. Discover how **fast** you can go.
- The new Ventrrix jacket releases excess body heat so you can perform at your **best**.

Что касается глаголов, то в женских журналах наиболее часто встречаются глаголы, связанные с внутренним состоянием девушки (*feel*) и её внешним видом (*look*):

– *My go-to vitamin is Perfectil. I really **feel** my skin and hair are radiant and shining.*

– ***Feel** confident washing your hair everyday.*

– ***Look** younger longer with Regentiv.*

– ***Look** good, **feel** best. All you need to be your best.*

В субкорпусе мужских журналов частотным является глагол *go*, что говорит о значимости социальной роли мужчины в обществе и о его готовности активно действовать:

– ***Go** long or go home.*

– *Our shoes **go** faster than anyone else's. Discover how fast you can **go**.*

– ***Go** get fit. Tone up. Eat well. Enjoy summer.*

– ***Go** where the wind carries you in Mississippi.*

Используемые в рекламных текстах наречия также являются гендерно маркированными семантически. Так, в рекламных текстах женских журналов часто используются наречия, которые подчеркивают положительные свойства товара или эффект от его применения, то есть акцент снова сделан на красоте, внешних особенностях и характеристиках товара:

– ***Sensationally sparkly** cosmetics. **Highly** pigmented pressed glitter.*

– *Dandruff? Demand more than flake-free hair. **Beautifully** soft, shiny hair.*

Наречия в мужских журналах имеют отличную семантику, в данном случае подчёркивается не внешний вид, а внутреннее характеристики, эмоции и ощущения, которые может вызвать тот или иной рекламируемый продукт:

*–Rapid transit. Introducing the **ridiculously** comfortable Hubbard Fast.*

*High performance **cleverly** cloaked in style.*

*–Unwind **ambitiously**. Sip **deliciously**.*

Помимо этого, рекламные тексты в мужских журналах отличаются высокой частотой употребления причастий прошедшего времени. Они подчеркивают качества и свойства рекламируемого объекта, указывая на их стабильность и неизменность, поскольку этот фактор является важным для представителей мужского пола:

*–Fitbit ionic. **Built** for fitness. **Made** for you.*

*–Hot grill, cold beer. The light beer that **launched** the category. **Brewed** for more taste.*

*–**Voted** best protein shake 2017. Maximuscle whey protein isolate.*

Таким образом на основе анализа морфологических средств, которые используются для формирования стереотипных образов мужчины и женщины в глянце, можно сделать вывод о том, что внешний вид и особенности биофизических характеристик для современной девушки важны несколько больше, чем для современного мужчины. Социальная роль девушки в семье, на работе и в обществе в дискурсе глянцевої рекламы не подчеркивается, в то время как образ мужчины – это образ защитника, полного энергии и сил для преодоления ежедневных трудностей, для которого гораздо важнее его внутреннее состояние, чем внешний образ.

В результате проведённого морфологического анализа, а также с учётом распределения рекламных объявлений по товарным категориям мы можем составить обобщённый современный стереотипный образ фемининности и маскулинности, которые сознательно конструируются и целенаправленно внедряются в массовое сознание с целью побуждения целевой аудитории покупать определённые товары, соответствующие эталону маскулинности / фемининности.

Стереотип фемининности (рис. 1) – это ухоженная девушка, которая умеет подчеркнуть свои достоинства с помощью естественного макияжа. Она

ухаживает за кожей лица, тела и волосами с помощью органических средств на основе натуральных компонентов. Современная девушка из Англии отдает предпочтение удобной одежде, которая все же помогает ей выделяться и чувствовать себя уверенно. Она уделяет время занятиям спортом и правильному питанию, чтобы оставаться стройной и подтянутой.

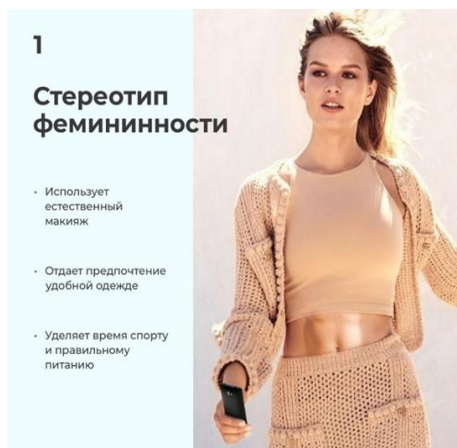

Рисунок 1. Стереотип фемининности

Стереотип маскулинности (рис. 2) – это мужчина, который следит за своим внешним видом – ухаживает за кожей лица, тела и волосами, от него всегда приятно пахнет. Современный англичанин одет стильно, но комфортно, что позволяет ему быть уверенным в себе в любой ситуации. Неотъемлемой частью его жизни является спорт и активный образ жизни. Для поддержания себя в форме молодой человек отдает предпочтение спортивному питанию и полезной пище, а также заботится о своем здоровье изнутри принимая витамины.

Рисунок 2. Стереотип маскулинности

Поскольку гляцевые журналы в печатной и электронной форме представляют собой сегмент современного масс-медийного дискурса,

претендующего на роль важнейшего разработчика социокультурных, идейных и эстетико-стилистических форм, можно считать, что такие результаты гендерной стереотипизации в языковом сознании общества отражают образ современного мужчины и женщины как образца для гендерной идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. М.: Флинта, 2008. 264 с.

2. Кирилина А.В. Гендерные стереотипы в языке [Электронный ресурс]. 2002. URL: http://www.owl.ru/win/womplus/2003/01_06.htm (дата обращения: 28.04.2018).

3. Практикум по гендерной психологии / под ред. И.С. Клециной. СПб.: ЗАО Издательский Дом «Питер», 2003. 479 с.

4. Сергеева А.В. Гендерная специфика женской печатной рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2011. Вып. 9. С. 115–117.

ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА КРАСНОЯРСКА В СВЕТЕ УНИВЕРСИАДЫ-2019 В РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию региональных СМИ на предмет формирования медиа-имиджа города Красноярск в свете приближающейся Универсиады-2019. Особое внимание уделено коммуникационному процессу между СМИ и аудиторией. На основе методов анализа формируется образ города в глазах горожан в различных сферах: социальной, экономической, политической и культурной. Прослеживается связь между видом собственности СМИ и способами предоставления информации.

Ключевые слова: медиаимидж, стратегия, репутация, имидж, методы анализа.

Abstract: The Article is devoted to the study of advertising texts of the regional media on the basis of analysis methods and identification of the main factors influencing the process of forming the city image. That will help to develop a model of a favorable media portrait. The relevance of the work is due to the rapid development of technologies and tools of communication management, which are used by companies to achieve practical goals. This article specifically focuses on the image of the city Krasnoyarsk (the venue of the Universiade 2019) in the media scene.

Keywords: communication management, methods of analysis, media image, strategy.

Быстрое развитие коммуникационных технологий усилило влияние СМИ на сознание аудитории [Гаврилов, 2012: 155]. Даже искусственно созданный имидж способен изменить реальность. В целом имидж города влияет на международное восприятие страны, повышает инвестиционную привлекательность территории и успешность политической деятельности. В свете приближающейся Универсиады-2019, Красноярск стал объектом пристального внимания всего мира. Именно поэтому необходимо сформировать имидж данного города в свете крупномасштабного спортивного события, чтобы уберечь не только Красноярск, а всю страну от всевозможных рисков, а также подчеркнуть достоинства города. Это шанс

· Научный руководитель – д-р филол.наук В.И. Гармаева.

привлечь наибольшее количество туристов, инвесторов и жителей других городов, стран.

Ключевое влияние на формирование имиджа города оказывают внутренние ретрансляторы – жители города, которые получают информацию посредством СМИ и формируют свое мнение [Ракевич, 2014: 3]. Однако СМИ предоставляют информацию под разным углом, в зависимости от политики издания и стратегических целей, которые они преследуют. Так, появляется термин «медиаимидж». Вслед за Д.П. Гавра под медиаимиджем мы понимаем тот М-имидж объекта, который в совокупности транслируется целевым аудиториям средствами массовой информации [Гавра, 2013: 41]. Следовательно, изначально необходимо изучить внутренний имидж города.

Цель исследования – выявить особенности имиджеобразующей информации города Красноярска как спортивной столицы в региональных СМИ.

Гипотеза – региональные СМИ создают позитивный медиа-имидж Красноярску в свете Универсиады-2019.

Важной составляющей в формировании имиджа города является коммуникационный процесс между СМИ и аудиторией [Морозова, 2010: 91]. Правильно выстроенная коммуникация способна привести к желаемому результату. Как показывает практика, СМИ все чаще прибегают к манипуляции, преследуя собственные цели.

При формировании имиджа города в изданиях мы ориентировались на главное спортивное коммуникационное мероприятие – Универсиаду-2019 – и все события, которые связаны с ним. Поскольку улучшить состояние города в свете Универсиады-2019 – шанс для Красноярска. Так, был выявлен имидж Красноярска в качестве спортивного центра, а также в качестве развивающегося города в различных сферах.

Для выявления медиаимиджа города использовались методы анализа текстов СМИ. Исследование мы разделили на два уровня: статистический

для выявления положительного и отрицательного медиа-имиджа города в спортивной сфере; второй уровень – слова-маркеры. В первом случае мы учитывали только спортивную сферу и посредством количественного подсчёта смысловых единиц выявили частотность материалов на данную тему. Что касается второго уровня, то посредством контекстуального анализа были проанализированы слова в целом тексте и отдельных предложениях, что позволило изучить функциональную специфику и значение каждого. Также использовался дискурс-анализ для интерпретации текста, точнее, его содержательной части, чтобы выявить отношение СМИ к объекту в свете социальных процессов. Кроме того, при помощи семантического анализа была выделена только существенная информация для анализа (слова-маркеры). Отметим, слова-маркеры позволили выявить выражение авторской позиции, ключевые слова для понимания смысла контекста. При этом мы учитывали как отдельные слова, которые создают оценочность, так и целые предложения – микромиры.

Для исследования были выбраны следующие издания: 1) интернет-газета «Newslab», поскольку это универсальное ведущее онлайн-издание, а значит, оно формирует мнения о Красноярске у большинства людей, как в нашем городе, так и за его пределами [Красноярский край..., 2017: URL: <http://www.mlg.ru/ratings/media/regional/5450/>]; 2) интернет-версия газеты «Городские новости», так как это муниципальное универсальное издание, при этом его не изучали ранее в рассматриваемом направлении.

Мы проанализировали государственное («Городские новости») и коммерческое (Newslab.ru) СМИ на предмет формирования медиа-имиджа, чтобы проследить, насколько отличается подход к предоставлению информации в муниципальных и частных СМИ. Материалы рассматриваются за определенный период – с 1 января по 19 апреля 2018 года.

Итак, рассмотрим Красноярск как спортивный центр. В этом направлении «Newslab» активнее освещает события города, чем «Городские новости». Данное СМИ представляет город в качестве объекта проведения

масштабного события с высоким уровнем подготовки. «Newslab» превозносит Красноярск не только российский уровень, но и на мировой. Например, «соревнования мирового масштаба», «крупнейшее состязание в стране». Высокий уровень подготовки трактуется подготовкой «многофункциональных и модернизированных объектов», состоянием склонов, а также уровнем специалистов и «уникальным комплексом трасс для всех видов спорта». Кроме того, этот город имеет перспективу, поскольку в свете Зимних игр пользуется повышенным вниманием. «Newslab» приписывает Красноярску «столичный статус», «светлое будущее», «новые возможности». Для усиления позиций мероприятия и города в целом делается акцент на тщательном отборе лицензиатов – «особый статус продукции», «брендовая спортивная одежда».

Однако «Newslab» отметил отрицательные стороны в свете подготовки к Универсиаде-2019, но поверхностно – «отставание в графике», «значительные расходы», «задержки в строительстве».

Что касается интернет-версии «Городские новости», то городу как спортивному объекту данное СМИ уделило лишь несколько материалов – 21. Все были созданы в позитивном ключе – масштабное событие, высокий уровень подготовки и качественная символика.

Далее Красноярск предстаёт как хозяин Универсиады-2019. Данное направление касается основных сфер – социальной, экономической, политической и культурной. «Newslab» позиционирует Красноярск в качестве лидера изменений: «Красноярск сможет раскрыть свою уникальность»; «Крупнейшее состязание в стране», «Крутые склоны», «Усовершенствованная система безопасности на объектах», «Красноярск станет городом номер один», «Особый статус продукции», «Появятся железнодорожные платформы», «Используется современное оборудование международного стандарта», «Ждут радикальные экологические изменения», «Чувствуется импульс к улучшению экологии в городе». То есть социальная

сфера затрагивает и благоустройство города, и инфраструктуру, и спортивное развитие, и экологию.

«Newslab» не забывает подчеркнуть экономическую составляющую: «Красноярск – город перспективных вложений», называя Красноярск центром российского экологического туризма. Кроме того, делается акцент на то, что чиновники способствуют развитию города. Также важной составляющей являются культурные особенности города. Это не только талантливые красноярцы, появление новых памятников, проведение культурных мероприятий, но и приверженность к уникальному территориальному расположению – заповедник «Столбы». Проблемы города данное интернет-издание освещает в минимальном количестве.

Интернет-газета «Городские новости» меньше акцентирует внимание именно на спортивной сфере, для нее важно преобразование города на фоне Универсиады. Например, «Поднимем планку выше федерального уровня», «Появится блистающий новизной комплекс общежитий», «Откроют училище олимпийских видов спорта федерального уровня», «Снизилась выбросы в атмосферу», «Решено снизить выбросы от транспорта», «Ведутся мероприятия по благоустройству центральных улиц», «Смогут с воодушевлением говорить о скверах», «Проводится модернизация детских площадок».

«Городские новости», так же, как и «Newslab», акцентируют внимание на экономической привлекательности города, работе властей по улучшению комфортной среды. Но политической составляющей уделяется большее внимание. Кроме того, при позиционировании Красноярска в качестве города с богатой культурой «Городские новости» сохраняют приверженность традиционной культуре. Несмотря на то, что это муниципальное издание, оно освещает негативные моменты.

В итоге мы видим, что «Newslab» интенсивнее освещает спортивную жизнь города, а также мероприятия в свете Универсиады. Для данного интернет-СМИ характерно использование оценочной, экспрессивной

лексики, акцентирование внимания на броских заголовках с целью привлечения аудитории. Пример: «Год на подвиг»: Красноярску пообещали светлое будущее, пылесосы и столичный статус», «Министр экологии России пообещал Красноярску чистый воздух через два года». В итоге под привлекательными заголовками скрывается обычный информационный текст. «Newslab» в основном отражает положительные стороны подготовки к масштабному событию, возвышая Красноярск до мирового уровня. Интернет-издание публикует лишь незначительные негативные моменты, связанные с отставанием в графике и с упором на экологическую ситуацию.

«Городские новости», напротив, в силу принадлежности к государственному виду собственности акцентируют внимание на модернизации дорожно-транспортной инфраструктуры города и улучшении экологической ситуации, а не на спортивных новостях. В меньшей степени для «Городских новостей» характерно использование оценочной лексики, они оперируют глаголами и публикуют лишь информативные заголовки. Кроме того, несмотря на государственный вид собственности издания, «Городские новости» отражают объективную ситуацию в городе и в меньшей степени манипулируют людьми при помощи использования цитат властей, представителей спорта, предпринимателей.

Примечательно, что СМИ делают акцент на инвестиционной привлекательности нашего города в силу территориального расположения, на привлечение туристов посредством культурных особенностей. Плюс в том, что «Городские новости» останавливают внимание на уникальной культуре.

Хотелось бы отметить, что формирование медиаимиджа города напрямую зависит от стратегических целей издания. Так, коммерческое СМИ «Newslab» стремится занять лидирующую позицию на информационном рынке на региональном уровне, именно поэтому использует броские заголовки, проводит мнения авторитетных людей, интенсивно освещает все стороны жизни города. А «Городские новости», как муниципальное издание,

в качестве цели выделяет улучшение уровня жизни города посредством полноценного освещения событий и проблем города.

Таким образом, мы видим, что посредством методов анализа мы можем выявить медиаимидж Красноярска в свете Универсиады-2019 в отношении различных сфер деятельности. Результаты анализа показали, что данные СМИ конструируют благоприятный имидж Красноярска как спортивной столицы. Негативные публикации касаются экологических проблем, благоустройства города и отставания в графике в свете подготовки объектов к Универсиаде-2019 и не выступают в качестве информационного противостояния для созданного позитивного медиаимиджа Красноярска в свете Универсиады-2019.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гавра Д.П. Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве: учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т, Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2013. 155 с.
2. Гаврилов А.А. Средства воздействия СМИ на общественное сознание в условиях информационного общества // Молодой ученый. 2012. № 8. С. 152–155.
3. Красноярский край: рейтинг СМИ за 2 квартал 2017 [Электронный ресурс] // Медиалогия. 2017. URL: [http://www.mlg.ru /ratings/media/regional /5450/](http://www.mlg.ru/ratings/media/regional/5450/) (датаобращения: 15.04.2018).
4. Морозова Т.А. Имидж города как основа его продвижения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. № 1. С. 87–92.
5. Ракевич Е.В. Роль социального пространства в формировании имиджа города: магистерская дис.: Екатеринбург, 2014. 134 с.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕКЛАМНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА КНР

Аннотация: В статье анализируются языковые средства рекламного медиадискурса в образовательной среде КНР. Приводится типология лингвопрагматических стратегий, реализующих положительный образ вуза, способных повлиять на выбор абитуриентов. Проводится параллель с рекламными стратегиями российских вузов с целью модернизации и адаптации российских сайтов в пользу студентов из Китая.

Ключевые слова: лингвопрагматика, лингвистический маркетинг, лингвопрагматические стратегии, неймдроппинг, неомания, китайский язык.

Abstract: The article analyses the linguistic means of advertising media-discourse in terms of Chinese educational institutions. The author provides with the typology of linguopragmatic strategies, which actualize positive image of the university and to some extent influence–matriculate's choice. The author draws a parallel with advertising campaigns of Russian and Chinese universities in order to modernize the adaptation of Russian web-sites to Chinese students.

Keywords: linguopragmatics, linguistic marketing, linguopragmatic strategies, name-dropping, neomania, Chinese language.

В настоящее время образовательная индустрия переживает период стремительного подъема: появляется все больше университетов, которые предлагают свои услуги не только в своей стране, но и за рубежом. Столь динамичное развитие отрасли обеспечивается совершенствованием приемов и средств продвижения образовательного продукта. Каналом распространения информации является веб-сайт, в рамках которого осуществляется первичная коммуникация абитуриентов с академическим сообществом. Поскольку тексты обладают персуазивным характером, то их можно отнести к рекламным, целью которых является изменение картины мира адресата в желаемую для адресанта сторону.

· Научный руководитель – канд. филол. наук Е.В. Чистова.

Рекламный образовательный дискурс стал предметом научного изучения совсем недавно, и к настоящему времени его специфика не получила достаточного освещения. Опираясь на рассуждения Н.В. Денисовой под образовательным дискурсом мы подразумеваем вид коммуникации, реальным автором которой являются сотрудники рекламно-информационной службы и адресатом – целевые группы, среди которых выделяются выпускники школ, родители и лица, желающие получить второе высшее образование, особенностью которой является привлечение потенциальных абитуриентов и создание привлекательного имиджа вуза на рынке образовательных услуг [Денисова, 2008: 31].

Изучив труды отечественных и зарубежных исследователей, мы пришли к выводу, что рекламные стратегии образовательного продукта подразделяются на маркетинговые и лингвопрагматические. К маркетинговым относятся: брендинговая и имиджевая стратегии (разработка и дизайн сайта, логотипа). Что касается лингвопрагматических стратегий, то мы изучили классификации предшественников (Л.М. Гончаровой, Н.А. Тюленевой, Ю.К. Пироговой, С.В. Лосевой, А.А. Калашаовой и О.В. Стрижковой) и выявили самые частотные стратегии в китайскоязычном рекламном образовательном дискурсе. К ним относим:

- 1) стратегию позитива (представление позитивных сторон рекламируемой услуги);
- 2) аргументативную стратегию (осуществление рекламизации вуза за счет рациональных и эмоциональных приемов);
- 3) когнитивную стратегию (вербализация актуальных для образовательного дискурса концептов);
- 4) позиционирующую стратегию (акцентирование на отличии услуги от конкурентов на рынке);
- 5) персуазивную стратегию (убеждение в актуальности образования).

Рассмотрим лингвопрагматический потенциал выявленных стратегий.

1. Тактика положительной оценки представляет собой эксплицитно выраженную похвалу вузу и предоставляемым им услугам. На языковом уровне данная тактика реализуется за счет включения в текст эпитетов с ярко выраженным коннотативным элементом гиперболизированного положительного значения 高级的 / «высший»; 辉煌的 / «блестящий»; 优良的 / «превосходный»; 杰出 / «выдающийся»; 优秀 / «лучший»; 高端 / «профессиональный»; 著名 / «известный»; 高素质的 / «высококвалифицированный»; 不懈的 / «неустанный»; 强烈的 / «мощный»; 前沿 / «передовой»; 明确 / «ясный».

2. Аппеляция к честности и надежности образовательной услуги, в рамках которой используются факты, убеждающие потребителя в надежности и достоверности информации об образовательном продукте. Стратегия реализуется за счет глаголов, образованных суффиксом 到, 进, 出 / «достигать определенного результата». Важным фактом является то, что суффикс 到 (dao) участвует в процессе фонетической ассимиляции с омофоном 道 (dao), который, согласно китайской мифологии, обозначает продвижение по жизненному пути в соответствии с нравственным поведением и морали социального порядка. Это нередко свидетельствует о достоверности информации: 得到进一步完善 / «сделать шаг к совершенству», 达到世界水平 / «достичь мирового уровня», 促进教育公平 / «способствовать равному обучению», 在改进研究生选拔和培养方式上 / «модернизировать отбор и форму подготовки аспирантов», 国际化的世界一流大学目标奋进 / «ближайшая цель – это продвижение университета на уровень мирового класса».

3. Основной целью поступления в вуз является получение качественного образования и дальнейшего трудоустройства. Тактика акцентирования **пользы услуги** повышает суггестивный потенциал текстов благодаря применению глаголов с денотативным компонентом «улучшение, приращение»: 综合改革 / «комплексно реформировать», 不断提升 / «непрерывно улучшать», 改革取得突出成果 / «реформа достигла выдающихся результатов», 进一步开拓学生的国际化视野 / «продвинулись на шаг вперед в рамках расширения интернационализации студентов», 培养高级医学专业人才 / «подготовка медицинских специалистов высокого разряда».

4. Для акцента на уникальности вуза или превосходстве над другими, авторы рекламных образовательных текстов используют **тактику дифференциации**, которая реализуется посредством гипербол: 很高的学术价值 / «очень высокая научная ценность», 很高水平教师队伍 / «преподавательский состав очень высокого уровня»; суперлативов: 最好的学习条件 / «наилучшие условия обучения»; выделительных числительных: 成为我国百强企业最欢迎的 10 所大学之一 / «он стал одним из 10 самых популярных университетов в Китае»; порядковых числительных: 质量第一的评价标准 / «первоклассный стандарт качества».

5. Тактика **неомании** – стремление включить в рекламу элемент новизны для создания неповторимости услуги, ее совершенствования по сравнению с предшествующим положением. В рекламном тексте это реализуется через применение лексемы «инновация» и залога будущего времени: 提高学生创新意识、创新能力 / «повысить инновационное мышление студентов и инновационные способности»; 将会秉承优良传统 / «в

будущем будем следовать лучшим традициям». Студенты поступают в университет с целью изменить мир к лучшему, следовательно, любой абитуриент делает предпочтение вузу, который предлагает модернизированные условия обучения.

6. В связи с тем, что студенты выбирают престижное место обучения, каждый вуз стремится использовать **тактику эстетизации образовательных услуг**, приравнивая получение образования к прекрасному времяпровождению. Основные языковые средства данной тактики – метафоры и качественные прилагательные: 风云两甲子, 弦歌三世纪 / «На протяжении долгого времени возникали трудности, за целый век под звуки музыки и пения выросли 3 поколения»; 高素质的经世人才 / «высококвалифицированные специалисты в области управления государством»; 精英大学/ «элитарный университет».

7. В условиях высокой конкуренции вузы стремятся показать свои отличительные свойства, вследствие чего применяют **тактику уникального торгового предложения**, основная цель которой заключается в акцентировании внимания на конкретной специфической пользе рекламируемой услуги, позволяющей создать ее уникальность и неповторимость в сознании абитуриента. Достижение персуазивности осуществляется благодаря метафорам: 宽口径的学生 / «высококвалифицированные студенты» (дословный перевод: «студенты с широко раскрытым ртом, то есть те, кто много знает»), 人才荟萃 / «созвездие талантов», 杰出人物 / «сливки общества», 因材施教 / «индивидуализация обучения».

8. **Ценностно-ориентированная тактика** представляет апелляцию к значимым для студентов концептам: в китайскоязычном образовательном дискурсе важными ценностями являются: единство, семья, коллективизм, следовательно, университеты стараются создать уютную и сплоченную

учебную атмосферу. Аппеляция к патриотизму актуализирует концепт «китайской мечты», заключающийся в развитии китайской нации: ...为中华民族的解放和振兴做出了重大贡献. 他们的辉煌业绩和奉献精神永远激励人们奋进! / «...внесли значительный вклад в освобождение и возрождение китайской нации. Их блестящая работа и самоотверженность всегда будут вдохновлять людей продвигаться вперед». Кроме того, в исследуемых текстах часто фигурирует концепт «единство» 共同努力使梦想成真 / «совместные усилия помогут мечтам сбыться». Наиболее значимой для китайцев является конфуцианская модель социального поведения: 自强不息、厚德载物 / «Постоянно самосовершенствуйся, добродетельный муж способен на великие свершения».

9. В рекламном образовательном дискурсе встречается **тактика неймдроппинга** – согласно Н.В. Васильевой неймдроппинг – это «тип дискурсивного поведения, при котором говорящий, желая подчеркнуть свою принадлежность к определенным (как правило, престижным) социальным кругам (референтным группам), походя упоминает значимые для этих групп имена и названия» [Васильева, 2015: 323]. Вузы ссылаются на всемирно известных ученых, которые на данный момент занимают высокие позиции в обществе, а также корпорации и университеты, с которыми сотрудничает вуз. Например, 另外, 学院与 IBM、微软、Google、Intel、Oracle、SAP、花旗、联想、百度等知名 IT 企业建立了良好的合作关系 / Колледж налаживает сотрудничество с известными ИТ-компаниями, такими как IBM, Microsoft, Google, Intel, Oracle, SAP, Citi, Lenovo и Baidu.

学院由我国著名资源环境专家、中国工程院院士孙九林教授担任院长/ «Колледж возглавляет профессор Сунь Цзюлин, известный эксперт по ресурсной среде из Китая и член Китайской инженерной академии».

10. В рекламном образовательном дискурсе тактика предоставления статистической информации также имеет важное значение. Доказательством востребованности вуза служат статистические данные о количестве выпускников, исследователей, докторов наук. На языковом уровне данная тактика реализуется посредством количественных числительных: 学院现有在编教职工 24 人, 其中行政人员 12 人、汉语教师 12 人。其中学历生 1687 人, 本科 859 人, 硕士 618 人, 博士 210 人。 / «В настоящее время в колледже работают 24 сотрудника, в том числе 12 административных сотрудников и 12 преподавателей китайского языка. История вуза начитывает 1687 студентов, среди которых 859 бакалавров, 618 аспирантов и 210 докторов наук». Важным фактором является рейтинг, который демонстрирует положение вуза на образовательном рынке и может стать решающим доводом при выборе вуза: 1996 年在全国首家通过本科教学优秀评估。连续几年在教育部直属高校一次性就业率排名第一 / «В 1996 году университет был удостоен лучшей оценки в Китае. В течение нескольких лет подряд он занимал *первое место* в Министерстве образования».

При анализе сайтов университетов России и Китая, были выявлены следующие различия. Во-первых, для русской лингвокультуры не характерно прибегать к религиозным и философским трактатам, однако в китайскоязычном рекламном образовательном дискурсе философия Дао и конфуцианства являются основополагающими регуляторами социального порядка и отношения граждан к государству. Во-вторых, в китайскоязычном дискурсе отражается коллективистская модель поведения, согласно которой осуществить желаемое можно лишь совместными усилиями. В-третьих, в рекламе китайских вузов рекламодаватель акцентирует внимание на получение образования скорее не для личностных побуждений, а для развития и процветания Китая.

Следует отметить, что в большей степени стратегии российских и китайских вузов совпадают, однако для привлечения внимания абитуриентов

из КНР следует сделать акцент на единстве институциональной организации, в которой студенты смогут получить поддержку от преподавателей, соразмеримую с поддержкой родственников.

В заключение мы можем сделать вывод о том, что все вышеперечисленные тактики актуальны для китайскоязычного рекламного образовательного дискурса и носят рекламный характер, так как обладают персуазивным потенциалом, убеждая адресата в необходимости поступления в вуз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Н.В. Неймдроппинг как дискурсивное поведение и как поэтический прием // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления. Белгород: Изд-во ООО «ПТ», 2015. С. 323–329.
2. Гончарова Л.М. Коммуникативные возможности речевых тактик в рекламных текстах // Вестник МГОУ. № 2. 2010. С. 21–25.
3. Денисова Н.В. Рекламные жанры научно-образовательного дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2008. 207 с.
4. Калашаова А.А. Лингвопрагматические особенности рекламы в сфере высшего образования // Вестник АГУ. Вып. 3(145), 2014. С. 30–34.
5. Лосева С.В. Использование механизмов речевого воздействия в агитационных текстах для абитуриентов // Язык СМИ. *Lingua mobilis* № 5 (44), 2013. С. 141–145.
6. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте // Текст. Интертекст. Культура: сб. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 апреля 2001 года). М.: Азбуковник, 2001. 608 с.
7. Стрижкова О.В. Стратегия персуазивности как одно из основных стратегий рекламного дискурса // Альманах современной науки и образования, №8 (27). Ч. 2. 2009. С. 189–193.
8. Тюленева Н.А. Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской рекламе: дис. ... канд. филол. наук 10.02.20 Омск. 2008. 269 с.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА UNDERSTATEMENT

Аннотация: Данная статья посвящена изучению лингвокультурного концепта UNDERSTATEMENT. В ходе исследования были описаны ключевые черты английского национального характера, репрезентированные в исследуемом концепте, а также выявлены основные лексические средства его актуализации. Материалом для исследования послужили скрипты британского телесериала «The Crown».

Ключевые слова: концепт, недосказание, лексические средства репрезентации.

Abstract: This article is devoted to the study of UNDERSTATEMENT, a linguo-cultural concept. In the course of the research the key features of English national character reflected in the concept described and the main lexical means of representing the concept determined. The research is based on the material that was collected from “The Crown” TV-series.

Keywords: concept, understatement, lexical means of representation.

В связи с господством антропоцентрической парадигмы в лингвистике и общим интересом к культурологическим исследованиям, большое распространение получают исследования, связанные с различиями в восприятии и процессах познания мира у разных народов и, следовательно, исследования, посвященные национально-культурным концептам.

Целью данного исследования является описание концепта UNDERSTATEMENT и выявление основных лексических средств его репрезентации. В ходе исследования применялись как общенаучные методы исследования (наблюдение, сравнение, анализ), так и лингвистические: концептуальный анализ, дефиниционный анализ, контент-анализ, конверсационный анализ.

Познание представляет собой сложный многоступенчатый процесс. Известный психолог Л.М. Веккер в своей единой теории психических процессов выделяет три собственно когнитивных процесса. В ходе первого процесса, ощущения, человек с помощью органов чувств воспринимает

· Научный руководитель – канд. филол. наук Е.С. Мучкина.

отдельные признаки предметов (форму, размер, цвет и т. д.). Из этих признаков в ходе второго процесса, восприятия, формируется чувственный образ предмета. Именно процесс восприятия является ведущим познавательным процессом. Однако одного восприятия недостаточно для совершения различных действий с объектами действительности. В этом случае подключается третий процесс, мышление, который отражает связи и отношения между объектами действительности [Веккер, 1998: 261].

С помощью данных познавательных процессов человек конструирует модель окружающей действительности – картину мира, которая позволяет человеку изучать мир и взаимодействовать с его объектами. Картина мира – это «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» [Постовалова, 1988: 21].

Картина мира репрезентируется в языке через языковую картину мира – «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и в их значениях» [Попова, Стернин; 2007: 38]. Языковая картина складывается из специфических концептов.

Человек оперирует полученным опытом и знаниями через концепты – единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью, как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом [Маслова, 2001].

В связи с тем, что процессы познания всегда происходят в культурно-обусловленной среде, концепты всегда имеют ярко выраженную культурную окраску. В них отражаются традиции, обычаи и система ценностей этноса, его национальный характер. А. Вежбицкая выделяет «ключевые слова» или концепты, которые являются особенно важными для определенного этноса (например, концепты «СУДЬБА», «ДУША» в русском языке)

[Вежбицкая, 1999: 80]. Именно совокупность таких лингвоспецифичных концептов наиболее ярко показывает особенности мышления народа и ключевые черты его национального характера.

Как отмечают многие исследователи, для британцев характерны следующие черты национального характера: дистантность, чувство личного пространства, сдержанность, вежливость, чувство юмора и т.д. [Ларина, 2013: 31]. Англичане не одобряют открытое проявление эмоций и хвастовство, ценя при этом сдержанность и самоконтроль. Все вышеуказанные черты английского национального характера указывают на их стремление сохранить дистанцию между собой и собеседником.

Английский национальный характер достаточно ярко отражается в концепте UNDERSTATEMENT. В большинстве словарей *understatement* определяется как «прием намеренного занижения оценки или неполной подачи информации о предмете, создающий несоответствие правде и имеющий своей целью оказать определенное воздействие на собеседника» [Джигоева, 2009: 11]. Английское слово *understatement* на русский язык может передаваться как недооценка, преуменьшение, смягчение, недосказание, умолчание и т. д.

Недосказание широко распространено среди англичан и является неотъемлемой частью английского коммуникативного поведения. Такантрополог К. Фокспишет: «The English are rightly renowned for their use of understatement, not because we invented it or because we do it better than anyone else, but because we do it so much» [Fox, 2004: 67].

Как и многие другие концепты, концепт UNDERSTATEMENT может быть выражен широким спектром структур как лексических, так и грамматических. В нашем исследовании мы более подробно остановимся именно на лексических средствах репрезентации данного концепта в английском языке.

Материалом для исследования послужил британский телесериал «The Crown», который повествует о жизни молодой королевы Елизаветы II и

ее окружения. Скрипты сериала прекрасно иллюстрируют особенности британского коммуникативного поведения и дают большой объём материала для анализа.

Одним из средств репрезентации концепта являются глаголы, выражающие намерение (*tobeinclined, totend, tointend, beboundto* и т. д.), мнение (*think, gather, feel, guess, suppose, assume* и т. д.), а также *I'dliketophrasesc* глаголами говорения. Используя эти глаголы, говорящий может продемонстрировать, что он не претендует на полную достоверность своего высказывания и лишь выражает свое субъективное мнение. Конструкции с такими глаголами используются для выражения, оценки, мнения, сомнения, советов и критики. Поясним вышесказанное примерами. Так, в следующем примере герой пытается смягчить эмоциональное напряжение с помощью глагола *togather*:

– *What's taking so long?*

– *Well' I gather we have the secure line, ma'am. They're just having trouble locating Her Majesty.*

В следующем примере герой пытается разрядить обстановку и слегка уменьшить дистанцию между собой и другим персонажем:

– *Thank you, sir.*

– *I suppose it had better be «Phillip» from now on.*

Understatement также может быть выражен словами и фразами с вероятностным значением, например, такими словами как *perhaps, probably, maybe, bychance* и т. д. Они используются в случаях, когда необходимо уклониться от выражения своих мыслей напрямую при передаче критики, совета, жалобы или объяснения и т. д. Например:

– *You seem uncharacteristically jumpy. Guilty conscience, perhaps.*

– *Why should I have a guilty conscience?*

– *Haveathink.*

В данном примере героиня завуалированно выражает недовольство тем, что ее сестра, королева, препятствует ее браку из политических

соображений. Наречие *perhaps* в данном случае помогает ей скрыть свои истинные эмоции.

В следующем примере герой использует наречие *probably* для того, чтобы смягчить отказ:

– *I had a call today from Sir John Weir, my mother's doctor. Telling me that, in his opinion, she was in her final days now, and my sister and I should make our way over.*

– *With me?*

– ***Probably best without.***

Слова с вероятностным значением также могут быть использованы для выражения намеков. Так, в следующем примере герой пытается намекнуть художнику, пишущему его портрет, что картина не должна быть слишком близка к оригиналу:

– *I imagine there are a great number of Mr. Churchills.*

– *Well, as you search for him, **perhaps I can implore you not to feel the need to be too accurate.***

Некоторые вводные слова и конструкции, например *I'm afraid* или *Ifear*, также являются репрезентантами концепта *understatement*. Эти единицы чаще всего используются для смягчения информации, которая представлена в высказывании, например, когда нужно сообщить неприятные новости:

– *I'm afraid the day does hold some challenges, ma'am. The route's ten miles and the streets are already packed.*

Данный пример также демонстрирует склонность англичан к использованию слов широкой семантики. Слова широкой семантики это слова, имеющие «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи [Амосова, 1963: 203]». Подобные слова (например, существительные *thing, stuff, affair, problem* и т. д.) могут иметь до

нескольких сотен значений, которые проявляются только в определённом контексте и в определённом окружении. В примере, указанном выше, персонаж использует слово с широкой семантикой (*challenges*), которое может обладать как положительным, так и отрицательным значением, вместо слов с более узким, конкретным значением (*troubles* или *difficulties*). Это позволяет ему разрядить обстановку.

Вводные конструкции также могут быть использованы и для смягчения отказа:

– *Your majesty, I've had the opportunity to think about your very kind offer to become your private secretary. And I'm afraid I must decline.*

Кроме конструкции *I'm afraid* в подобных ситуациях также используется подобная ей конструкция *I fear*:

– *They can marry in Scotland, where I am not head of the Church.*

– *Your Majesty, I fear the matter is more intricate.*

Англичанам также свойственно избегать слов с отрицательной оценкой и использовать вместо них слова с положительной или нейтральной оценкой для избегания категоричности. Так, в вышеуказанном примере вместо слова *difficult*, которое несет в себе семы с отрицательной окраской (*noteasy, causingtrouble, needingeffort, nothelpful*, и т. д.), персонаж использует лексему *intricate*, которая в себе такой окраски не несет (*havingalotofdetails, parts*, и т. д.).

Также средством репрезентации концепта UNDERSTATEMENT могут быть различные эвфемизмы, которые служат для преуменьшения реального значения высказывания. Так, в следующем примере герой спрашивает опытного летчика, сможет ли он получить лицензию пилота через три месяца с начала обучения. Пилот, зная, что это попросту невозможно, отвечает, что это было бы *unusual*:

– *How long will it take me to get my wings?*

– *Well, normally, a trainee would spend anything between 100 and 120 hours in one of these things.*

– *Do you think I could do it in three months?*

– *That would be unusual, sir.*

Репрезентантом концепта UNDERSTATEMENT могут служить даже междометия, которыми заменяются более экспрессивные средства выражения удивления или огорчения:

– *And who's "us all"?*

– *You, and me, and Phillip, and... I'd like to bring Peter if I may.*

– *Oh.*

Таким образом, мы установили, что концепт UNDERSTATEMENT может быть выражен несколькими группами лексических средств, которые могут передавать различные значения, а также могут использоваться в большом количестве ситуаций для достижения определенного эффекта на слушателя. Из них наиболее часто употребляются вводные слова (44 % от общего количества примеров), затем идут слова и фразы со значением вероятности (28 %), глаголы, выражающие мнение (12 %), и наконец, междометия (8 %) и эвфемизмы (8 %).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. 208 с.

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

2. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 366 с.

3. Джигоева А.А. Understatement как отражение англо-саксонского менталитета // Английский язык на гуманитарных факультетах. Теория и практика: Сборник научных и методических трудов. Вып. 3. – М., 2009. С. 529.

4. Ларина Т.В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.

5. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 183 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
7. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / под науч. ред. дра филол. наук, академика Б.А. Серебренникова. Москва: Наука, 1988. С. 869.
8. Fox, K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour. L.: Hodder&Stoughton, 2004. 424 p.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РУССКИХ СЛОВ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ТУВИНЦЕВ-БИЛИНГВОВ

Аннотация: В статье рассматриваются предварительные результаты, полученные в ходе опроса тувинцев, которые владеют русским языком как вторым. В ходе исследования была разработана анкета, направленная на выявление различий в психолингвистических параметрах русских слов. В результате были выявлены основные отличия в данных параметрах и проанализированы их возможные причины.

Ключевые слова: билингвизм, психолингвистический параметр, языковое сознание.

Abstract: The purpose of this paper is to analyze preliminary results revealed during the survey of Tuvinians, whose second language is Russian. At this phase of the research we elaborated a form aimed at revealing the differences between psycholinguistic parameters of Russian words. As a result, we uncovered principal differences in these parameters and analyzed their possible causes.

Keywords: bilingualism, psycholinguistic parameter, linguistic consciousness.

Целью данного исследования является выявление отличий в психолингвистических параметрах слов русского языка в языковом сознании билингвов по сравнению с русскими монолингвами для последующего применения результатов исследования в улучшении метода восстановления речи у пациентов с афатическими расстройствами речи, которые владеют русским языком как вторым.

Для достижения поставленной цели нами была разработана анкета, состоящая из двух частей: социолингвистической и экспериментальной.

Первая часть (социолингвистическая) включает в себя 8 вопросов:

1. Пол
2. Национальность
3. Образование

· Научный руководитель – д-р филол. наук А.В. Колмогорова.

4. Родной язык
5. Когда Вы начали изучать второй язык?
6. На каком языке Вы общаетесь дома?
7. На каком языке Вы общаетесь на работе / учебе?
8. Испытываете ли Вы трудности при общении на неродном языке?

Вторая часть анкеты содержит 134 слова-стимула: 65 номинаций наиболее культурно значимых для тувинцев смыслов, 51 из которых было взято из работы Ч.С. Цыбеновой «Ассоциативный эксперимент в контексте исследования языковой ситуации: на примере Республики Тыва» [Цыбенова, 2013], посвященной выявлению особенностей языкового сознания двуязычных тувинцев. К ним было добавлено еще 14 лексем, имеющих определенную культурную значимость для тувинцев. Например, выбор стимула *огонь* объясняется тем, что у тувинцев до сих пор существует культ огня. Он всегда рассматривался как покровитель, защитник дома и семейного очага. В обрядовой системе культов именно культ огня считается одним из самых важных [Сарыглар, 2014: 370]. Несмотря на то что обряды восходят к шаманизму, который все еще занимает важное место в системе религиозных представлений тувинцев, невозможно не заметить достаточно сильное влияние буддизма [Айыжы, Базырчап, 2013: 20]. Именно этой религии придерживается большинство тувинцев в настоящее время, чем объясняется наш выбор стимула *буддизм*.

Анкета была дополнена 69 словами из базы данных «Библиотека стимулов: существительное и объект», разработанная Ю.С. Акининой на материале опроса, проведенного среди неврологически здоровых носителей русского языка. Данные стимулы были извлечены методом систематической выборки.

База данных «Библиотека стимулов: существительное и объект» объединяет 1071 слово: глаголы и существительные. Каждое из них было охарактеризовано с точки зрения десяти нормативных параметров, четыре из которых представляют собой нормативные параметры для рисунка:

устойчивость номинации, знакомство с концептом, субъективная и объективная сложность. Остальные шесть параметров имеют отношение к самому слову: возраст усвоения, представимость, сходство образа с рисунком, частотность, длина в слогах, длина в фонемах [Акинина, 2016].

Так, каждое слово в нашей анкете так же сопровождается серией вопросов, направленных на выявление психолингвистических параметров, и рисунком. В нашем исследовании мы ограничились выбором и последующим сравнением четырех параметров:

1. Возраст усвоения (когда, по мнению испытуемого, он выучил это слово);
2. Представимость (насколько легко представить обозначенный словом объект);
3. Сходство образа с рисунком (насколько образ, возникающий при предъявлении слова, согласуется с изображением);
4. Субъективная сложность рисунка (сложность самого рисунка по количеству изображенных деталей и линий).

Анкета была создана на платформе «GoogleForms». Для удобства она была разделена на две части: первая часть включает 70 слов-стимулов, вторая – 64 слова-стимула. В результате на первую часть анкеты на данный момент ответило 3 информанта, на вторую – 1.

В данной статье мы рассмотрим различия в параметрах «представимость» и «сходство образа с рисунком» как наиболее существенных. В следующей таблице (см. табл. 1) представлены средние значения параметров культурно значимых для тувинцев слов (столбец 1) и слов, полученных из базы данных «Библиотека стимулов: существительное и объект» (столбец 6), где M1 – среднее значение параметра слова, имеющего культурную значимость, а M2 – среднее значение параметра слова из базы данных.

Таблица 1. Сравнение параметров

1	3		4		6
Слово-стимул (1)	Представимость		Сходство образа с рисунком		Слово-стимул (2)
	М1	М 2	М1	М 2	
Конь	1,3	1	2,6	5	Игла
Белый	1	1	1,6	3, 3	Голова
Аржаан	1	1, 3	5	1	Камера
Тайга	1	1	3	5	Крыша
Чалама	1	1, 3	3,3	4, 3	Ракета
Буддизм	1,6	1	3,6	4, 3	Фотоаппарат
Жизнь	3,3	1	4	5	Свинья
Девять	1	1	3	5	Скорпион
Красный	1,6	1, 3	4,6	3, 6	Аптека
Очаг	1	1	4,6	5	Термос
Родина	1	1	3,6	3, 6	Жалюзи
Небо	1	1	5	4, 3	Стрела
Религия	1	1,	3,6	5	Коридор

		3			
Восток	2,6	1	2	5	Подушка
Оваа	1,3	1	3,3	4, 6	Салфетк и
Пять	1	1	5	3, 6	Шар
Артыш	1	1	5	4, 6	Цапля
Охота	1	1	5	5	Варежка
Зеленый	1	1, 5	3,6	3, 6	Клубок
Брат	1	1	5	5	Лицо
Работа	1	1	5	5	Груша
Огонь	1	1	4,6	5	Нога
Время	1,3	1	2,6	5	Кенгуру
Лама	1	1	2,6	4	Платье
Свобода	2	1	4,3	5	Джинн
Перевал	1,3	1	5	5	Конверт
Листвен ница	1	1	5	5	Перчатка
Монгол	1	1	4,6	5	Ноутбук
Папа	1	1	5	5	Миска
Милосер дие	1,6	1	4,3	5	Озеро

Как видим из таблицы (табл. 1), тувинцам сложнее представить те слова, которые имеют для них определенную культурную значимость, т. к.

данные слова в большинстве своем представляют собой абстрактные понятия (такие как *жизнь, восток, буддизм* и т. д.). Более того, можно предположить, что данные понятия, как наиболее значимые для тувинской культуры, информантам оказалось сложно представить в связи с тем, что в их сознании они представлены в виде сложных, детализированных образов, которые с трудом можно свести лишь к какому-либо одному конкретному изображению. Также наиболее сложно информантам оказалось представить объекты, обозначенные словами *камера, ракета, коридор, аптека* и *клубок*. Это может быть обусловлено тем, что данные объекты чужды для тувинской культуры.

В средних значениях параметра «сходство образа с рисунком» не наблюдается существенных различий. Однако можно отметить, что сходство образа, возникающего при предъявлении слов *конь, белый, восток, время, лама* для информантов наименее согласуется с приведенными изображениями. Примечательно, что информанты оценили сходство рисунка и образа, который возникает у них при слове «камера» на 1 (совсем не похож) из 5, т.к. все испытуемые представили себе не тюремную камеру, как было представлено на рисунке, а камеру, предназначенную для фото- и видеосъемки.

При сравнении параметров слов из базы данных «Библиотека стимулов: существительное и объект» и параметров, полученных в результате эксперимента с тувинцами, обнаружились следующие отличия (см. табл. 2). М – среднее значение от ответов тувинских информантов, БД – среднее значение параметров слов, приведенное в базе данных.

Таблица 2. Сравнение параметров

Слово- стимул	Представимость		Сходство образа с рисунком	
	М	БД	М	БД
Аптека	1,3	1,18	3,6	3,99
Игла	1	1,01	5	4,7
Голова	1	1,14	3,5	3,69
Камера	1,3	1,49	1	2,06
Крыша	1	1,09	5	4,28
Ракета	1,3	1,15	4,3	4,00
Фотоапп арат	1	1,17	4,3	4,02
Свинья	1	1,08	5	3,7
Скорпио н	1	1,34	5	4,48
Бабушка	1	1,11	4,3	3,76
Термос	1	1,12	5	4,35
Осьмино г	1,3	1,15	3,6	4,37
Ботинки	1	1,09	5	4,24
Жалюзи	1	1,36	3,6	4,36
Стрела	1	1,07	4,3	4,84
Молоко	1	1,25	4	3,54
Подушка	1	1,04	5	4,33
Салфетк и	1	1,16	4,6	2,26

Шар	1	1,09	3,6	3,56
Цапля	1	1,12	4,6	3,99
Варежка	1	1,07	5	4,13
Клубок	1,5	1,04	3,6	4,81
Лицо	1	1,56	5	3,13
Груша	1	1,01	5	4,78
Нога	1	1,04	5	4,40
Кенгуру	1	1,19	5	4,58
Солнце	1	1,04	4,6	3,20
Джинн	1	1,52	5	3,52
Конверт	1	1,05	5	4,81
Перчатка	1	1,03	5	4,06
Ноутбук	1	1,11	5	4,56
Миска	1	1,09	5	3,91
Озеро	1	1,13	5	3,93
Платье	1	1,07	4	3,23
Унитаз	1	1,06	5	4,67
Коридор	1,3	1,18	5	3,88
Пастух	1	1,48	4	2,67
Фея	1	1,61	5	2,80
Шприц	1	1,12	5	4,68

Как тувинским, так и русским испытуемым оказалось довольно легко представить образы, возникающие при предъявлении слов-стимулов. Значения параметра «сходство образа с рисунком» также практически не отличаются друг от друга. Однако наиболее существенные различия можно

отметить в словах *камера*, *джинн* и *фея*. Тувинские информанты оценили рисунок, предъявленный к слову-стимулу *камера*, как абсолютно не похожий на то, что они себе представили. Как уже отмечалось, это связано с тем, что в их сознании возникает образ, связанный с аппаратом для съемки фото и видео, но никак не связанный с тюрьмой. Тем не менее, можно заметить, что русские информанты, хотя и не оценили сходство возникающего образа с рисунком высоко, но значение данного параметра выше по сравнению со значением, полученного от тувинских информантов.

Сходство образа, возникающего при предъявлении слов *фея* и *джинн*, тувинцы оценили на 5 (очень похож) из 5, русские же испытуемые не посчитали, что рисунок так сильно похож на возникающий у них в сознании образ. Возможно, это связано с тем, что для тувинской культуры данные понятия чужды и не имеют какой-либо значимости, поэтому тувинцы представляют эти объекты лишь в общих чертах. Русские же знакомятся с данными персонажами сказок еще в детстве, поэтому и представляют их во всех деталях, которые могут не совпадать с теми, что изображены на предъявленном рисунке.

В значениях параметра «субъективная сложность рисунка» можно отметить следующую тенденцию: в среднем тувинцы считают предоставленные изображения довольно простыми, в то время как русские оценивают их, как более сложные.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В целом тувинским информантам сложнее представить себе объекты, обозначенные культурно значимым для них словом в связи с тем, что данные объекты представляют собой сложные, детальные образы в сознании тувинцев.

2. Значение параметра «сходство образа и рисунка» наиболее высоко в том случае, если понятие, обозначенное словом, далеко от тувинской культуры или же не совсем понятно информантам. Данный факт

можно объяснить тем, что в сознании тувинцев эти объекты представлены в виде упрощенных образов, без каких-либо деталей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айыжы Е.В., Базырчап А.О. Обряды и обычаи, связанные с культурами природы у тувинцев республики Тыва РФ, Китая, Монголии в начале XXI века // Вестник КемГУ. Серия: История. 2013. Т.1. Вып. 55. С. 18–23.

2. Акинина Ю.С., Грабовская М.А., Вечкаева А., Игнатъев Г.А., Исаев Д.Ю., Ханова А.Ф. Библиотека психолингвистических стимулов: новые данные для русского и татарского языка // VII международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. М.: Институт психологии РАН. 2016. С. 93–95.

3. Сарыглар Ч.Ш. Культ семейного очага у тувинцев-номадов // Мир науки, культуры, образования. 2014. Вып. 44. С. 370–371.

4. Цыбенова Ч.С. Ассоциативный эксперимент в контексте исследования языковой ситуации: на примере Республики Тыва // Вопросы психолингвистики. 2013. Вып. 17. С. 180–193.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕНТИМЕНТ-АНАЛИЗА ДЛЯ СИНХРОНИЗАЦИИ САУНДТРЕКА И ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ ТЕКСТА

Аннотация: В статье анализируются предварительные результаты по созданию программы для определения эмоциональной тональности русскоязычного текста. В основу обучающей выборки для технологии машинного обучения «с учителем» положена восьмичастная классификация эмоций, предложенная Г. Лёвхеймом. Благодаря исследовательской группе была получена размеченная коллекция текстовых фрагментов, на основе которой планируется разработка программы для синхронизации музыкального сопровождения и эмоциональной тональности текста во время чтения на электронном устройстве.

Ключевые слова: сентимент-анализ, машинное обучение, музыкальное сопровождение, классификация эмоций.

Abstract: The article analyzes the preliminary results of creating programs for determining the emotional tonality of russian-language text. The training sample for the technology of supervised machine learning is based on the eight-part classification of emotions proposed by H. Lövheim. Thanks to the research team, a collection of specially selected text fragments were classified, on the basis of which it is planned to develop a program for synchronizing musical accompaniment and emotional tonality of a text while reading on an electronic device.

Keywords: sentimental analysis, machine learning, musical accompaniment, classification of emotions.

Процесс достижения определенного эмоционального состояния читателем во время чтения и осмысления художественного текста может получить дополнительную стимуляцию при помощи соответствующего музыкального сопровождения текстовосприятия. В этом случае музыка играет ту же самую роль как саундтрек для фильмов, где звук создает дополнительный эффект к визуальным сценам. Процесс подбора саундтрека зачастую происходит вручную и основывается на тех эмоциях, которые присутствуют в определенном моменте. В данной работе мы хотим доказать,

· Научный руководитель – д-р филол. наук А.В. Колмогорова.

что подобный процесс возможно автоматизировать, прибегнув к имеющимся современным инструментам компьютерной лингвистики.

Цель нашего исследования стала разработка компьютерной программы для синхронизации музыкального сопровождения и эмоциональной тональности текста на электронном носителе на основе использования принципов сентимент-анализа текста и классификации эмоций «Куб Лёвхейма»

Задачи исследования:

- 1) с помощью информантов приписать эмоционально окрашенному фрагменту текста ту или иную эмоцию, согласно Кубу Лёвхейма;
- 2) при помощи технологии машинного обучения выявить языковые маркеры той или иной эмоции;
- 3) синхронизировать языковые маркеры эмоций и имя эмоции, а затем использовать имена эмоций в качестве тегов для автоподбора саундтрека;
- 4) разработать базу данных «языковой маркер – имя эмоции — тег Last.fm» (contempt, disgust — witchhouse)
- 5) создать дизайн программного продукта;
- 6) применить созданный продукт на русскоязычном тексте;
- 7) проанализировать полученный результат.

Объект исследования: рассматриваются языковые маркеры эмоций, согласно классификации Лёвхейма, в художественном тексте.

Предмет исследования – это возможности автоматического синхронизации языковых маркеров эмоции, художественного текста и тегов саундтреков в соответствующей базе данных.

Сентимент-анализ информационных потоков имеет большой потенциал применения для мониторинговых, аналитических и сигнальных систем, для систем документооборота и рекламных платформ, таргетированных по тематике веб-страниц. Текст на естественном языке,

помимо информации, может выражать эмоциональную оценку того, о чем сообщается.

Тональность – это эмоциональное отношение автора высказывания к некоторому объекту (объекту реального мира, событию, процессу или их свойствам / атрибутам), выраженное в тексте. Подобный метод анализа используется во многих сферах деятельности.

Сентимент-анализ подходит для усиления продаж и улучшения маркетинговых стратегий компании (отслеживание отзывов покупателей и ответов на обзоры), определяя идеологические изменения и анализируя тенденции в планировании политических стратегий на основе сообщений из-за рубежа, финансовых отчетов и сообщений из социальных сетей [Bollenetal., 2011: 2]. Сентимент-анализ или эмоциональный анализ можно рассмотреть как усовершенствованную версию анализа мнений, так как этот анализ стремится к более подробной классификации документов на основе эмоций, которые они выражают [Chatzakouetal., 2013: 323].

Некоторые исследователи [Jakobetal., 2010: 1037] пытаются совмещать статистические и лингвистические методы для достижения лучших результатов, однако испытывают при этом затруднения при анализе более длинных и сложных предложений. Кроме того, авторы приняли решение не делать различий между объектом оценки (например: смартфон), его составляющими частями (например: экран, фронтальная камера) и его характеристиками (например: удобство применения); и, следовательно, определяют ближайшую именную группу в качестве основного объекта оценки.

Определить тональность текста, значит проанализировать его эмоциональную окраску. В случае если не удастся причислить текст или сообщение к одному из типов тональности, его считают нейтральным. Для реализации системы распознавания тональности текста будет использован метод машинного обучения с учителем. Суть метода состоит в обучении

машинного классификатора на коллекции заранее размеченных текстов [Клековкина и др., 2012: 81].

Машинное обучение (Machine Learning) – класс методов искусственного интеллекта, характерной чертой которых является не прямое решение задачи, а обучение в процессе применения решений множества сходных задач. Существует два типа обучения: обучение по прецедентам, или индуктивное обучение, основано на выявлении общих закономерностей по частным эмпирическим данным и дедуктивное обучение, которое предполагает формализацию знаний экспертов и их перенос в компьютер в виде базы знаний. Дедуктивное обучение принято относить к области экспертных систем, поэтому термины машинное обучение и обучение по прецедентам можно считать синонимами [Азимов и др., 2009: 223].

Обучение с учителем – один из способов машинного обучения, в ходе которого система принудительно обучается с помощью примеров коллекции примеров, структурированной по принципу «стимул-реакция». С точки зрения кибернетики, он является одним из видов кибернетического эксперимента. Между входами и эталонными выходами (стимул-реакция) может существовать некоторая зависимость, но она неизвестна. Известна только конечная совокупность прецедентов — пар «стимул-реакция», называемая обучающей выборкой. [Pangetal., 2002: 81]. На основе этих данных требуется восстановить зависимость (построить модель отношений стимул-реакция, пригодных для прогнозирования), то есть построить алгоритм, способный для любого объекта выдать достаточно точный ответ.

Для данного исследования был выбран художественный текст как особый источник данных для обучающей выборки. Изучению художественного стиля посвящены многочисленные монографии, статьи, например, работы В.В. Виноградова «О языке художественной литературы», и М.Н. Кожинной «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики». Одним из главных факторов выбора художественных текстов как материала для анализа стало то, что

художественный стиль имеет воздействующую функцию на читателя (влияние с помощью образов на мысли и чувства). В первую очередь, как и любой другой вид текста, Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин определяют художественный текст как «словесное речевое произведение, сложный языковой знак, внутри которого реализованы языковые единицы всех уровней (от фонемы до предложения)» [Бабенко и др., 2009: 30]. Для художественного произведения характерны восприятие посредством чувств и перевоссоздание действительности, автор стремится передать прежде всего свой личный опыт, свое понимание и осмысление того или иного явления [Голованова и др., 2008: 29]. В художественном тексте на первый план выходят эмоциональность и экспрессивность изображения.

С точки зрения биохимии, эмоция – это реакция веществ в организме человека. Для нашего исследования за основу было решено взять классификацию эмоций Г. Лёвхейма [Lövhelm, 2012: 342] – биохимика, установившего, что каждая из восьми возможных эмоций проявляется со специфической комбинацией уровней трех: допамина, норадреналина и серотонина. Таким образом, через сочетание данных трех моноаминов были описаны восемь базовых эмоций:

Страх / Ужас (Fear / Terror) – высокий уровень допамина при низком – серотонина и норадреналина.

Злость / Гнев (Anger / Rage) – низкий уровень серотонина при высоком уровне других моноаминов.

Стыд / Унижение (Shame / Humiliation) – низкий уровень всех трех моноаминов.

Страдание / Тоска (Distress / Anguish) – низкий уровень серотонина и допамина, высокий – норадреналина.

Удовольствие / Радость (Enjoyment / Joy) – высокий уровень серотонина и допамина в сочетании с низким уровнем норадреналина.

Интерес / Возбуждение (Interest / Excitement) – высокий уровень всех трех моноаминов.

Брезгливость / Отвращение (Contempt / Disgust) – высокий уровень серотонина при низком уровне двух других моноаминов.

Удивление (Surprise) – высокий уровень серотонина и норадреналина в сочетании с низким уровнем допамина.

Достижение определенного эмоционального состояния при прочтении художественного текста может быть облегчено путем прослушивания музыки одновременно с чтением при условии, что она соответствует эмоциональной тональности текста. Чтение (визуальная модальность) дополняется прослушиванием музыки (аудиальная модальность) для стимуляции визуальных моделей и изображений, которые появляются в сознании, когда человек читает историю, при этом увеличивается эмоциональный эффект книги.

Процесс создания музыкального «аккомпанемента» для текста состоит из следующих шагов:

- 1) фрагментация текста на определенные части, имеющие относительную смысловую законченность;
- 2) определите настроение (эмоции) каждого фрагмента;
- 3) поиск музыки, которая соответствует определенному настроению.
- 4) синхронизация музыки и текстовых фрагментов.

После разбиения текста на относительно законченные по смыслу фрагменты мы перешли к следующей задаче: эмоциональная разметка с помощью экспертов. Для организации работы с информантами была использована одна из платформ для онлайн опросников.

Перед экспертами появилась задача: прочитать текстовые фрагменты и выбрать подходящую эмоцию из восьми предложенных, а если ни один из вариантов не подходит к текстовому фрагменту, эксперт должен был выбрать «нейтральный» вариант.

В рамках данного исследования 35 экспертов оценили 33 эмоционально насыщенных фрагментов. Представляем наиболее показательный пример:

«Боль пушечным ядром взорвала мозг. Колени ударились о холодный асфальт, но Барри этого не почувствовал; череп захлестнуло волной огня и крови; агония была столь мучительной, что терпеть её не было сил, но он терпел, потому что от вечности его отделяла ровно минута. Мэри вскрикнула – и уже не умолкала. Из бара выскочили какие-то люди. Один тут же ринулся назад, вспомнив, что среди членов клуба есть двое врачей на пенсии. Знакомая супружеская пара, услышав из ресторана крики, даже не прикоснулась к еде и побежала на стоянку, чтобы оказать посильную помощь. Муж набрал по мобильному 999. «Скорая» двадцать пять минут ехала из Ярвила – это был ближайший крупный город. Когда мигалка осветила пульсирующей синевой место действия, Барри лежал в луже рвоты, без движения и без признаков жизни; Мэри в разорванных колготках стояла рядом на коленях и сжимала его руку, сотрясаясь от рыданий и повторяя его имя».

Данный фрагмент из произведения Дж. К. Роулинг «Случайная Вакансия» был оценен следующим образом: 33 эксперта при прочтении выбрали вариант «Страх / Ужас», 2 эксперта при прочтении выбрали вариант «Грусть / Тоска».

Чтобы получить метаинформацию, относящуюся к музыке, мы решили использовать службу LastFM. Причинами выбора стал большой набор данных для различных жанров музыки, включая популярность и теги поиска, которые были настроены на различные композиции. Это способствовало удобному поиску различных музыкальных треков с определенной эмоцией.

Для создания списка музыкальных треков мы сформировали ранее помеченные текстовые фрагменты в определенной последовательности, где ни один элемент не имел те же эмоции, что и его «сосед» (см. Рисунок. 1).

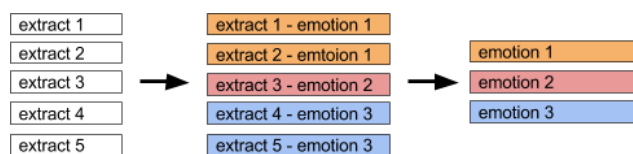

Рисунок 1. Создание списка

Следующей ступенью в нашем исследовании станет при помощи машинного обучения выявление языковых маркеров той или иной эмоции, синхронизация языковых маркеров эмоций и имени эмоции, а затем использование имен эмоций в качестве тегов для автоподбора саундтрека.

Далее в нашей работе мы разработаем базу данных «языковой маркер – имя эмоции — тег Last.fm», создадим дизайн программного продукта и применим созданный продукт на русскоязычном тексте для последующего анализа полученного результата.

Подведём итоги нашего исследования:

- 1) проанализированы источники по проблематике сентимент-анализа, машинного обучения и эмоциональной классификации;
- 2) отобраны эмоционально окрашенные фрагменты для последующей оценки экспертами;
- 3) произведена оценка 33 фрагментов с помощью 35 экспертов;
- 4) начата подготовка к заключительным этапам исследования (дизайн программного обеспечения).

Далее мы планируем при помощи технологии машинного обучения выявить языковые маркеры той или иной эмоции, синхронизировать языковые маркеры эмоций и имя эмоции, а затем использовать имена эмоций в качестве тегов для автоподбора саундтрека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР. 2009. 448 с.
2. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста: учебник; практикум. М.: Флинта, 2009. 496 с.

3. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 655 с.
4. Голованова Д.А., Кудинова Р.И., Михайлова Е.В. Русский язык и культура речи. Краткий курс. М.: Окей-книга, 2008. 144 с.
5. Клековкина М.В., Котельников Е.В. Метод автоматической классификации текстов по тональности, основанный на словаре эмоциональной лексики // RCDL-2012, Переславль-Залесский: Изд-во ИПС РАН, 2012. С. 81–86.
6. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь: Изд-во ПГНИУ, 1966. 213 с.
7. Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В. Лингвистические принципы и методы компьютерной лингвистики для решения задач сентимент-анализа русскоязычных текстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2018. 1(29) С. 139–148
8. Пазельская А.Г., Соловьев А.Н. Метод определения эмоций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 574–586.
9. Bollen J., Mao H., Zeng X. Twitter mood predicts the stock market // Journal of Computational Science, 2011. 1 (2), P. 1–8
10. Chatzakou D., Vakali A., Kafesios K. Detecting variation of emotions in online activities // Expert Systems with Applications: An International Journal. 2017. 89. P. 318–332
11. Jakob N., Gurevych I. Extracting opinion targets in a single-and cross-domain setting with conditional random fields // Proceedings of Conference on Empirical Methods in Natural Language Processing, 2010. 4. P. 1035–1045.
12. Lövheim H. A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters // Medical Hypotheses. 2012. 78. P. 341–348.

13. Pang B., Lee L. Thumbs up? Sentiment Classification using Machine Learning Techniques, EMNLP, 2002. P. 79–86.

**СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА «ПОТЕРИ ЛИЦА»
В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПОВЕСТИ СЮЙ СЮЯ “鬼戀”)**

Аннотация: в статье представлены результаты изучения прагматического потенциала феномена «потери лица» в китайской лингвокультуре на материале повести XX в. китайского автора Сюй Сюя “鬼戀” («Наваждение любви»). Были определены ключевые тактики, стратегии и актуализирующие их языковые средства. Анализ эмпирического материала показал, что в ситуации «потери лица» преобладают следующие тактики: обвинение, насмешка, уклонение от запроса, блокирующая контакт, контроль над темой, эмоционально-настраивающая тактика, уточнение, грубый запрос на информацию, контроль над пониманием.

Ключевые слова: теория речевых актов, лингвокультурология, стилистика, прагматика, стратегия, тактика.

Abstract: the article presents the pragmatic potential of the phenomenon "losing face" in the Chinese language. The study is based on the XX century's roman “鬼戀” (“Obsession with Love”) written by Chinese author Xu Xu. There were identified key tactics, strategies and language tool. The analysis of an empirical material shows that the following tactics prevail in the "losing face" situation: accusation, ridicule, evasion from the request, blocking contact, control over the topic, emotionally-tuning tactic, clarification, rough request for information, control over understanding.

Keywords: Speech Act Theory, Linguoculturology, Stylistics, Pragmatics, strategy, tactics.

В связи с глобализацией и реформацией новых политических программ, изучением китайского языка и китайской лингвокультуры, современное общество часто сталкивается с проблемами восприятия и понимания информации в процессе коммуникации. По причине имеющихся культурологических лакун у собеседников, межкультурная коммуникация часто проходит неуспешно, – в процессе обмена информацией это может привести как реципиента, так и адресанта к частичному пониманию иллокутивного намерения или прекращению диалога.

· Научный руководитель – канд. филол. наук Е.В. Чистова.

В виду этого, актуальность данной работы определяется необходимостью изучения функциональной модели прагмалингвистической ситуации «потери лица» как совокупности всех уровней языка (стилистика, грамматика, лексика), реализуемых представителями национальности Хань. Целью этой статьи является выявление стратегий и тактик, а также языковых средств реализации «потери лица» в китайской лингвокультуре.

Материалом исследования послужило прозаическое произведение XX века китайского автора Сюй Сюя “鬼戀”, а также его перевод на русский язык «Наваждение любви», выполненный Н.Н. Власовой. Выбор произведения обусловлен частотностью употребления ситуаций «потери лица». В данном тексте было найдено и проанализировано 43 прагмалингвистические ситуации «потери лица». Согласно универсальной системе тактик и стратегий речевого акта, разработанной О.С. Иссерс, были выделены основные задействованные тактики: грубая тактика запроса, тактика уточнения, тактика контроля над пониманием (темой), эмоционально настраивающая тактика, уклонение, тактика насмешки, блокирующая контакт тактика, обвинение. Данные диалоги выражали идею слепого подражания классическим образцам поведения («сохранение лица») согласно конфуцианским идеям [Лемешко, 2012: 13]. Во всех произведениях данного периода герои имеют свою личную историю с переживаниями. Их поведение, уровень образованности, занимаемый пост, речь (лингвистические средства и приёмы) являются ключевыми особенностями в исследовании феномена «потери лица».

«Потеря лица» – одна из важнейших составляющих процесса коммуникации, которая представляет собой специфическое явление, указывающее на коммуникативное поведение, нарушающее рамки принятых норм действий индивидов [鲁迅, 1973: 130]. Исследователи отмечают, что потеря лица – это ситуация потери репутации и проявления эгоцентризма,

которых представители китайской лингвокультуры стараются избегать [Спешнев, 2008; Чистова, 2015].

Речевой акт с «потерей лица» является сложным коммуникативным процессом, который нуждается в правильном выборе стратегий, тактик и языковых средств, нацеленных на его преодоление или смягчение ситуации в целом. В рамках проанализированной методологии изучения прагмалингвистических ситуаций феномен «потери лица» является разновидностью ликоугрожающих речевых актов: позитивное лицо / негативное лицо [Brown, 1987].

Ликоугрожающий речевой акт – это тип коммуникации, в котором собеседники принимают те или иные тактики и стратегии риска «потери лица»: вопрос слушающему; критика (действий / высказываний); принуждение к ответу; приглашение к дискуссии; угроза и др.

Рассмотрим несколько примеров ликоугрожающих актов в контексте нашего исследования. Коммуникантами выступают главные герои произведения господин Сюй и Дух (девушка):

Дух: “那么你敢陪我到斜土路么?”

Сюй: “你想激我陪你去斜土路么?”

Дух: “为什么说我激你?”

Сюй: “你为什么不说愿意不愿意，而说敢不敢呢?”

Дух: “那么我就识破你愿意不愿意好了。” [徐訏, 2014]

Приведённый диалог является одним из образцов ликоугрожающего акта со стороны адресанта. Основная стратегическая цель Духа – провести время прогулки с молодым человеком, скрытая – подружиться с ним.

Для того, чтобы достигнуть поставленной цели адресант использует **грубую тактику запроса**, которая «роняет лицо» говорящей 那么你敢陪我到斜土路么? – В таком случае ты рискнешь проводить меня до Сетулу? В целях помочь Духу господин Сюй выбирает **тактику уточнения** 你想激我陪

你去斜土路么? –*Ты меня вынуждаешь пойти с тобой до Сетулу?* Однако актору остаётся непонятен данный вопрос, и он оперирует **тактикой контроля над пониманием**, которая позволяет получить необходимую информацию у адресата *为什么说我激你? – Почему вынуждаю?*

Когда Дух понимает, почему молодой человек вёл себя таким образом, она употребляет **эмоционально настраиваемую тактику** для того, чтобы снять напряжение с собеседника и улучшить своё положение перед ним *那么我就识破你愿意不愿意好了. – Хорошо, тогда спрошу: хочешь ли ты проводить меня?*

Следующий диалог является продолжением беседы между коммуникантами:

Дух: “时候不早。我母亲一定着急了。我要回去。”

Сюй: “回去么? 我们难得相逢, 在这里多谈一回难道不好么? 你看月色多么好, 风也不大, 还有……”

Дух: “但是我母亲生着病。”

Сюй: “不要紧, 不瞒你说, 我正是一个医生, 天一亮我就陪你去, 替你母亲去看病。”

Дух: “一那么现在去好了。”

Сюй: “现在么? 现在我实在走不动了还有我实在怕前面那个树林里我怕真会碰见鬼。” [徐訏,2014]

В данном примере главный герой Сюй для достижения своей личной цели – побыть как можно дольше с Духом использует следующие тактики «потери лица»:

1. **Контроль над темой** (уклонение от навязываемой темы) 回去么？

我们难得相逢，在这里多谈一回难道不好么？你看月色多么好，风也不大，还有... *–Возвращаться? Нам посчастливилось встретиться, так разве не здорово будет посидеть тут подольше и поболтать? Луна такая красивая, ветра нет и...*

2. **Эмоционально настраивающая тактика** – это тактика отвлечения внимания от расспросов, снятия напряжения с собеседника 不要紧，不瞒你

说，我正是医生，天一亮我就陪你去，替你母亲去看病。 *–Не страшно! По правде говоря, я ведь врач. Рассветет, и я вас провожу до дому и посмотрю, что там с мамой.*

3. **Уклонение**, как частичный отказ от просьбы 现在么？现在我实在

走不动了还有我实在怕前面那个树林里我怕真会碰见鬼。 – *Сейчас? Если честно, я не в силах сейчас идти, да и страшно, я боюсь, что в том лесу впереди можно встретить духа.*

В примере 3 проиллюстрирована неуспешная коммуникация между господином Сюем и старушкой (бывшей соседкой Духа), поскольку молодой человек не достиг своей цели – встретиться с Духом.

Тётушка: “你干么？”

Сюй: “我，我敲这家的门呀！”

Тётушка: “这家的门？这就是我们的。”

Сюй: “那么, 好极了。请问, 老婆婆, 我找你们里面住着的一位小姐。
。”

Тётушка: “先生, 你算是寻哪一家?”

Сюй: “我说那里面住着一位小姐。”

Тётушка: “那扇门? 那是我们经年都不开的, 有人都从这里进出。”

Сюй: “那么这小姐就住在你们这里的。”

Тётушка: “我们这里, 没有小姐。我在这里住了快四十年, 可是一直没有看见过你。”

Сюй: “不, 老婆婆, 我要拜访一位你们的亲戚, 住在朝东楼上的小, 常常穿黑衣服的小姐。”

Тётушка: “先生, 我耳朵不很好, 你不要同我讲得太哆嗦, 请你只告诉我你问姓什么的人好了。”

Сюй: “啊……啊……姓, 姓……姓鬼的。”

Тётушка: “什么, 姓鬼的? 百家姓里也没有姓鬼, 你别是见鬼了吧。”

Сюй: “老婆婆, 我实在没有弄错, 你们这里……”

Тётушка: “先生我在这里住了三十多年还不知道么? 我们这里没有别人。你别处去问问看, 别耽误功夫了?”

Сюй: “老婆婆, 我不瞒你说, 她的确住在这里, 我昨天晚上还来过的。
。”

Тётушка: “你别是疯了, 你要看的是小姐, 你又说昨天晚上来过。假如真是住着小姐, 晚上也不许你来;假如你昨天晚上来过, 你现在还来做什么?” [徐訏,2014]

В данном примере феномен «потери лица» ярко представлен в репликах второстепенного героя – пожилой женщины. При использовании нижеуказанных тактик тётушкой были нарушены постулаты вежливости (оскорбление, сарказм) и принцип кооперации (нарушение максим количества, способа выражения). Рассмотрим более подробно **тактику уклонения от запроса информации**: 那是我们经年都不开的, 有人都从这里进出. –*Мы уже много лет ее не открывали, входим и выходим через эту.*

Насмешка ...你别是见鬼了吧. – *Да вы никак настоящего духа увидели.*

Блокирующая контакт тактика: 先生我在这里住了三十多年还不知道么? 我们这里没有别人。你别处去问问看, 别耽误功夫了? – *Господин, где уж мне не знать, если я тут больше тридцати лет прожила?! Кроме нас, тут никого нет! Сходите спросите в другом месте, не задерживайте меня.*

Обвинение 你别是疯了... – *Может, вы сумасшедший?*

В рамках статьи остановимся более подробно на характеристике прагматингвистических ситуаций в ликоугрожающих речевых актах, которые выражаются в лексике, синтаксисе, стилистике при помощи различных видов языковых средств.

Языковые средства – художественно-выразительные средства, придающие тексту яркость, красочность, лексическую и эмоциональную выразительность.

Языковые средства – это лексические, стилистические и синтаксические средства, позволяющие формировать нравственные законы,

согласно которым могут существовать люди. Данные языковые единицы помогают определить прагматические установки адресанта и адресанта: эмоциональное состояние, положение в социуме, субъективное восприятие собеседника, его иллокутивные намерения. Рассмотрим наиболее частотные примеры, применяемые в произведении «Наваждение любви» (см. Таблица 1).

Таблица 1. Языковые средства, актуализирующие «потерю лица»

Лексические средства выражения	устойчивое выражение	- 不瞒你说; - 我不瞒你说; - 有事情呀; - 你的话或者有理。
	обращение	- 老婆婆; - 先生; - 徐先生; - 鬼; - 长者。
Синтаксические средства выражения	восклицательные предложения	- 我，我敲这家的门呀！ - 没有美的东西是可怕的！
	вопросно-ответная форма изложения	- 你为什么不说愿意不愿意，而说敢不敢呢？那么我就识破你愿意不愿意好了。 - 你干么？我，我敲这家的门呀。 - 先生，你算是寻哪一家？我说那里面住着一位小姐。
	вопросительные предложения	- 回去么？ - 我们难得相逢，在这里多谈一回难道不好么？ - 现在么？
	парцелляция	- 时候不早。我母亲一定着急了。我要回去。

Стилистические средства выражения	уточнение	- 为什么说我激你; - 你为什么不说愿意不愿意, 而说敢不敢呢; - 天下过分的事情都可以骖认的, 太大的声音, 太小的声音, 太强的电光, 太弱的磷火都可以骇坏人。
	лексически й повтор	- 斜土路么 - 斜土路么; - 不说愿意不愿意 - 不说愿意不愿意; - 小姐 - 没有小姐 - 面住着一位小姐; - 这里的 - 这里的; - 你的丈夫 - 我丈夫 - 你丈夫 - 我丈夫。
	ирония	- 现在我实在走不动了还有我实在怕前面那个树林里我怕真会碰见鬼; - 你的话或者有理, 但是你不知道什么是美; - 你别是见鬼了吧。
	Многосоюз ие	- 假如真是住着小姐, 晚上也不许你来; 假如你昨天晚上来过。

Таким образом, в результате проведённого исследования были выявлены наиболее частотные тактики «потери лица»: блокирующая контакт, обвинение, насмешка, тактика уклонения от запроса, контроль над темой, эмоционально-настраивающая, уточнение, грубый запрос на информацию, тактика контроля над пониманием. Основными языковыми средствами выражения в ликоугрожающих речевых актах являются: особые устойчивые выражения на лексическом уровне, на стилистическом – приёмы и тропы: ирония, уточнение, многосоюзие, лексический повтор. На синтаксическом уровне основной единицей выражения является организация структуры предложений (вопрос, восклицание, вопросно-ответная форма изложения).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лемешко Ю.Г. Современная литература Китая: учебное пособие. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2012. 146 с.

2. Спешнев Н.А. Идеальный герой и этнопсихология китайцев // Раздвигая горизонты науки. [Электронный ресурс] URL: <http://qoo.by/3tdp> (дата обращения: 08.01.2018).
3. Родионов А.А. Пограничный городок. Китайская проза XX века: Пер. с кит яз. / СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ, 2012. 240 с.
4. Чистова Е.В., Броднева И.А. Языковая личность современного китайца (на материале текстов персональных веб-страниц) // Казанская наука. Филологические науки. Казань: Казанский Издательский Дом, 2015. № 7. С. 56–58.
5. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S.D. Levinson. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 375 p.
6. 鲁迅。鲁迅全集。北京, 1973。 [Лу Синь. Сборник Лу Синь].
7. 徐訏。鬼恋, 2014。 542 页。 [Сюй Сюй. Призрачная любовь] // [Электронный ресурс] URL: goo.gl/rpXCY4 (дата обращения: 25.09.2017).

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ ПСЕВДОНАУЧНОЙ
ТЕРМИНОЛОГИИ В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕСЕРИАЛОВ
ФРАНШИЗЫ «ЗВЁЗДНЫЙ ПУТЬ»)**

Аннотация: В статье рассмотрены причины и особенности употребления псевдонаучных терминов в произведениях научной фантастики. Проанализирована роль таких терминов в конструировании художественной условности, в создании необходимого воздействия на зрителя. Показаны принципы выбора и логика образования наукообразных слов на примере известной серии научно-фантастических телесериалов.

Ключевые слова: научная фантастика, терминология, художественная функция, воздействие

Abstract: The article shows the reasons for and the usage patterns faux-scientific terminology in works of science fiction. The role of such terms in world building and producing the necessary impression on the viewer is analyzed. The criteria of choice and the logic of forming scientific-sounding words are shown with popular science fiction television series taken for example.

Keywords: science fiction, terminology, artistic function, impression

Актуальность работы обусловлена тем, что произведения в жанре научной фантастики играют важную роль в современном культурном дискурсе, воздействуя на мировоззрение людей. Изучение лингвистических средств, используемых научной фантастикой в целях такого воздействия, представляет собой значительный научный интерес, поскольку результаты исследования в данном направлении могут предоставить более глубокое понимание механизмов влияния жанра на общественное сознание и оценить перспективы и пути его дальнейшего развития.

Художественная реальность и язык жанра научной фантастики достаточно тесно связаны с точными науками. Основой развития сюжета в произведениях научной фантастики является именно научно-технический

· Научный руководитель – канд. филол. наук Е.В. Петухова.

прогресс. Для того, чтобы создать в пределах вымышленного мира произведения достоверную художественную реальность, писателю необходимо в известной степени опираться на достижения современной научной мысли. Несмотря на условность логики в научно-фантастическом повествовании, автор не может игнорировать известные законы физики, биологии и других наук, не нарушив при этом приостановку неверия (*suspension of disbelief*), одно из основных понятий нарратологии. Иными словами, научно-фантастическая условность не должна противоречить научному мышлению.

Одним из наиболее распространённых художественных средств, используемых в научной фантастике для создания такой условности, является применение наукообразных терминов, в той или иной степени заимствованных из реальной научной терминологии или придуманных автором по аналогии с ними. Такие неологизмы и окказионализмы, как правило, образуются по словообразовательным моделям, схожим с таковыми в рамках научного дискурса, однако их отличает иная коммуникативная задача. Собственно научную лексику характеризует необходимость адекватно донести до читателя описываемое явление в многообразии его признаков. В противоположность ей псевдотермины создаются и функционируют в границах жанра, связанного, в первую очередь, с функцией воздействия, а не с функцией сообщения. Их задача в том, чтобы лишь *имитировать* определенное сообщение, создавать эффект правдоподобия. При этом неологизмы, носящие терминологический характер и обозначающие понятия определенной области знаний или деятельности, приобретают ярко выраженную стилистическую окраску, их функционирование в тексте имеет много общего с функционированием терминов в художественном произведении. Они вводятся в текст для изображения атмосферы профессиональной деятельности героев. Терминологический характер носят вымышленные термины, указывающие на названия научных приборов, растений, некоторых животных и т. д.

[Белоусова, 2006]. Можно сказать, что логико-концептуальное моделирование дискурса в жанре научной фантастики преследует цель оказания эмоционального воздействия на читателя путем создания производных слов, выражающих реалии фантастического мира [Берсенева, 2015: 159].

Следуя художественному замыслу, термины в научной фантастике часто употребляются без разъяснения своего содержания. Такой приём подчёркивает, что описываемый мир и коммуникативная среда отличаются от привычных читателю. Так научно-фантастическое произведение оказывается художественным способом приобщения к иному коммуникативному дискурсу. Как утверждает С. Мандала, при использовании терминов в художественно-образной функции, как и слов общеупотребительного языка, важное место отводится контексту. Кроме того, употребление терминов в художественной функции требует творческой активности, так как термины становятся инструментом для создания художественного образа [Mandala, 2010: 32, 46].

На основании вышесказанного становится очевидно, что псевдонаучная терминология используется как художественное средство во многих произведениях популярной научной фантастики, в том числе в фильмах и телесериалах. Рассматривая специфику языка фантастических произведений, можно отметить, что тенденция к употреблению вымышленной научной терминологии чаще прослеживается в работах жанра «мягкой» научной фантастики, допускающей значительные отступления от научности повествования, чем в «твёрдой» научной фантастике, основывающейся только на имеющейся на определённый момент естественнонаучной базе.

Среди современных научно-фантастических произведений, в которых часто можно встретить псевдонаучную терминологию, отдельного упоминания заслуживают телесериалы медиафраншизы «Звёздный путь». Действие всех произведений этой серии происходит в относительно далёком

будущем, через несколько веков от текущей эпохи. Несуществующие на сегодняшний день футуристичные технологии – один из основополагающих элементов, используемых авторами этих произведений для конструирования вымышленного мира. Значительная часть технологий, в том числе получившие знаковый статус в массовой культуре транспортеры (transporter) и варп-двигатели (warpdrive), требует для функционирования неизвестных научно-технических достижений, что в пределах произведений объясняется с помощью научно звучащих терминов и понятий. Кроме того, во вселенной «Звёздного пути» существует множество явлений, нарушающих законы физики так, как их понимает современная наука (к примеру, путешествия во времени), вследствие чего эти явления также описываются с использованием вымышленной терминологии.

Правдоподобность использования персонажами сериалов псевдонаучной терминологии в речи достигается авторами различными способами. К примеру, рассмотрим фрагмент диалога в эпизоде под названием *PastTense, part 1* сериала *StarTrek: DeepSpaceNine* («Звёздный путь: Глубокий космос 9»):

O'BRIEN: Major, I think I know what happened to Commander Sisko and the others. The temporal surge we detected was caused by an explosion of a microscopic singularity passing through this solar system. Somehow, the energy emitted by the singularity shifted the chroniton particles in our hull into a high state of temporal polarisation.

KIRA: Which means what?

O'BRIEN: Which means the transporter beam was redirected as it passed through the polarised particles.

В этом отрывке мы видим смешение реально существующих физических терминов и вымышленных. В частности, слово *microscopic* («микроскопический») относится к общенаучной лексике и употребляется в широком спектре естественнонаучных дисциплин, в том числе в физике. Термин *singularity* («сингулярность») тоже относится к числу

невывымышленных, так как используется в философии, математике, астрономии и физике. Сочетание этих слов обосновано с научной точки зрения, поскольку описывает возможный в природе феномен – *микроскопическую сингулярность*. Такие слова и словосочетания, как *solarsystem* («солнечная система»), *polarization* («поляризация») и *particles* («частицы») входят в научную лексику и являются достаточно узнаваемыми для широкого круга зрителей телесериала, не имеющего специального образования. Одновременно с этим в диалоге мы замечаем и вымышленные термины: *temporal surge* («временной всплеск»), *chroniton* («хронотонный», «временной»). Несмотря на фантастический характер этих понятий, об их значении достаточно нетрудно догадаться. Это связано с тем, что их основы весьма распространены в языке и встречаются во многих других словах. Так, слово *temporal* в сознании человека, владеющего английским языком, вызовет ассоциации, к примеру, со словом *temporary* («временный»), а *chroniton* – со словом *chronological* («хронологический», «расположенный во временном порядке»). Из этого следует, что зрителю понятен общий смысл полной цитаты в контексте за счёт одновременного включения как общеизвестных терминов, так и слов, смысл которых легко выводится из фоновых языковых знаний, причём степень понятности установлена авторами на достаточном уровне, чтобы фраза сохранила оттенок сложности и интеллектуальности.

В телесериалах «Звёздного пути» для создания художественного эффекта используется не только псевдонаучная терминология, отсылающая к понятиям физики. Не менее часто авторы используют названия несуществующих материалов, веществ или медицинских препаратов. Рассмотрим, например, следующий отрывок из диалога в эпизоде *Coda* сериала *StarTrek: Voyager* («Звёздный путь: Вояджер»):

ЕМН: Ten milligrammes cordrazine. We'll use it in conjunction with the cortical stimulator. Now!

KES: No pulse, no blood pressure. Minimum electrical activity in the midbrain. No measurable response in the cerebral cortex.

<...>

EMH: Quickly. Seventy five milligrammes inaprovaline. I'll begin direct synaptic stimulation.

KES: Pulse is weakening. We're losing her again.

Данный разговор происходит между персонажами доктора и его ассистента. Как и в предыдущем примере, мы видим как настоящие медицинские термины, так и созданные авторами неологизмы-названия лекарств. К первой группе можно отнести словосочетания *bloodpressure* («кровяное давление»), *midbrain* («средний мозг»), *cerebralcortex* («кора головного мозга»), *synapticstimulation* («стимуляция синапсов»). Во вторую группу входят названия вымышленных препаратов *cordrazine* («кордразин») и *inaprovaline* («инапровалин»). Оба слова содержат суффикс *-ine* (*-ин*), широко использующийся при наименовании лекарственных средств. Слово *cordrazine* включает латинский корень *cor- сердце*, указывая на возможное применение и эффект препарата в рамках вымышленной вселенной. Так, названия фантастических лекарств из будущего следуют современным номенклатурным правилам, что позволяет зрителю лучше понимать логику изображённого мира будущего посредством ассоциации определённых аспектов мира телесериала со знакомыми деталями жизни.

Псевдонаучные термины как средство создания художественного образа иногда используются сценаристами телесериалов с противоположной целью, т.е. для того, чтобы намеренно запутать зрителя, если этого требует содержание истории. Подобный пример встречается в эпизоде *Rascals* в сериале *StarTrek: The Next Generation* («Звёздный путь: Следующее поколение»):

RIKER: <...> The Enterprise computer system is controlled by three primary main processing cores cross linked with a redundant melacortz ramistat and fourteen kiloquad interface modules. The core elements are based on FTL

nanoprocessor units arranged into twenty-five bilateral kelilactirals with twenty of those units being slaved to the central heisenfram terminal <...> Now this is the isopalavial interface which controls the main firomactal drive unit. Don't touch that! You'll blow up the entire firomactal drive!

MORTA: *What? Wait....What is... what is a firomactal? Just explain it to me!*

RIKER: *Sigh! That is the firomactal drive unit...it controls the central ramistat core and also keeps the ontarian manifold within forty thousand KRG.*

По сюжету фрагмента персонаж по имени Уильям Райкер вводит в заблуждение своего собеседника, придумывая импровизированные термины, обозначающие несуществующие компоненты компьютерной системы, такие как *melacortz ramistat*, *FTL nanoprocessor*, *bilateral kelilactirals*, *heisenfram terminal*, *isopalavial interface*, *firomactal drive unit* и *ontarian manifold*. Необходимость создания комического эффекта сцены диктует форму вымышленных понятий, требуя максимально трудных для понимания слов. Тем не менее, в этой цитате можно отметить, что придуманные термины содержат узнаваемые элементы, такие как слова *nanoprocessor* («нанопроцессор»), *terminal* («терминал»), *interface* («интерфейс»), *manifold* («коллектор»). При этом компоненты этих терминов, не имеющие смысла, вызывают ассоциации с настоящими техническими терминами: например, слово *melacortz* воспринимается по аналогии с *hertz*, *ramistat* – по аналогии с *thermostat*, а в слове *isopalavial* есть приставка *iso-*, с помощью которой образуются многие технические термины.

Таким образом, из рассмотренных примеров можно предположить, что основная художественная функция псевдонаучной терминологии в научно-фантастических произведениях – создание иллюзии научной речи, отличающейся правдоподобием и приближенностью к реальному научному дискурсу и одновременно достаточной понятностью, позволяющей не отдалить зрителя или читателя, а вовлечь в мир художественного произведения. Для достижения этой цели авторские термины-неологизмы

должны содержать элементы настоящих терминов, чтобы воображение реципиента произведения (зрителя, читателя) могло самостоятельно смоделировать смысл вымышленного слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусова Е.А. Окказиональное слово как стилеобразующая черта произведений научной фантастики // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalnoe-slovo-kak-stileobrazuyuschaya-cherta-proizvedeniy-nauchnoy-fantastiki> (дата обращения: 19.09.2018).

2. Берсенева Н.С. Словообразовательные модели академического дискурса в жанре научной фантастики // Вестник ЛГУ. 2015. Т.1, №3. С. 158–164.

3. Mandala S. The Language in Science Fiction and Fantasy: The Question of Style. London: Continuum, 2010. 192 p.

**ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ
В РЕГИОНАХ ВЫСОКОЙ МИГРАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИИ ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА)**

Аннотация: В статье анализируется языковая ситуация, сложившаяся в Ираке в регионе Курдистан и связанная с курдским языком, являющимся официальным языком миллионов курдов, которые проживают на данной территории вследствие больших потоков миграции. В статье описывается статус курдского языка в регионе и тот сценарий развития языковой ситуации, который рассматривается как наиболее благоприятный, на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: языковая ситуация, язык мигрантов, сценарий развития языковой ситуации

Аннотация: This article analyzes the situation of the Kurdish language, the official language of the Kurdistan region, which appeared on the territory of Iraq as a consequence of a large migration flow. The article provides an overview of the status of the Kurdish language in the region and presents the most favourable scenario of this displaced people's language situation development.

Keywords: language situation, language of displaced people, language development scenario

В современном мире проблема языковых контактов становится все более актуальной вследствие больших и частых миграционных потоков из разных регионов планеты в места проживания представителей других лингвокультур, часто кардинально отличных от культур миграционного населения. Такая ситуация вызвана сложившейся геополитической ситуацией в целом ряде стран.

В рамках данной статьи рассматривается языковая ситуация, сложившаяся для миграционного населения Ирака. Начиная с 2003 года, года свержения власти одного из могущественных диктаторов на Ближнем Востоке и года, когда начались усиленные нападения и бомбежки со стороны террористических групп, для тысяч иракцев из разных городов страны

· Научный руководитель – д-р филол. наук О.В. Магировская.

миграция стала одним из основных способов выживания. Появление исламского государства в Ираке и Сирии в 2014 году стало еще одной причиной для эмиграции миллионов беженцев в поисках убежища и повышения уровня жизни. По данным Агентства ООН по делам беженцев, в конце 2015 года количество беженцев в Ираке составило 4,4 млн. человек, что на 800 тысяч человек больше, чем в 2014 г. [Global trends: forced displacement in 2015, 2015: 31].

Регионом в Ираке, в котором в настоящее время проживает самое большое число беженцев в результате войн в Ираке и Сирии, является Курдистан. Соответственно, именно данный регион рассматривается как регион языковых контактов, которые возможно наблюдать и анализировать как наиболее активные и развивающиеся.

В общем смысле под языковым контактом понимается одновременное использование более одного языка в определенном географическом ареале. Языковые контакты возникают в рамках взаимодействия говорящих на разных языках, в результате чего происходит влияние этих языков друг на друга. По мнению Дж. Маклин и Дж. Махера, изменение языков в рамках языковых контактов часто одностороннее [Maclean and Maher, 2001: 18]. Достаточно часто изменение языка в процессе языковых контактов затрагивает только отдельный сегмент дискурсивного сообщества, проявляясь только в определенном диалекте, жаргоне, речевом регистре [Там же: 19].

Основными условиями языковых контактов выступают миграция, языковое соседство, завоевание и политическая унификация различных этнических языковых групп в многонациональных государствах [Rozenvejš, 1976: 115]. Когда две этнически разные общности вступают в контакт друг с другом при любом из этих условий, языковой контакт происходит из-за необходимости установления связи между членами этих общностей.

В ситуации миграции, когда одна этническая группа вступает в контакт с другой, принимающее общество часто оказывает сильное

культурное влияние на мигрантов относительно идеологии и системы ценностей. В результате объединения обществ с разными культурными традициями происходит аккультурация, при которой социально-культурная жизнь мигрантов претерпевает изменения на основе моделей поведения (в том числе языкового) живущего на данной территории социума [Weinreich, Labov, Herzog, 1953: 106].

С. Томасон отмечает, что к факторам, способствующим большей интенсивности контакта, относятся: 1) высокий уровень двуязычия, 2) социально-экономическое и / или политическое давление на группу говорящих с целью заставить ее перейти на другой язык, 3) временная протяженность языкового контакта и 4) соотношение численности контактирующего населения двух лингвокультурных общностей [Thomason, 2003: 38]. Высокая интенсивность контакта является, по мнению ученого, необходимым, но не достаточным условием для языковой интерференции [Там же].

На современной карте мира регионом языковых контактов выступает Курдистан (Ирак). В данном регионе проживает арабское, туркменское и ассирийское миграционное население. Каждая этническая группа имеет свой собственный язык, и их пребывание в Курдистане в течение длительного периода неизбежно оказывает влияние на курдский язык. Как и в любой ситуации миграционных контактов с коренным населением в Курдистане наблюдается два основных случая языковых контактов. В первом случае мигранты поддерживают и сохраняют свой собственный язык как язык своей национальной идентичности, во втором случае наблюдается переход мигрантов на язык большинства. Первый случай для Курдистана выступает приоритетным. Он представляет собой особый сценарий развития языковой ситуации в регионе, обусловленной преимущественно неязыковыми факторами.

Курдский язык, являясь языком второй по численности лингвокультурной общности в Ираке, представляет собой большую

проблему для современного иракского режима. Это связано, прежде всего, с тем, что для курдов вопрос родного языка был всегда основным. Это проявлялось, прежде всего, в том, что наряду с толерантным отношением к другим языкам курды борются за право своего языка на сосуществование и признание его на государственном уровне. Начиная с 1920 г., года признания новых иракских границ властью Соединенного Королевства, курды постоянно заставляли режимы Ирака предоставить им право на образование на родном языке. В результате, их постоянное давление вынудило власти признать их языковые права на территории Курдистана. В 1932 году правительство издало «Закон о местных языках» (*the law of local languages*). Такой шаг к удовлетворению языковых интересов курдов был использован в качестве необходимого для вхождения в Лигу Наций. В этом законе указывалось, что государственные служащие в регионах Курдистана должны быть курдами, а школы [в этих регионах] должны осуществлять обучение курдскому языку. После вступления закона в силу в школах в некоторых регионах с курдским большинством стали обучать курдскому языку. Языковая ситуация значительно улучшилась, когда на курдском языке стали издаваться журналы и книги.

Самым важным рычагом изменения языковой ситуации в Ираке выступает законодательство, которое вносит различные поправки в связи с длительным проживанием на его территории большого количества мигрантов. В 1958 г. в Конституцию Ирака были внесены строчки о признании арабов и курдов равноправными общностями на территории Ирака. В 2005 г. всеобщим голосованием была утверждена Статья 4 Конституции. В ней признается официальный статус арабского и курдского языков. Эта же статья также гарантирует, что курды Ирака имеют равные права с иракскими гражданами на обучение своих детей на родном языке в государственных учреждениях или на любом другом языке в частных учреждениях. Статус официального языка дал целый ряд возможностей. Это, прежде всего, возможность публиковать официальные документы на

арабском и курдском языках, возможность ведения дискуссий и выступлений в таких официальных учреждениях, как парламент и суд, а также возможность организации конференций на любом из двух официальных языков. Кроме того, официальные документы и корреспонденция, выпущенные на любом из двух языков, официально признаются. В 2013 году, который по праву считается золотым годом в истории курдского языка в Ираке, иракский парламент проголосовал за закон, регулирующий официальные языки и местные официальные языки.

В настоящее время язык курдов в Ираке – это язык школ, институтов, университетов, официальных газет, более 100 местных и 20 спутниковых каналов, официальных учреждений и конференций, документов.

Такая достаточно благоприятная национально-языковая политика рассматривается как редкий позитивный пример среди проектов национального строительства на Ближнем Востоке [Sheyholislami, 2011]. Ирак – практически единственная страна в данном регионе, где некоренное население имеет право на использование родного языка в различных сферах жизнедеятельности региона. Во всех остальных регионах курдский язык, язык более 20 миллионов человек, преследуется властями государств, на территории которых проживает большинство курдов (Турция, Иран, Сирия).

Таким образом, описание языковой ситуации в одном из регионов Ближнего Востока – регионе Курдистан в Ираке – подтверждает идею о том, что любая языковая ситуация выступает историческим продуктом социальных сил [Heine, 2005: 41]. Имеющийся положительный опыт решения вопроса языковой ситуации в одной из стран Ближнего Востока, который стал очень важным вследствие многомиллионного населения мигрантов, говорящих на курдском языке и борющихся за право говорить на нём как языке своей национальной идентичности, может послужить тем сценарием, по которому могут пойти другие государства. Данный сценарий позволит в перспективе проанализировать специфику языковых контактов и

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ В СИТУАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ЯЗЫКОВ МИГРАНТОВ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Global trends: forced displacement in 2015 // UNHCR. The UN refugee Agency. 2015. URL: <https://reliefweb.int> (дата обращения: 02.02.2018).
2. Heine B., Kuteva T., Mufwene S. Language contact and grammatical change. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 308 p.
3. Iraqi Constitution. 2005. [Электронный ресурс] // Washington Post. URL: <http://www.washingtonpost.com/wpdyn/content/article/2005/10/12/AR2005101201450.html> (дата обращения: 02.02.2018).
4. Maclean J., Maher J. Medical language // Mesthrie R. (ed.) Concise encyclopaedia of sociolinguistics. Amsterdam: Elsevier, 2001. P. 256.
5. Rozenvevjg V.J. Linguistic interference and convergent change. The Hague: Mouton, 1976. 58 p.
6. Sheyholislami J. Kurdistan // Encyclopedia of social Networks. 2011. Vol. 1. Pp. 473–473.
7. Thomason S.G. Contact as a source of language change // Janda R.D., Joseph B.D. (eds.) A handbook of historical linguistics. Oxford: Blackwell, 2003. 687 p.
8. Weinreich U., Labov W., Herzog M. Empirical foundations for a theory of language change // Lehmann W., Malkiel Ya. (eds.) Directions for historical linguistics. Austin: University of Texas Press, 1968. Pp. 95–188.

РУСИЗМЫ В ПАМЯТНИКАХ ЦЕРКОВНОКНИЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XI–XII ВВ.

Аннотация: Цель исследования – выявить особенности функционирования фонетических русизмов в пределах памятников церковнославянской книжности XI–XII вв. – позволяет заметить, что церковные тексты не свободны от русизмов, которые выступают как результат 1) естественного сосуществования двух языковых стихий и 2) стремления книжников придать им определенную функциональную нагрузку. Материал позволяет сделать вывод, что уже в древнерусский период заложены начала той амбивалентности XVIII в., когда русский язык оттесняет церковнославянский и одновременно принимает на себя его функции языка книжного.

Ключевые слова: русизм, церковнославянизм, церковнокнижная литература.

Abstract: The aim of the study (to discover functioning features of phonetic Russisms in the memorials of Church Slavic literature XI–XII-th centuries) shows that ecclesiastical texts aren't clear from Russisms, which are the results of 1) native coexistence of two languages and 2) scribes' aspiration to add Russisms the special functional meaning. Material allows making a finding that the XVIII-th century ambivalence, when Russian language removed Church Slavic language and both took its functions on itself, was already laid in the old Russian period.

Keywords: Russism, Slavic speciality, ecclesiastical writing.

Известно, что для языковой ситуации Древней Руси характерно, сосуществование церковнославянского и древнерусского языков.

Церковнославянский язык по происхождению – «...старославянский язык, подвергшийся влиянию живых языков народов, у которых он был распространен» [Касаткин, 1997: 615]. Он выполнял функции языка книжного, был языком богослужения и славянского просвещения.

Древнерусский язык «сложился на базе близкородственных диалектов восточнославянских племен и существовал в VI–VII – XIV вв.» [Иванова, 1997: 123] и использовался, в основном, как средство бытового общения.

Основная цель работы – выявление специфики функционирования фонетических существительных-русизмов в текстах церковнокнижной литературы раннего древнерусского периода. Материал исследования – 1799 контекстов, содержащих лексемы со следующими полногласными и

· Научный руководитель – д-р филол. наук Т.М. Григорьева

неполногласными корнями: *-бород-/-брад-; -борозд-/-бразд-; -борон-/-бран-; -борот-/-брат-; -вороз-/-враг-; -ворот-/-врат-; -город-/-град-; -дорог-/-драг-; -здоров-/-здрав-; -зорок-/-зрак-; -корот-/-крат-; -мороз-/-мраз-; -морок-/-мрак-; -норов-/-нрав-; -пороз-/-праз-; -порох-/-прах-; -смород-/-смрад-; -сторож-/-страж-; -сторон-/-стран-; -хоробр-/-храбр-; -хором-/-храм-; -хорон-/-хран-; -болот-/-блат-; -волод-/-влад-; -волос-/-влас-; -волок-/-влак-; -голов-/-глав-; -голод-/-глад-; -голос-/-глас-; -золот-/-злат-; -колод-/-клад-; -колос-/-клас-; -молод-/-млад-; -молот-/-млат-; -оболок-/-облак-; -полот-/-плат-; -солод-/-слад-; -холод-/-хлад-.*

Источником материала для работы послужили 10 текстов древнерусского периода, которые выстроены по хронологии создания:

1. «Житие Константина-Кирилла» (869–879 гг.);
2. «Житие Мефодия» (885–886 гг.);
3. «Сказание о Борисе и Глебе» (1033–1034 гг.);
4. «Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона» (1037–1050 гг.);
5. «Житие Феодосия Печерского» (1080-е гг.);
6. «Хождение игумена Даниила» (нач. XII в.);
7. «Послание Климента Смолятича» (1147–1154 гг.);
8. «Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы» (1163 г.);
9. «Слова и поучения Кирилла Туровского» (1169–1182 гг.);
10. «Киево-Печерский патерик» (кон. XII в. – первая треть XIII в.).

Их выборка произведена из сборника «Библиотека литературы Древней Руси» под ред. Д.С. Лихачева (Т.1: XI–XII вв.; Т.2: XI–XII вв.; Т.4: XII в.), опубликованного на интернет-портале Института русской литературы РАН.

Для анализа были собраны и сформированы в единую таблицу все русизмы и церковнославянизмы, которые встречались в текстах хотя бы раз.

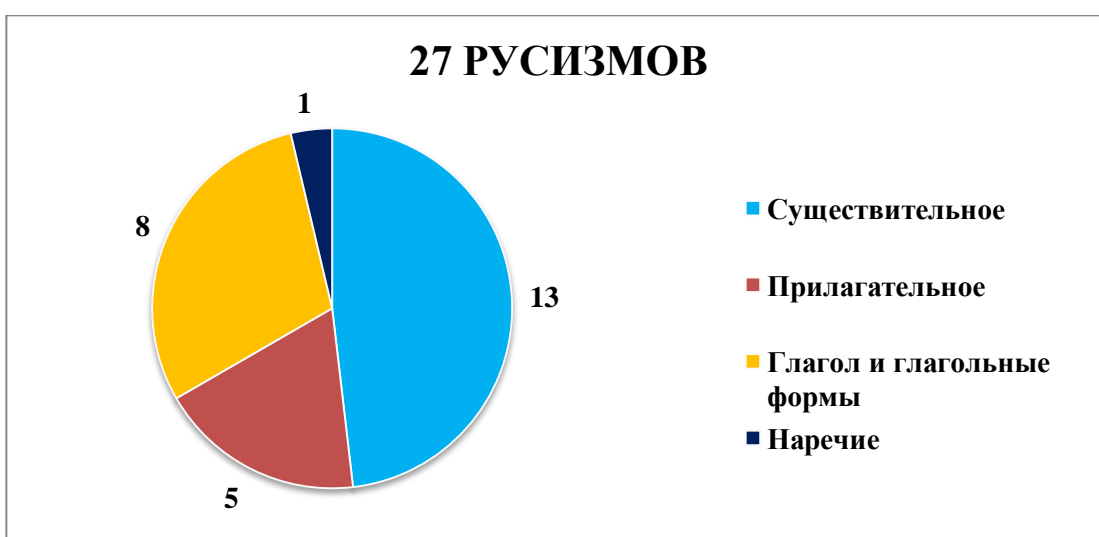
Всего было выделено 1799 контекстов: из них 75 с русизмами и 1724 с церковнославянизмами. Из диаграммы (рис. 1) видно, что контексты с русизмами составляют очень малую часть, всего 4,1%, а контексты с церковнославянизмами составляют 95,9% всех выделенных контекстов.

Рисунок 1. Выделенные контексты

Данные таблицы обнаруживают 27 русизмов. Из них существительные и онимы – 13 (48,1%); прилагательные – 5 (18,5%), глаголы и глагольные формы – 8 (29,6%), наречия – 1 (3,8%) – см. диаграмму (рис. 2).

Рисунок 2. Выделенные русизмы

Необходимо отметить число фонетических русизмов в разных памятниках: «Житие Константина-Кирилла» – 0; «Житие Мефодия» – 0;

«Сказание о Борисе и Глебе» – 22; «Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона» – 1; «Житие Феодосия Печерского» – 19; «Хождение игумена Даниила» – 7; «Послание Климента Смолятича» – 0; «Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы» – 8; «Слова и поучения Кирилла Туровского» – 1; «Киево-Печерский патерик» – 17. При этом количество русизмов зависит от: 1) объема памятника; 2) времени его создания (чем старше памятник, тем более сильное влияние древнерусского языка на церковнославянский).

Результаты таблицы показывают, что только 14 чередований допускают употребление русизмов. Частотность употребления русизмов можно выстроить в порядке убывания: -город-/-град- (8 русизмов); -волод-/-влад- (4 русизма); -ворот-/-врат- (4 русизма); -бород-/-брад- (1 русизм); -волок-/-влак- (1 русизм); -золот-/-злат- (1 русизм); -зорок-/-зрак- (1 русизм); -колод-/-клад- (1 русизм); -молод-/-млад- (1 русизм); -молот-/-млат- (1 русизм); -оболок-/-облак- (1 русизм); -пороз-/-праз- (1 русизм); -порох-/-прах- (1 русизм); -сторон-/-стран- (1 русизм).

Этот список обнаруживает тенденцию к частотному употреблению чередования *-волод-/-влад-*, *-ворот-/-врат-* и *-город-/-град-*. причем частотность употребления чередования *-город-/-град-* связано с формой расселения восточных славян: это был город, который подвергался большим изменениям и в разные времена принимал разнообразные формы.

Профессор В.О. Ключевский выделил 4 формы городов в русском средневековье с соответствующими «характерами» и функциями: *город-двор* – зверолов-бортник; *город-село* с земледельческим населением; *город-застава* с военным населением и *город-посад* (торговый) с торгово-промышленным населением [Ключевский, 1989: 192]. Он объясняет близость двух терминов, обозначающих разные предметы – город и огород: «город <...> по своему первоначальному этимологическому и экономическому значению соответствовал не только латинскому *urbs*, но и *hortus*, означал всякое огороженное жилое место, неоткрытое. В связи с этим термином

стоит болгарский термин «градеж» (забор) – часть города, т. е. ограды; город-ограда состоит из нескольких заборов, градежей» [Там же]. Кроме того, одним из видов города-двора является так называемое *городище*: «Такова древнейшая форма восточнославянского города; это одинокий укрепленный двор... <...> По всему пространству нашей равнины находятся бесчисленные остатки валов, иногда едва заметные, но поражающие своей однообразной овальной формой и одинаковостью размеров. <...> Они обхватывают очень небольшое пространство, на котором можно выстроить крестьянский двор средней руки. Эти валы носят название “городищ”» [Ключевский, 1989: 193–194].

Другие два чередования непосредственно связаны с *-город-/-град-*: лексемы с чередованием *-волод-/-влад-* обозначают, во-первых, властвующее лицо или силу: «власть» в толковом словаре В.И. Даля – «...право, сила и воля над чем, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление; начальство, начальник или начальники»; «владеть» – «...господин, обладатель; верховный правитель, государь; архипастырь; архиерей, а также священник, во время богослужения» [Даль, 1880: 216]. Соответственно лицо, наделенное властью, находится в некоем городе. При этом лексема «волость» обозначает «...1) (с дописьменной эпохи) «власть», «право»; 2) (с XI в.) «область земли, находящаяся под одной верховной (княжеской) властью»; 3) «округ, принадлежащий городу» [Черных, 1999: 164], второе и третье определения которого прямым образом связано с городом.

Чередование *-ворот-/-врат-* ближе связано с чередованием *-город-/-град-*. Несмотря на то, что в первом значении *ворота* – «широкий вход или проезд в ограде, в стене и т.п., запираемый створами; створы, двери для запираения входа или открывания при проходе и проезде» [Ефремова, 2000], переносное значение слова следующее: «город, через который осуществляются экономические, культурные и т.п. связи какой-л. страны (региона) с другими странами (регионами)» [Там же]. Также *ворота* в

древности – важнейшее место города – их необходимо охранять, чтобы защищать город и власть в нем. В связи с этим существовали профессии *воротник*, *вратарь* и *привратник*. Помимо этого, *ворота* в русской культуре имеют символическое значение: «врата ада» и «врата рая». Можно предположить, что в памятниках церковнокнижной литературы лексемы с чередованием *-ворот-/-врат-* употребляются во всех перечисленных значениях, и это свидетельствует об их частотности.

В результате анализа приведенных контекстов было выявлено 6 коррелирующих пар одной части речи – существительного, а также единственный пример русизма, пары которого в текстах не обнаружено: *борода* – (на) *брать*; *волость* – *власть*; *воротъ* – *врата*; *городъ* – *градъ*; *золото* – *злато*; (въ) *сторонъ* – *страны*; (межю) *колодама*.

Таким образом, были выделены следующие существительные-русизмы: *борода* (1), *волость* (1), *воротъ* (5), *городъ* (5), *золото* (2), (межю) *колодама* (1), (въ) *сторонъ* (3).

Единичное использование такого русизма, как *волость*, в тексте «Сказание о Борисе и Глебе», особенно в паре с церковнославянизмом *власть* в этом же тексте, объясняется его семантической дифференциацией и поздним значением: «*волость* – 1) (с дописменной эпохи) «власть», «право»; 2) (с XI в.) «область земли, находящаяся под одной верховной (княжеской) властью»; 3) «округ, принадлежащий городу» [Черных, 1999: 164], а также начавшимся расхождением ранее синонимичных слов.

Проф. В.В. Колесов объясняет эту тенденцию так: эти понятия были разведены, чтобы обозначить особыми терминами разные явления общественной жизни, имеющие отношение к «земле». В X в. слово *власть/волость* было многозначно и обозначало возможность, силу, право на действие. Встречаются также случаи употребления слова *власть* в значении силы или возможности действовать по праву рода [Колесов, 1986: 260].

В XI в. возникла необходимость в слове, которое бы обозначало право владения над «землей», т.е. территорией. Таковым стало слово

власть/волость, точнее самым древним словом было «волость» – именно оно значило «владение», но не «владычество». А Ф.П. Филин отмечал, что «...в дофеодальную эпоху слово *власть/волость* означало обладание собственностью в границах рода» [Филин, 1949: 79]. Именно поэтому летописец в XI в. колеблется в определении значения слов *власть* и *волость*: они, может быть, уже не тождественны по смыслу.

Во II половине XI в. *волость* и *власть* еще означают «владение», потому что обе формы еще можно свободно найти в тождественном значении. Но к концу XI в. *власть* уже безусловно определяется как «власть (управление, господство)», а *волость* – «территория, подвластная князю». Это слитное понятие одновременно и власти, и владения, и владельца к концу XI в. раскладывается надвое в соответствии с условиями и потребностями выражения феодальных отношений: *волость* становится доменом, а *власть* – силой и правом владения им [Колесов, 1986: 261–262].

Выделенные контексты из памятника середины XI в. «Сказание о Борисе и Глебе» подтверждают эту точку зрения: *И оттолъ крамола преста въ Русьскъ земли, а Ярославъ прея въсю волость Русьскую* – «волость» в значении «земля, территория»; *По истинъ въторааго Каинаулови мысль его, яко да избьетъ вся наслѣдьники отъца своего, а самъ приимътьединъ въсю власть* – «власть» в значении «господство».

Слово *борода* также встречается один раз в «Сказании о Борисе и Глебе», использование этого русизма можно объяснить тем, что слово функционировало в основном в бытовой сфере, а значит древнерусский книжник «перенес» его из разговорной речи: *Тъльмъ бяше красьнь, высокъ, лицьмъ круглъмъ, плечи велицъ, тънькъ въ чресла, очима добраама, весель лицьмъ, борода мала и усъ – младъ бо бѣ еще*.

Единичное использование русизма *колода* в значении «лежащее толстое дерево, бревно или немалый и толстый отрубок, срубленное голомя, лежащее дерево в лесу» [Даль, 1881: 139–140] используется в тексте, потому что ему нет эквивалента в таком же значении с корнем *-клад-*: *Убиену же*

Глѣбови и повържену на пустѣ мѣстѣ межю двѣма колодама («Сказание о Борисе и Глебе»).

Слово *золото* встретилось дважды: в «Житии Феодосия Печерского»: *...то дамы святѣй Богородици въ монастырь блаженааго Феодосия 2 гривнѣ золота...*; в «Сказании о Борисе и Глебе»: *Къде бо ихъ жития и слава мира сего, и багряница и брячины, серебро и золото....* Причем в обоих текстах есть контексты с неполногласным вариантом этого корня: *Тѣгда же блаженный, призвавъ иконома, подасть ему гривну злата...* («Житие Феодосия Печерского») и *И бѣаше възложилъ на нь гривну злату...* («Сказание о Борисе и Глебе»). Использование русизма в первом примере (2 *гривнѣ золота*) в значении «золотые монеты, деньги» можно объяснить случайным допущением книжника, в то время как второй пример (*серебро и золото*) функционирует в значении «благородный металл желтого цвета, изделия из такого металла», возможно, книжник хотел разделить эти значения графически.

Русизм *сторона* используется трижды: 2 раза в «Сказании о Борисе и Глебе»: *Тако и си святая постави свѣтити въ мирѣ, премногими чудесы сияти въ Русьскѣй сторонѣ велицѣй...; И не тудинде, нь и по вѣстѣмъ сторонамъ и по вѣстѣмъ зѣмлямъ преходяща...;* и один в «Хождении игумена Даниила»: *И есть сторонѣ пути того за горою было то, на правой руцѣ, тамо идуще от Иерусалима къ Яфу.*

Проф. В.В. Колесов утверждает, что «слово *страна* употребляется в текстах, которые описывали войны, походы, нашествия, «страна» и представлялась как сторона враждебная» [Колесов, 1986: 253]. *Страна* составляла оппозицию *земле*, которая выступала в значении «родной стороны», но эта оппозиция закрепилась только на рубеже XII–XIII вв. [Там же: 252]. К концу XII в. произошло разделение значений слов *сторона* и *страна* [Там же: 253–254] как «направление по отношению к чему-то» и «чужая земля» соответственно, а до этого момента происходило смешение значений, что можно увидеть в контекстах проанализированных памятников:

в «Сказании...» русизм имеет коррелирующую пару церковнославянизма в этом же тексте: *Отъ всѣхъ бо странъ ту приходяще туне почьреплють ищгление...*, а все вместе они обладают одинаковым значением («земля») и функцией – обозначения места. Поэтому, по-видимому, в данном случае древнерусский книжник сочетал русизмы и церковнославянизмы в пределах одного текста под влиянием языковой ситуации.

В более позднем по отношению к «Сказанию...» памятнике «Хождение игумена Даниила» слово *сторона* уже имеет значение «направление по отношению к чему-то», то есть можно отметить разделение книжником русизмов и церковнославянизмов в соответствии с их функциями.

Существительное *ворота* встречается 5 раз в двух текстах: «Житие Феодосия Печерского» – *...и от радости же не отверзе воротъ...; ...еда кѣто къ воротомъ приходи въ сию ноцъ; Онъ же съ клятвою извъщася, яко и еще свѣтъ затвореномъ сущемъ воротомъ...;* и «Хождение игумена Даниила» – *Оттуду на востокъ лицъ близъ суть ворота городнаа, теми вкраты исходятъ къ Гепсимании.* Кроме того, в этих текстах есть контексты с коррелирующей парой – *врата*, которых подавляющее большинство: *...нѣ се домъ Божий и си врата небесная* («Житие Феодосия Печерского»); *Се мѣсто домъ Божий, и се врата небеснаа суть* («Хождение игумена Даниила»). Здесь можно отметить некоторое разделение значений слов *ворота/врата*: *ворота* – «отверстие, проем в стене или ограде для прохода и проезда» [Даль, 1880: 249], *врата* – «святые врата» [Там же: 264], то есть практически вход в другое пространство («врата ада», «врата рая»).

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что книжник пытался разделить бытовое и библейское значения слова, поэтому *ворота* в данных контекстах выполняет функцию называния бытового предмета.

Слово *городъ* встречается 5 раз в двух памятниках: «Житие Феодосия Печерского» – *И тако устрѣмися къ Кыеву городу...; ...въниде въ манастырь, ту сущий близъ города...; ...поставленъ бысть митрополитѣмъ*

въ **городъ** Переяславлѣ; ...иже и послѣже добрыхъ ради нравъ его, поставленъ бысть епискупъ Ростову **городу**; И бѣ самъ съ братиєю дѣлая и города дворъ монастырьскій; и «Сказание о Борисе и Глебе» – *Поистинъ Вышегородъ наречеса – вышій и превышій **городъ** всѣхъ...* Как уже было отмечено, чередования с корнями *-город-/-град-* самое частотное, потому что у древнерусского человека существовало 4 формы городов, а также *огород*, *город-ограда* и *городище*.

Корень *-город-/-град-* не имеет принципиального разделения значений, кроме церковнославянского и русского, поэтому книжник, скорее всего, совершал смешение разговорной и письменной лексики под воздействием складывающейся языковой ситуации.

Исследование позволяет заключить, что древнерусские книжники использовали существительные-русизмы для разделения значения и функции слова (показать различие низкого (разговорного) и высокого (письменного) стилей); или случайно переносили русизмы в церковнокнижный текст под воздействием формирующейся языковой ситуации.

Были выделены следующие функции русизмов:

- употребляются для описания предметов бытовой сферы (*борода*, *ворота*);
- используются при отсутствии слова-эквивалента с неполногласным корнем (*колода*);
- графически показывают расхождение ранее синонимичных слов (*волость*);
- дифференцируют значения слов (*золото*, *сторона*);
- доказывают смешение письменного (церковнославянского) и устного (древнерусского) языков (*город*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиотека литературы Древней Руси. Т.1: XI–XII вв.; Т.2: XI–XII вв.; Т.4: XII в. [Электронный ресурс] / Электронная библиотека ИРЛИ РАН. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru> (Дата обращения: 16.03.2018).
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (в 4-х томах). С.-Петербург, М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. Т.1. 723 с.; 1881. Т.2. 807 с.
3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info> (Дата обращения: 01.04.2018).
4. Иванова М.В. Древнерусский язык // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд, перераб. и доп. М.: Большая Российская Энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 123–124.
5. Касаткин Л.Л. Церковнославянский язык // Русский язык. Энциклопедия / 2-е изд, перераб. и доп. М., 1997. С. 615–616.
6. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. VI. Специальные курсы / Под ред. В.Л. Янина; Послесл. Р.А. Киреевой; Коммент. составили В.Г. Зимина, Р.А. Киреева. М.: Мысль, 1989. 476 с.
7. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 312 с.
8. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей). Л., 1949. 288 с.
9. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1. М.: Русский язык, 1999. 623 с.

УСТНЫЙ КУЛИНАРНЫЙ РЕЦЕПТ КАК ЖАНР ДОМАШНЕГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация: В статье представлено описание речевого жанра «устный кулинарный рецепт», основанное на модели М.В. Розановой и Н.Н. Китайгородской с некоторыми добавлениями из модели Т.В. Шмелёвой. Очерчиваются статусно-ролевые характеристики коммуникантов, коммуникативное время, цель. Особое внимание уделяется описанию языковых особенностей: описываются используемые группы лексики, диктумное и модусное содержание, типичные синтаксические конструкции.

Ключевые слова: речевой жанр, устный кулинарный рецепт, разговорная речь, общение на кухне.

Abstract: The article presents the speech genre's "verbal recipes" description, which is based on the model by M. V. Rozanova and N. N. The Kitaygorodskaya with some additions from a model by T.V. Shmeleva. The status and role characteristics of communicants, communicative time, purpose are outlined. Special attention is paid to the description of language features. The used groups of vocabulary, dictum and modus content, typical syntactical constructions are described.

Keywords: speech genre, oral cooking recipe, spoken language, communication on the kitchen.

Кулинарный рецепт уже не раз попадал в фокус внимания лингвистов. Рецепт описывают как особый тип текста [Буркова, 2004; Москалюк, 2005], как жанр естественной письменной речи [Евсеева, 2014], на материале текстов кулинарных рецептов изучаются деривационные процессы в системе речевых жанров [Кантурова, 2012], описываются также структурные и языковые особенности конкретной кулинарной книги [Лазеева, 2016], трансформация жанра в интернет-дискурсе [Гончарова, 2016] и в СМИ [Кантурова, 2010; Лукьянова, 2017], его роль в исследовании диетологического дискурса [Волкова, 2017].

Среди лингвистических работ удалось найти две, посвящённые устному кулинарному рецепту. Л.А. Месеняшина рассматривает этот жанр как один из фольклорных и стремится доказать, что он отражает народную

· Научный руководитель – д-р филол. наук И.В. Евсеева

философию питания [Месеняшина, 2012: 87]. Более подробно жанр кулинарного рецепта был описан М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой. Исследовательницы выделили следующие особенности устного рецепта:

1) композиционным ядром является описание технологии приготовления блюда, которое сопровождается его наименованием (перечень ингредиентов в устном рецепте факультативен);

2) название блюда строится по моделям *притяжательное прилагательное (от имени человека) + название блюда* или *название блюда + имя собственное*;

3) содержательно-тематические особенности связаны с лексическим наполнением (имена – разговорные варианты номинаций продуктов, кухонной утвари; глаголы, используемые при описании приготовления блюд);

4) обилие оценочной лексики;

5) использование жестов.

Особое внимание обращается на функционирование видо-временных форм глагола. Указывается, что в устном кулинарном рецепте практически отсутствуют свойственные для письменного рецепта формы инфинитива, а выбор первого, второго или третьего лица (на -ся) зависит от точки отсчёта (говорящий, собеседник или ориентация на более объективный план изложения) [Китайгородская, Розанова, 2012]. Добавим, выбор третьего лица для изложения в некоторых случаях продиктован не только стремлением к большей объективности. Когда говорящий пересказывает чужой рецепт, по которому сам никогда не готовил, также будут использоваться формы третьего лица единственного или множественного числа: <...> *Она делает их на сухой сковороде / то есть / ну у неё такая / знаешь / машинка / тонкое тесто / мясо // И она на сухой сковороде / их как бы делает //*

Для более полного описания жанра представляется необходимым, взяв за основу модель Маргариты Васильевны Китайгородской и Нины Николаевны Розановой, дополнить её некоторыми параметрами из модели

Татьяны Викторовны Шмелёвой. Параметры *модусное и диктумное содержание, синтаксические конструкции* необходимы для более подробного описания внутреннего устройства жанра.

Материалом для анализа послужили устные тексты, собранные методом включённого наблюдения. Нами записывались разговоры на кухне в ситуации домашнего общения.

Устный кулинарный рецепт относится к жанрам *нефатического* общения. Тексты в этом жанре создаются со следующей **целью**: поделиться опытом, который связан с приготовлением еды и напитков.

Наблюдение показывает, что **статусно-ролевые характеристики** детерминируют этот жанр не слишком строго. Можно отметить, что он более характерен для речи старших (бабушки, мамы, папы) по отношению к младшим (детям, внукам), однако случаи, когда, к примеру, взрослая дочь делится с мамой новым рецептом, также не являются исключительными. Частотен этот жанр и в дружеском общении (по преимуществу в общении взрослых женщин). Параметр **коммуникативное время** в модели М.В. Розановой и Н.Н. Китайгородской характеризует тексты жанра устного кулинарного рецепта с позиции времени их функционирования. Тема кулинарных рецептов может быть поднята, в большей степени, в свободное время. Чаще эта тема возникает в выходные и праздничные дни, и часто – в период застольной беседы.

Очевидно, что рецепт по своей природе жанр монологический, предполагающий последовательное сообщение некоторых сведений одним автором. Однако в устной бытовой коммуникации этот жанр (как и другие устные жанры) нередко **диалогизируется**:

Т.В.: А этот знаешь / есть такое вот этот / татарское блюдо хэстэбый //

Р.А.: Ну это картошка //

Т.В.: Да / это вот открытый пирог

О.В.: Угу / то есть он тоже так делается / да?

Т.В.: с картофелем // Это открытый пирог // В общем / отдельно картофельное пюре делается / а потом вот такое вот тесто / пресное // И его на сковородке на сухой // И вот / и как только его снял / его нужно быстро

О.В.: быстро //

Т.В.: маслом промазать / значит / туда

О.В.: Туда картошки // И чё как рулет завернуть?

Т.В.: И заг... Нет / вот так загнуть просто //

О.В.: У-уу //

Т.В.: Вот так загнуть // И ещё раз маслом // И / ну в принципе оно...

О.В.: А тесто из чего делается?

Т.В.: Вода / мука //

О.В.: А ты умеешь его делать?

Т.В.: Да //

О.В.: Ну ты меня научишь?

Т.В.: Ага //

Темой является приготовление пищи, что определяет и особенности лексического наполнения. Анализ материала показал, что лексика представлена семью основными тематическими группами: 1) имена, называющие продукты питания (*мука, картошка, рис, масло*); 2) имена, называющие посуду и используемые на кухне электроприборы¹ (*сковородка, кастрюля, плита, духовка*); 3) глаголы, указывающие на действия, совершаемые во время приготовления пищи (*положить, порезать, добавить, перемешать*); 4) наречия образа действия (*быстро, медленно, сразу, ровно*), в том числе указывающие на последовательность действий (*сначала, затем, потом*); 5) свойства продуктов (*кислота, сладость*); 6) глаголы, описывающие трансформации, которые происходят с продуктами (*кислота*

¹ Внутри делится на две функционально отличные группы: где совершается манипуляция (в кастрюле, на сковороде, в духовке) и чем (миксером, ложкой, ножом).

уходит, сладость появляется); 7) прилагательные, обозначающие свойства продуктов и кухонной утвари (*сухой, тёплый, охлаждённый*).

Перейдём к описанию диктумного содержания жанра. Напомним, что единицей описания **диктума** является пропозиция. Отмечая невозможность на современном этапе создать исчерпывающую классификацию пропозиций, Т.В. Шмелёва отмечает, что первым подступом к классификации должно быть разделение пропозиций на событийные и логические. Первые «портретируют действительность» (происходящие события и их участников), вторые являются результатом мыслительных операций (признаки, свойства, отношения). Событийные пропозиции подразделяются по типу (существование, состояние, движение, действие, восприятие) и сфере (социальная, ментальная, физическая, психическая). Среди логических выделяют пропозиции характеристики (приписывание предмету или факту признака), сложные пропозиции, описывающие отношения между двумя и более объектами (соединение, сопоставление, подобие, противительность, разделительность), а также пропозиции, фиксирующие отношения между другими пропозициями (условность, причина, следствие, уступка, отношения временной соотнесённости) [Шмелёва, 1997].

Основу **диктумного содержания** жанра устного кулинарного рецепта составляют событийные пропозиции физического действия, агенсами в которых является человек (автор высказывания, адресат или третье лицо), объектом и вместе с тем средством – исходные продукты, инструментом – кухонная утварь, результативом – получаемое на промежуточных этапах и в конце работы. Локативами (обстоятельство места) в этих пропозициях могут выступать кухня в доме, дачный участок, поляна в походных условиях. Например: *Я* (агнс) *разбиваю* (СП физического действия) *в миску* (инструмент) *яйцо* (объект, являющийся в то же время средством), *добавляю* (СП физического действия) *немного соли, сахару* (средство), *пять минут* *взбиваю миксером* (инструмент) *до однородной белой массы* (результатив). *Сковороду* (объект) *смазываю* (СП физического действия) *маслом* (средство).

Второй тип составляют событийные пропозиции физического действия, однако субъектами здесь выступают продукты или их свойства: *они (огурцы) постояли <...> кислота из них уходит.*

Все четыре вида припропозитивных смыслов выражаются факультативно: фазисность (указание на начало, продолжение и завершение действия) *начинаешь закладывать яблоки*, негация (отрицание пропозиции) *не сразу засыпаешь, а постепенно*, квантитативность (указание на количество) *немного соли*, интенсивность *перемешиваешь хорошенько.*

Иные типы событийных пропозиций для жанра устного кулинарного рецепта не характерны. Из логических пропозиций, используемых в этом жанре, выделяются пропозиции характеристики, соединения.

Опишем некоторые модусные смыслы, свойственные жанру устного кулинарного рецепта. На персонализации (выбор первого, второго или третьего лица), что подробно было сделано Розановой и Китайгородской, мы останавливались в начале доклада. Модальность исследуемых текстов может быть как реальная, так и ирреальная. Персуазивность (выражение автором уверенности или сомнения в достоверности информации) устных рецептов также вариативна. Преобладают тексты, в которых выражена уверенность в достоверности, однако пересказ чужого рецепта может сопровождаться модусом сомнения: *Она вроде бульон варит / долго очень варит.* При выборе второго лица оказываются выражены социальные смыслы (выбор *ты* или *вы* формы).

Синтаксис описываемого жанра однотипен и достаточно прост. Основу составляют простые предложения, построенные по нескольким схемам. Первая конструкция (N₁ Vf N₄) обслуживает событийные пропозиции с агенсом-человеком (субъект обычно оказывается не выражен): *Отвариваю картошку, морковь, свеклу //.* Те же смыслы (за исключением возможности указания на агенса) выражаются конструкцией (cop) Inf N₄: *Надо взять рис / промыть хорошенько //.* Осложняются эти конструкции цепочками однородных членов (сказуемых и дополнений), а также

некоторыми дополнительными членами (прилагательными, обозначающими свойства продуктов, и наречиями образа действия): *Берёшь молодой картофель; аккуратно разрезаешь.*

Выше отмечалось, что чёткая **композиция**, которая присуща текстам письменного варианта жанра, в устном общении зачастую не выдерживается. Письменный рецепт обычно начинается с перечисления необходимых продуктов, а затем воспроизводит строго в хронологическом порядке действия, совершаемые во время приготовления. В устном варианте список необходимых продуктов может воспроизводиться как в начале, так и в завершении повествования. Автор список продуктов может повторить, как бы суммируя сказанное, либо такой список может вовсе не указываться. Перечисление действий идёт также в хронологическом порядке, однако этот порядок может нарушаться, когда автор что-то забыл, но в процессе вспомнил, или когда задаются уточняющие вопросы.

В заключении отметим, что жанр устного кулинарного рецепта далеко не всегда встречается в чистом виде. Наблюдается не только его «встраивание» в непрерывный текст беседы на кухне, но и проникновение в него других жанров, в первую очередь, диалогических фатических и нефатических жанров:

Р.А.: Морковь надо... Нет / в мясо тоже обжариваешь // Сначала лук / потом мясо / а потом морковь // Потом это всё обжариться а морковь размякнет / туда заливаешь воды и как бы тушишь там / да навроде так//

О.В.: Он тушил / тушил скока-то //

Р.А.: А потом уже в эту воду...

О.В.: Рис //

Р.А.: ну рис // Но рис вот я замачиваю тоже на несколько часов перед этим //

О.В.: А мы делаем как / всё обжариваем / потом // А жена его сказала / что я говорит не знаю с чем это связано / вот этого мужчины // Они кстати / ну татары тоже //

Р.А.: Но-но //

О.В.: Они там другие же / да? Ну не важно //

Р.А.: Крымские / ага //

О.В.: Вот говорит / вот рис нужно мыть три раза / три слива воды //

Т.В.: Угу //

О.В.: И говорит не знаю почему / но почему-то вот больше промоешь / плохо получается / меньше / вот именно говорит три раза смоешь / вот самый идеальный получается //

С.: Так три раза ты по-разному ж воды можешь налить в разную кастрюлю //

О.В.: Так сказал //

Т.В.: Нет / вот именно три раза / знаешь // А вот чисто интуитивно / я вот крупу всегда три раза мою / сливаю // Любую причём //

О.В.: Она говорит что / ну вот просто опытным путём что / ну / пробовали сколько //

Т.В.: Надо три раза //

О.В.: Если говорит не три раза помыл / то всё вот / не получится //

Подведём итог. Для жанра устного кулинарного рецепта характерны: 1) нестрогая детерминированность социально-ролевыми и временными характеристиками (однако необходимо помнить, что характерен он, в первую очередь, именно для общения в пространстве дома); 2) особые образы прошлого и будущего; 3) диалогизация и разрушение строгой композиции, которая свойственна письменному варианту; 4) использование разговорных вариантов лексики нескольких ограниченных групп; 5) преобладание синтаксических схем $N_1 Vf N_4$, $N_1 Vf$ и $(cop) Inf N_4$, осложняемых однородными членами, прилагательными и наречиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буркова П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста: на материале русского и немецкого языков. автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19, 10.02.01. Ставрополь, 2004. 24 с.
2. Волкова А.А. Особенности жанра кулинарного рецепта и его роль в исследовании диетологического дискурса // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 1(69). С. 596–598.
3. Гончарова М.А. Трансформация типа текста «кулинарный рецепт» в интернет-дискурсе // Эволюция и трансформация дискурсов. Сб. ст. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 2016. С. 294–303.
4. Евсеева И.В. Фреймовое моделирование жанра естественной письменной речи «Рукописный кулинарный рецепт» // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания. Сб. ст. Бийск: Изд-во Алтайского гос. гуманитарно-педагогического ун-та им. В.М. Шукшина, 2014. С.184–189.
5. Кантурова М.А. Деривационные процессы в системе речевых жанров: на примере речевого жанра кулинарного рецепта. автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирск, 2012. 27 с.
6. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Кулинарный рецепт как жанр устной речи // Русский язык сегодня. X Шмелёвские чтения. М.: Изд-во Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2012. С. 202–209.
7. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.
8. Лазеева Н.В. Структурные и языковые особенности кулинарных рецептов поваренной книги «Cooking for friends» Г. Рамзи // Инновационная наука, 2016. №3. С. 176–179.
9. Месеняшина Л.А. Устный кулинарный рецепт как жанр, сохраняющий народную философию питания // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. №21 (275). С. 86–88.

10. Москалюк Г.С. Становление типа текста «Кулинарный рецепт»: на материале немецкоязычных кулинарных собраний XIV-XVI веков. автореф. дис. ... канд. филол. Наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 2005. 20 с.

11. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра [Электронный ресурс] // Жанры речи. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Коллежд», 1997. Вып. 1. URL: <https://goo.gl/OWsndk> (Дата обращения: 19.09.2017).

12. Шмелёва Т.В. Семантический синтаксис. Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 1994. 43 с.

II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.0

Злобина Ю.Ю.:

РОЛЬ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ В СТРУКТУРЕ ДРАМАТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ «ИЗОБРАЖАЯ ЖЕРТВУ» БР. ПРЕСНЯКОВЫХ)

Аннотация: В статье концептуальное понятие «литературный герой» рассмотрено в качестве сюжетообразующего элемента в границах драматического / повествовательного произведения. Уточняются термин «литературный герой» и специфика драмы как отдельного литературного рода. Анализ пьесы «Изображая жертву» позволяет увидеть, какое значение имеет образ «литературного героя» в структуре произведения драмы. Выделены составляющие образа героя, функционирующие в сюжетообразовании.

Ключевые слова: литературный герой, Новая драма, Бр. Пресняковы.

Abstract: The article examines the conceptual notion of "literary character" as a plot-forming element within the boundaries of a dramatic work. Besides, it refines the term "literary character" and the specificity of drama as a separate literary kind. Analysis of the play "Playing the victim" allows us to see what is the meaning of the image of the "literary character" in the structure of the drama work. The article highlights the protagonist's image components, which function in the plot.

Keywords: literary character, New drama, The Presnyakov Brothers.

В теории литературы понятие «литературный герой» передаётся рядом синонимичных терминов: персонаж, образ, характер, личность, портрет, протагонист, субъект и др. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» литературный герой – это в первую очередь «действующее лицо» [Литературная..., 2001: 176]. Данное определение представляется наиболее точным, так как оно указывает на основную функцию героя в структуре литературного произведения. Суть и последствие «действия» – изменение. А изменение / событийность есть главный критерий отнесения литературного текста к разряду повествовательных [Шмид, 2003:

· Научный руководитель - канд. филол. наук В.К. Васильев.

11]. Изменение подразумевает переход какой-либо границы (пространственной, временной, психологической, этической, познавательной), то есть конец одного события и начало другого. Переход границ, составляющий основу событий, осуществляется, прежде всего, действующим лицом / героем. Таким образом, герой является основным двигателем сюжета.

Следующее значимое определение литературного героя: «носитель точки зрения – на действительность, на себя, на других персонажей» [Литературная..., 2001: 177]. Каким образом проявляется точка зрения героя в произведении – это вопрос, на который сложно ответить вне практики анализа произведения. Важно замечание и о том, что термин «герой» охватывает далеко не всех персонажей произведения. Он относится только к главным лицам, которые занимают осевое положение в системе происходящих событий, верховенствуют в иерархии образов, выделяются полнотой и индивидуальной обособленностью характера. Следует добавить, что особенность положения героя к остальным персонажам и представленному в произведении миру заключается в противопоставленности.

Пьеса Пресняковых традиционно входит в число репрезентативных произведений «новой драмы», которые характеризуются такими свойствами изображения художественного мира как маргинализация, гипернатурализм и частотой использования приема «театр в театре».

Главный герой исследуемой пьесы Валентин – молодой человек поколения 2000-х. Он первым появляется в тексте, остается в нем до конца, все события, разворачивающиеся в пьесе, напрямую связаны с его действиями. Пьеса начинается с появления призрака отца главного героя. Явления мертвеца ночью говорит о стирании обычного ритма жизни, ведь аллегорически ночь понимается как хаос, безвременное пространство. В этом пространстве происходит встреча прошлого и настоящего – убитого отца и самого героя. Мертвец – не только знак прошлого, но и провидец: он

обитатель потустороннего мира, смотрящий с позиции знатока на мир действительный – посюсторонний. Он говорит, что пришёл оттуда, где смысла нет. О мире реальном Призрак рассуждает как о заколдованном круге «глупой жизни». «Глупая жизнь» – это повседневная жестокость между людьми. М.Н. Липовецкий определяет ее как язык насилия [Липовецкий, Боймерс, 2012: 298].

Жизнь предстает в пьесе как бесконечный карнавал насилия. Этот карнавал, спектакль убийств стирает границу между жизнью – нежизнью, делая существование героев механистичным. По сюжету Валя изображает потерпевших в следственных экспериментах, по сути – актерствует. Необычная профессия позволяет герою быть на границе понятий жизни и смерти, герой делается остранным по отношению к окружающему миру. Прием остранения, как известно, нарушает привычный автоматизм действия, позволяет приподняться над действительностью и видеть ее новый смысл [Шкловский, 1983: 12]. Смысл в бессмыслице и открывается Вале сначала через отца-призрака, затем через будничные, рабочий карнавал.

Необычная работа позволяет вскрыть круг проблем, в котором замкнут современный, превратившийся в абсолютного эгоиста, человек. Этот круг непонимания, нелюбви и в конечном итоге «терроризма» замыкает в себя и человека, и семью, и общество в целом. Первый следственный эксперимент, представленный в пьесе, – дело Сысоева, в котором в результате бытовой ссоры погибает супруга подозреваемого. Дело означено номером 31294. Номер указывает на масштабность «терроризма», на бесконечное число жертв и палачей театра насилия.

Чтобы прекратить бесконечную историю ненависти, Валя из актера и жертвы превращается в режиссера-судью, он ставит убийство своей семьи. М.Н. Липовецкий утверждает, что это убийство не является преступлением. Сама жизнь, то есть непрекращающийся спектакль насилия, есть преступление. И чтобы выйти из этого спектакля, из этого заколдованного круга нелюбви и насилия, Валя идет тем же путем – отравляет свою семью. В

символическом смысле Валя совершает жертвоприношение, за которым логично должно последовать воскресение. Такое вторжение мистериально-мифических мотивов в текст произведения Новой драмы (остро социальной и исторически контекстуальной по своей форме) необходимо как попытка экстатического выхода. Поскольку сюжет пьесы построен по кумулятивному принципу, развязкой конфликта становится беспрецедентное, в контексте данной истории, событие. Хроникальные сюжеты преступлений в пьесе противопоставляются главному действию героя – убийству собственной семьи. Закономерен вопрос, в чем состоит противопоставленность, ведь все представленные убийства в следственных экспериментах были итогом семейного недопонимания, насилия, «терроризма»? Отличие убийства, совершённого главным героем, заключается в отсутствии банальной прагматичной мотивировки. Главным толчком к преступлению у героя является желание выйти из круговращения представленной жизни. Герой говорит после совершения убийства: «А что дальше... В принципе, я точно не знал, отравятся, они или нет... а раз так всё получилось, я просто наблюдал, запоминал, чтобы потом изобразить <...> всё это очень, очень напоминает какой-то один долгий следственный эксперимент... настоящее преступление – заводить, рожать человека, кидать его во всю эту жизнь, объяснять, что скоро ничего не будет... и никто не кому не сможет помочь... Теперь у меня определённо нет никаких привязанностей, теперь я точно понял, что меня – нет, значит и конца не будет,.. раз меня нет?» Убийство семьи становится искупительной жертвой для героя: убивая семью, герой освобождает и спасает себя.

Герой пьесы принимает решение нарушить устоявшийся порядок окружающего мира, выйти за его пределы. Но воскресение Вали происходит только в ипостаси социального маргинала – убийцы, врага, чужака.

С одной стороны, насилие в пьесе десакрализуется, тем самым и возникает модель глупой бессмысленной жизни. Но, с другой стороны, действиями главного героя происходит попытка сакрализации через насилие:

«Они (бр. Пресняковы) одновременно десакрализуют насилие, демонстрируя его рутинно-бессмысленную и халтурно-медийную природу <...>, и пытаются – усилиями своего героя – вернуть сакральное значение хотя бы насилию» [Липовецкий, Боймерс, 2012: 321].

Вопрос о правомерности такого поступка адекватен вне пьесы, но некорректен в пространстве самого произведения, логика текста ведет к тому, чтобы отталкиваясь от поступка, искать причины этого поступка. В соответствие со своей актерской природой Валя подвергает окружающий мир – в частности свою семью процессу карнавализации, суть которого – обновление через умерщвление [Бахтин, 1990: 4]. Но происходит ли это обновление, воскресение – уже открытый вопрос. Призрак говорит: «Вот ты боишься... Не того ты боишься, потому что... страшнее всего, страшнее всего, если это все не кончится никогда!».

Так, главный герой в пьесе бр. Пресняковых является и жертвой, и палачом, и своим, и чужим: трикстером, актером, инициатором собственного экспериментального спектакля. Главный герой значим не только как сюжетообразующий элемент текста, двигатель действия, но и носителем своей, отличимой от остальных персонажей, точки зрения. Будучи трикстером, чужаком по своей природе, герой смотрит на окружающий мир иным взглядом.

Формально наличие главного героя в произведении решает проблему стройного осевого построения текста. Герой служит опорной базой в сюжетообразовании. Идеино наличие героя как центра запускает процесс идентификации с читателем / зрителем. В более общем смысле вопрос о существовании главного героя как центра произведения решает задачу человека о нахождении своего «я» в мире. Фундаментальные вопросы о смысле человеческого пребывания в мире чаще всего адресованы именно к человеку – к каждому в отдельности, а не к человечеству в целом. Произведения с героем во главе в этом смысле включают процесс

идентификации персонажа с реципиентом и помогают искать ответы на эти вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с..
- 2.Братья Пресняковы. Thebest: пьесы. М.: Эксмо. 2008. 352 с.
- 3.Гинзбург Л. О литературном герое. Л., 1979. 223 с.
- 4.Липовецкий М., Боймерс Б. Перформансы насилия: «Новая драма» и границы литературоведения. Новое литературное обозрение, 2012. 309 с.
- 5.Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А.Н. Николюкин. М.: Интелвак. 2001. С. 176.
- 6.Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Художественная литература, 1983. 267 с.
- 7.Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

БАЛЛАДНАЯ ПОЭТИКА ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ**М.Ю. ЛЕРМОНТОВА**

Аннотация: В статье прозаические произведения М.Ю. Лермонтова рассматриваются в перспективе балладной поэтики. В фокусе внимания находятся характерные для стихотворной баллады первой половины XIX в. мотивы встречи с потусторонним началом, наличие чудесного, сложное осмысление законного и незаконного – всё то, что формирует неповторимый художественный колорит баллады.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, баллада, балладность, мотив.

Abstract:–The article considers the prose works of M. Lermontov in the perspective of ballad poetics. The motives of meeting with something otherworldly, presence of wonderful source, complex comprehension of the legal and illegal are the characteristics for the poetic ballad of the first half of the XIX century. They form the unique artistic color of the ballad. These motives are in the focus of this research attention.

Keywords: M. Yu. Lermontov, ballad, balladism, motive.

Будучи, по мысли Дины Магомедовой, «гибридным литературным стихотворным жанром, совмещающим признаки лирики, эпики и драмы», европейская и русская романтическая баллада XVIII–XIX вв. восходила к фольклору в виде «хороводных песен во Франции и Италии, а в Англии, Шотландии, Германии и славянских странах – к эпическому песенному жанру» [Магомедова, 2011: 125].

Исследователи балладного жанра сходятся во мнении о том, что отличительной чертой различных вариантов сюжетных схем романтической баллады является взаимодействие двух миров: реального, земного, и потустороннего, неземного. При этом второй из них всегда вторгается в первый и нарушает существующую там гармонию и целостность, ведет к катастрофе [Магомедова, 2011: 126; Тюпа, 2013: 133–134]. М. Ю. Лермонтов, обращаясь к балладному творчеству В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Дж. Байрона, Г. А. Бюргера, И. В. Гёте, Ф. Шиллера не мог не воспринять эту

· Научный руководитель – д-р филол. наук К.В. Анисимов.

жанровую модель: он встраивает её не только в лирические, но и в прозаические тексты, как мы увидим далее.

Имея в виду балладный триптих В. А. Жуковского, восходящий к «Леноре» Бюргера («Ленора», «Людмила», «Светлана») и оказавший влияние на М. Ю. Лермонтова, мы можем обосновать появление в произведениях последнего устойчивых признаков – мотивов балладного жанра: «мертвый» (фальшивый) жених, пришедший из потустороннего мира за невестой, принадлежащей миру посюстороннему, вносит хаос своим нелегитимным вмешательством в существующую гармонию: «мёртвый жених» увозит невесту в ночное время через смертельное пространство, желая обручиться с ней, таким образом приводя сюжет к катастрофическому итогу – гибели или нарушению душевного покоя возлюбленной. Через призму балладности, о которой говорит А. Мерилай как об «обусловленном сущностной структурой баллады генерирующем единстве <...> литературы, являющейся лирической, эпической или драматической» [Мерилай, 1990: 16], мы далее рассмотрим, как воплощаются указанные выше мотивы в прозаических произведениях М. Ю. Лермонтова.

«Вадим» (1832-1834)

Уже имея опыт в написании стихотворных баллад, М. Ю. Лермонтов создает роман «Вадим», в котором обнаруживаются характерные для этого лиро-эпического жанра сюжетные элементы, обозначенные нами ранее. Стоит подчеркнуть, что одним из признаков композиционной структуры баллады является наличие рефренов в диалогической речи (часто троекратных), вопросно-ответная форма которой служит основой для усиления страха от ужасного.

Своеобразие архитектоники романа заключается в утروении сюжетных схем, которые являются трансформированными рефренами, развертываемыми в прозе и воспроизводимыми в линиях: Вадим – Ольга, Борис Петрович (Палицын) – Ольга, Юрий – Ольга. Нам представляется целесообразным описать особенности каждой из них с точки зрения

экспликации балладных мотивов. Приведем наиболее показательные иллюстрации.

Говоря о линии Вадима и Ольги, стоит обратить внимание на то, что герои находятся в близкородственных отношениях, и это обстоятельство обостряет мотив нелегитимности, так как Вадим претендует не только на братскую любовь, тем самым закрепляя свой сюжетный статус в качестве «фальшивого», «мёртвого» жениха: *«Если мне скажут, что нельзя любить сестру так пылко, вот мой ответ: любовь — везде любовь, то есть самозабвение, сумасшествие, назовите как вам угодно [...] это чувство наконец делается так велико, что сердце человека уместить в себе его не может и должно погибнуть, разорваться, или одним ударом сокрушить кумир свой (курсив наш. – О. Л.)»* [Лермонтов, 2000: 29].

Нелегитимное вмешательство «мёртвого» жизни в жизнь девушки связано также со стремлением к власти над её волей: *«Я твой брат, Ольга, брат! Господин, повелитель, царь твой. Нас только двое на свете из всего семейства; мой путь должен быть твоим; напрасно ты мечтала разорвать слабой рукой то, что связала природа; где бушует моя ненависть, там не цветет любви твоей... (курсив наш. – О. Л.)»* [Там же: 97].

Подобное влияние на психологическое состояние возлюбленной не может не нарушить её душевное равновесие, более того, сама встреча с «мёртвым» женихом пророчит героине катастрофический исход: *«О! я преступник... вижу, и тобой завладел этот злой дух, и в тебе поселилась эта болезнь, которая портит жизнь и поддерживает ее. Ты, земной ангел, без меня не потеряла бы свою беспечность... теперь всё кончено... от моего прикосновения увяли твои надежды... махни рукой твоему спокойствию... (курсив наш. – О. Л.)»* [Там же: 33].

В произведении неоднократно появляются детали портрета Вадима, который предстает «живым трупом», а именно «мёртвым» женихом в рассматриваемом нами балладном жанре: *«всё кругом покрывала темнота, но этого было ей довольно, чтобы тотчас узнать брата... на синих его губах*

сосредоточилась вся жизнь Вадима, и как нарочно они одни были освещены... Он приблизился: от него веяло холодом [Там же: 38–39]; ...он был весь погребен сам в себе, в могиле, откуда также никто не выходит... в живой могиле, где также есть червь, грызущий вечно и вечно ненасытный (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 17].

По мере развития сюжета inferнальные силы «мёртвого» жениха увеличиваются: *«Вадим дико захохотал и, стараясь умолкнуть, укусил нижнюю губу свою, так крепко, что кровь потекла; он похож был в это мгновение на вампира, глядящего на издыхающую жертву(курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 30].*

Перейдем к рассмотрению линии: Борис Петрович (Палицын) – Ольга.

Стремление Палицына к власти усугубляется его попытками вступить с Ольгой, его воспитанницей, в отношения вне брака: *«Он воспитал ее как рабу и хвалился своею благотворительностью; десять лет тому назад он играл ее кудрями, забавлялся ее ребячествами и теперь в мыслях готовил её для постыдных удовольствий (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 18].*

Приход Бориса Петровича вызывает в Ольге балладный страх: гость приобретает черты мертвенности, и само пространство, в котором находится героиня, становится мортальным: комната словно сужается, превращается в метафорическую могилу с крестом: *«Она слышала, как стучало ее испуганное сердце и чувствовала странную боль в шее; [...] Сколько прелестей было измято его могильными руками! [...] встал месяц; скользя вдоль стены, его луч пробрался в тесную комнату, и крестообразные рамы окна отделились на бледном полу... (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 27].*

Борис Петрович входит в мортальное пространство и чувствует себя уже отчасти «живым мертвецом»: *«Смерть! смерть со всех сторон являлась мутным его очам [...] она была снаружи, внутри его, везде, везде... она дробилась вдруг на тысячу разных видов, она насмешливо прыгала по*

влажным его членам, подымала его седые волосы, стучала его зубами друг об друга... (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 82].

В оппозиции к линиям Вадим – Ольга, Борис Петрович – Ольга в романе присутствуют отношения героини и Юрия. М. Ю. Лермонтов акцентирует символический переход «реального» жениха в потусторонний, чуждый ему мир. Так Юрий начинает ощущать смерть не только вокруг себя, но и внутри: «...он на коленях вполз в одно из отверстий, [...] *сырой воздух могилы проник в его члены*, отдаленный ропот начал поражать его слух, постепенно увеличиваясь; порою дым валил ему навстречу, и вскоре перед собою, хотя в отдалении, он различил слабый свет огня, который то вспыхивал, то замирал. *Сердце его забилось ожиданием; он начал подвигаться тише, стараясь произвести как можно менее шуму и готовясь к отчаянному сопротивлению в случае неожиданного нападения хозяев этого мрачного жилища; даже если бы то были существа бесплотные, духи зла и обмана!..* (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 103]. «Земной» жених из любви к невесте готов пересечь смертное пространство даже ценою жизни:

«1 голос. Прощай, мой друг... навсегда...

2 голос. Мне тебя покинуть? *Нет, если б на этом пороге было написано судьбою: смерть, — то я перескочил бы... обнял тебя... и умер...* (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 74].

Однако рассмотренными линиями взаимоотношений героев балладность романа не исчерпывается: существует внешний план, исторический, на фоне которого происходят события, описанные Лермонтовым: Крестьянская война 1773–1775 годов, выбранная автором в качестве канвы произведения, усиливает балладный конфликт, в котором стихийными, чужеродными силами фальшивого монарха (жениха) и его братьев по оружию нарушается легитимность, гармония привычного, «земного» мира.

«Герой нашего времени» (1840)

Как уже отмечалось нами ранее, рефрены, появляющиеся в прозаическом тексте, служат композиционными утروениями, акцентуациями балладного сюжета. В «Герое нашего времени» отчетливо выделяются линии: Печорин – Бэла, Печорин – княжна Мери, Печорин – Вера. Каждая из них содержит мотивы, обозначенные нами в начале статьи.

Печорин в «Герое нашего времени» в структурном отношении варьирует набор черт «мёртвого», «фальшивого» жениха: основные его функции воплощены в соответствии с жанровым архетипом баллады. Он обладает необъяснимой, мистической, даже демонической силой над возлюбленной: «Однако мне всегда было странно: я никогда не делался рабом любимой женщины; напротив *я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть*, вовсе об этом не стараясь... (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 294].

Нелегитимное вмешательство «мёртвого жениха», Печорина, в частную жизнь девушки (которая либо обещана другому, либо уже состоит в браке) нарушает её спокойствие и привычный уклад жизни: «Послушай, Григорий Александрович, признайся, что нехорошо. – Что *нехорошо?* – *Да то, что ты увез Бэлу...* (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 230]; «Стало быть, уж ты меня не любишь?.. – Я замужем! — сказала она. – Опять? Однако несколько лет тому назад эта причина также существовала, но между тем... Она выдернула свою руку из моей, и щёки ее запылали» [Там же: 293].

Встреча с «мёртвым женихом» оказывается травмирующей для душевного состояния девушки, либо вовсе фатальной для неё: «– *Умерла; только долго мучилась*, и мы уж с нею измучились порядком. [...] *Ночью она начала бредить; голова ее горела, по всему телу иногда пробежала дрожь лихорадки; она говорила несвязные речи об отце, брате: ей хотелось в горы, домой...* (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 247–248]; «О, я прошу тебя: *не мучь меня по-прежнему пустыми сомнениями и притворной холодностью: я, может быть, скоро умру, я чувствую, что слабею со дня на день...* и,

несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебе (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 306]; «Прощай, прощай... Я погибла... (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 350]; «Печаль тайная её [княжну Мери] убивает (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 306–307].

«Штосс» (1841)

В неоконченной М. Ю. Лермонтовым повести с заглавием «Штосс» прослеживаются те же тенденции, характерные для предшествующих произведений автора. Балладные мотивы обнаруживаются в соответствии с сюжетной схемой о «мёртвом» женихе / «мёртвой» невесте. Приведем примеры.

Уже в самом начале повествования появляется реминисценция из баллады Гёте «Лесной царь», которая имплицитно настраивает читателя на мистический сюжет: «Разговор их на время прекратился, и они оба, казалось, заслушались музыки. *Заезжая певица пела балладу Шуберта на слова Гете «Лесной царь».* Когда она кончила, Лугин встал (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 373]. Здесь наличие баллады оказывается не просто художественной деталью, но внешним указателем на особенности внутренней структуры произведения: реальное и потустороннее пространство начинают совмещаться.

Главный герой, Лугин, является «реальным», «земным» женихом, вступающим в контакт с чужеродными силами иного мира (стариком Штоссом, его дочерью). Рассмотрим, как связанные с этой сюжетной схемой мотивы обнаруживаются в тексте произведения.

Мортальное пространство притягивает Лугина: «Сырое ноябрьское утро лежало над Петербургом. *Мокрый снег падал хлопьями, дома казались грязны и темны, лица прохожих были зелены;* извозчики на биржах дремали под рыжими полостями своих саней; мокрая длинная шерсть их бедных кляч завивалась барашком; *туман* придавал отдаленным предметам какой-то *серо-лиловый цвет*. По тротуарам лишь изредка хлопали калоши чиновника, да иногда раздавался шум и хохот в подземной полпивной лавочке, когда

оттуда выталкивали пьяного молодца в зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражке. Разумеется, эти картины встретили бы вы только в глухих частях города, как, например... у *Кокушкина моста* (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 375]. Отталкивающее описание домов, их обитателей, погодных условий создается для акцентирования на чужеродности местности, в которой находится главный герой. Особенно отметим важную художественную деталь – мост, через который проходит Лугин: таким же образом персонаж фольклора пересекает границу одного реального царства и попадает в другое потустороннее [Пропп, 1998: 39–40]. Силы иного мира вторгаются в сознание героя, он становится способным посредством мысли «слышать» зов того пространства: «Вот уже несколько дней, как я слышу голос. Кто-то мне твердит на ухо с утра до вечера – и как вы думаете – что? – адрес: вот и теперь слышу: «В Столярном переулке, у Кокушкина моста, дом титюлярного советника Штосса, квартира номер двадцать семь» (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 374].

Призрак старика Штосса является Лугину ночью: встреча с демоническим хозяином квартиры происходит в комнате, которая метафорически соотносится с могилой: «В эту минуту обе половинки двери тихо, беззвучно стали отворяться; холодное дыхание повеяло в комнату; дверь отворялась сама; в той комнате было темно, как в погребке (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 382]. Лугин после этого находится в полусознательном состоянии из-за воздействия inferнальных сил, которые лишают покоя его привычной жизни: «Непостижимая лень овладела всеми чувствами его; [...] его бросало в жар и в холод; голова болела; звенело в ушах. Когда смерклось, он не велел подавать свеч и сел у окна, которое выходило на двор; [...] небывалое беспокойство им овладело; ему хотелось плакать, хотелось смеяться... он бросился на постель и заплакал [...] (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 381].

После встречи с призраком дочери Штосса Лугин приобретает черты живого мертвеца: «Он похудел и пожелтел ужасно. Целые дни просиживал

дома, запершись в кабинете; часто не обедал (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 386]. Такое одновременное сочетание витальных и смертных черт героя приводит к размышлениям об изначальном диалогичном устройстве его образа: эта двойственность проявляется в оппозиции: «мёртвый» – «реальный» жених.

Двойственность образа Лугина можно схематически «разложить» на две соответствующие линии. В первой он представляет «реального», живого героя, стремящегося соединить судьбу с «мёртвой» невестой, которая являет собой весь иной мир. Здесь эта встреча мыслится как пороговая ситуация, ведущая главного героя к катастрофе, смерти: в первом черновом наброске плана повести М. Ю. Лермонтов в качестве финала произведения фиксирует: «Доктор: окошко»; во втором: «– Банк – Скоропостижная» [Там же: 580]. Однако существует вторая возможная линия, вырастающая из заданной двойственности: Лугин – это «мёртвый» жених, по С.Н. Бройтману [Бройтман, 1997: 138] – то лирическое демоническое «я», стремящееся вступить в союз с «другим», божественным началом (дочерью Штосса), обретая утраченную целостность: *«То было чудное и божественное виденье [...]». Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно-неземного, никогда смерть не уносила из мира ничего столь полного пламенной жизни: то не было существо земное – то были краски и свет вместо форм и тела, теплое дыхание вместо крови, мысль вместо чувства; то не был также пустой и ложный призрак... потому что в неясных чертах дышала страсть бурная и жадная, желание, грусть, любовь, страх, надежда [...]* (курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 385].

Демонизм уже проявлялся в его натуре: «[...] ему представилось все его прошедшее, он вспомнил, как часто бывал обманут, как *часто делал зло именно тем, которых любил, какая дикая радость иногда разливалась по его сердцу, когда видел слезы, вызванные им из глаз, ныне закрытых навеки*, и он с ужасом заметил и признался, что он недостойн был любви безотчетной и истинной, и ему стало так больно! так тяжело! (курсив наш. – О. Л.)» [Там

же: 381]. Приведенные цитаты, характеризующие Лугина как «мёртвого» жениха, позволяют вернуться к высказанному нами ранее тезису о взаимовлиянии реального и потустороннего пространств уже в связи с мотивными сцеплениями с балладой «Лесной царь» И. В. Гёте в переводе В.А.Жуковского. Принимая во внимание значимость этой реминисценции, мы можем говорить о том, что в «Штоссе» присутствуют два балладных сюжета: основной – о «мёртвой» невесте и имплицитный – о демонологическом персонаже, старающемся разорвать кровные узы между отцом и его ребёнком. Сравним два фрагмента:

«В эту минуту Лугин не мог объяснить того, что с ним сделалось, *но с этой минуты он решился играть, пока не выиграет: эта цель сделалась целью его жизни*, – он был этому очень рад(курсив наш. – О. Л.)» [Там же: 385].

«– “Дитя, я пленился твоей красотой:

Неволей иль волей, а будешь ты мой””.

– “Родимый, лесной царь нас хочет догнать;

Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать” (курсив наш. – О. Л.)» [Жуковский, 1959–1960: 140].

Лугин стремится выиграть в карты, потому что на кон поставлена дочь Штосса, к которой он испытывает сильные романтические чувства. Лесной царь также намерен любой ценой заполучить желаемое, разлучить дитя с его отцом. Так возникает отмеченное нами мотивное межсюжетное сцепление.

Завершая анализ, можно сделать следующие **выводы**:

1. Поэтические межжанровые эксперименты М. Ю. Лермонтова нашли отражение и в его прозаических произведениях: балладные мотивы постепенно усложняются благодаря многократному повторению их в различных линиях взаимодействия героев повествования.

2. Внешние признаки балладного жанра (встреча с потусторонним началом, наличие чудесного, оппозиция законного и незаконного)

воспроизводятся в прозе М.Ю. Лермонтова наряду с внутренними – имплицитными сцеплениями сюжетных схем (сюжет «Леноры» сближается с сюжетом «Лесного царя»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бройтман С.Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики. (Субъектно-образная структура). М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 1997. 307 с.
2. Лермонтов М.Ю. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. М.: «Воскресенье», 2002. 592 с.
3. Мерилай А. Вопросы теории баллады. Балладность. // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 879. Тарту, 1990. С. 4–21.
4. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки // Собрание трудов В.Я. Проппа. Вып. 2 / ред. Г. Н. Шелогурова; сост. И. В. Пешков; коммент. Е. М. Мелетинского и др.; М.: Лабиринт, 1998. 512 с.
5. Тamarченко Н.Д. Теория литературных жанров: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / М.Н. Дарвин, Д.М. Магомедова, Н.Д. Тamarченко, В.И. Тюпа. М.: Издательский центр «Академия», 2011. 256 с.
6. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПЬЕСАХ М.А. БУЛГАКОВА

Аннотация: В статье анализируются мифологические образы в пьесах М. А. Булгакова «Блаженство» и «Иван Васильевич» с точки зрения сюжета, конфликта, системы персонажей. Выявляются элементы фантастики в драматургии автора, а также их влияние на жанровую специфику рассматриваемых произведений.

Ключевые слова: фантастика, пьеса, мотив, образ, место, время, орудие.

Abstract: The article analyzes mythological images in Bulgakov's plays: "Adam and eve", "Bliss", "Ivan Vasilyevich" from the viewpoint of the plot the conflict, the system of characters. The article identifies elements of fantasy in the drama of the author, and also determines their impact on the genre in question works.

Keywords: fantasy, play, motif, image, place, time, instrument.

Во многом условным понятием, объединяющим в себе наличие совокупности литературного материала, воплощённого в виде пьес с фантастическим, сказочным или аллегорическим содержанием, является фантастическая драматургия.

Для М. Булгакова фантастика – один из способов познания действительности, её законов, истинного масштаба событий.

Пьесы «Блаженство» и «Иван Васильевич» являются фантастическими по существу. В них М. А. Булгаков использует фантастические приёмы, которые в его пьесах являются фантастическими образами, за счёт которых автор достигает выразительности изображения проблем современного ему общества.

Пьеса «Блаженство» была задумана в 1929 году. Текст пьесы, относящийся к этому времени, не сохранился. Возвратился же Булгаков к «Блаженству» только в 1933 году. Он замышлял комедию в 3-х актах, искал для нее название, заостряя своё внимание на вариантах: «Елисейские поля», «Елизиум», «Золотой век», но Булгаков задумывает антиутопию и

· Научный руководитель – д-р филол. наук Б.Я. Шарифуллин.

ассоциирует образы будущего, каким оно представляется его современникам, с мифом о сказочных блаженных островах, где царствует вечная весна.

Особое место в драматургии Булгакова занимает устойчивый интерес к «фантастическому», где фантастика представляется не как метод, а является художественным миром в целом.

Пьеса «Блаженство» М. Булгакова наполнена фантастическими образами: это и место действия – город Блаженство (Москва, которая терпит крах), и время действия – далёкое будущее XXIII век, и орудие (машина времени, которая переносит героев в Блаженство).

Образ машины времени, который далее станет действующим, также встречается и в пьесе «Иван Васильевич», созданной Булгаковым на основе некоторых мотивов пьесы «Блаженство», где машина времени путешествовала не в прошлое, а в будущее, и Иван Грозный появился лишь в одном эпизоде. Царь стал главным действующим лицом и дал имя пьесе. Герой был перенесен в Москву 30-х годов.

Стоит отметить, что на пьесы Булгакова большое влияние оказала фантастика Герберта Уэллса, в особенности роман «Машина времени». Данная книга положила начало эксплуатации темы путешествий во времени.

Герой пьесы Рейн в машине времени видит средство к спасению, к уходу из своей эпохи. Будущее, куда попадает Рейн и его спутники, – результат настоящего, от которого Рейн бежит: «Вы насчёт своей машины заявите в милицию. Её зарегистрировать надо, а то в четырнадцатой квартире уже говорили, что вы такой аппарат строите, чтоб на нём из-под советской власти улететь. А это, знаете, и вы погибнете, и я с вами за компанию» [Булгаков, 1990: 385]. Булгаков ставит вопрос о желании Рейна улететь, увидеть другое время.

Образы будущего в первой редакции предстают гротескно оформленными, так обнажается «игрушечность» благополучия будущего общества. Здесь настолько привыкли к уютной несвободе, что не замечают ее: «Та часть Москвы Великой, которая носит название Блаженство»

[Булгаков, 1990: 390], Бунша: «Всё это довольно странно. Социализм совсем не для того, чтобы веселиться. А они бал устроили... Но самое главное фраки. Ох, прописали бы им ижицу за эти фраки!» [Булгаков, 1990: 394], Аврора: «Ты знаешь, я одержима мыслью, что мы с тобой улетим... Очевидно, я выродок: с того момента, как ты оказался здесь, мне опротивели эти колонны и тишина Блаженства, я хочу опасностей, полетов!» [Булгаков, 1990: 403].

Присвоение государством аппарата, изобретённого человеком другой эпохи, как и личной свободы самого этого человека – дело для добродушного изобретателя. Радаманов: «На вашем месте я бы ответил так. Я благодарю государство и прошу принять мое изобретение в дар» [Булгаков, 1990: 410], Рейн: «Как? Вы хотите, чтобы я отдал свою машину?» [Булгаков, 1990: 410], Радаманов: «Прошу вас помыслить. Могло бы быть иначе?.. Она принадлежала бы вам, Рейн, если б вы были единственным человеком на земле. Но сейчас она принадлежит всем!» [Булгаков, 1990: 410]. Булгаков искал комическое противоречие в лидере Блаженства и обводил ироническим контуром облик благоденствующего будущего.

Во второй редакции пьесы теперь и Аврора, и Рейн одиноки перед лицом Блаженства. И Рейн уже не теряет надежды объяснить государственную важность аппарата времени своим соотечественникам. Ирония судьбы искателя свободы состоит в том, что, избежав плена в Блаженстве, он обречён на такое же положение в своей эпохе. Круг замкнулся: «Милиция уводит Рейна, Аврору и Буншу» [Булгаков, 1990: 422].

В третьей редакции пьесы Булгаков отказывается от политической заострённости сюжета, многие мотивы ушли в подтекст. Рейн теперь гениальный чудак, одиночка-изобретатель.

Итак, по ходу действия пьесы инженер Рейн и жулик Милославский попадают в XXIII век. Герои пытаются жить в стране будущего – в Блаженстве. Однако будущее оказывается настолько стерильным, что полноценное существование личности ощущается персонажами как

ущербное. Булгаков отрицает этот мир, в котором вытравили все индивидуальное в человеке. Герои не могут жить стерильно и гармонично, им это наскучивает. В итоге они бегут в свой мир, и с ними бежит Аврора, что доказывает несостоятельность утопически изображенного Булгаковым мира Блаженства. Но большая часть действия пьесы происходит во сне. Молодому изобретателю, поглощённому идеей стать властелином времени, снится XXIII век, коммунизм и та часть «Москвы Великой», которая называется Блаженством: «... на чудовищной высоте над землей громадная терраса с колоннадой Мрамор» [Булгаков, 1990: 390].

В этом мире есть все: материальное довольство, демократия, «Институт гармонии», занятый «идеальным подбором людей» для контактов на разном уровне, но Булгаков низвергает идеал Блаженства. Автор развенчивает существование утопического мира.

Таким образом, Булгаков создает фантастическую пьесу. Она фантастична от начала и до конца. Завязка начинается с работы машины времени Рейна, о которой Радаманов скажет: «Стало быть, она бьет по бесконечности. И, быть может, еще при нашей с вами жизни мы увидим замерзающую землю и потухающее над ней солнце!» [Булгаков, 1990: 412].

Дальше действия разворачиваются уже в «Блаженстве». Рейна воспринимают как гениального человека, Милославский же не находит в мире гармонии для себя дела, он хочет вернуться обратно, несмотря на то, что и он не обделен вниманием. Все с радостью слушают его стихи и аплодируют ему. Бунша же не привык к тому, что в Блаженстве они обходятся без бумаг, донесений, протоколов и прочего рода документов. Все свои действия, поступки, да и саму жизнь пытается поставить в рамки, которые определило ему его государство. Он не представляет себе жизни без них. И все, что никак не отражено и не подкрепляется документами является «расхлябанным». Бунша: «Товарищ Радаманов, я вам хотел свои документы сдать» [Булгаков, 1990: 398]. Радаманов: «Какие документы?» [Булгаков, 1990: 398], Бунша: «Для прописки, а то ведь мы на балу веселимся

непрописанные. Считаю долгом предупредить» [Булгаков, 1990: 398]. Радаманов: «Простите, дорогой, не понимаю... Разрешите, потом... (Уходит)» [Булгаков, 1990: 398]. Бунша: «Совершенно расхлябанный аппарат. Ни у кого толку не добьешься» [Булгаков, 1990: 398].

Мотив перемещения во времени позволяет создать автору утопию, жизнь в Блаженстве, оригинально, соединив ее с моментами антиутопии несостоятельность Блаженства. В итоге, будущее предстаёт перед нами, как часть Москвы великой, в которой также есть проблемы в системе управления. «Блаженство» – результат настоящего времени, то к чему может привести существующая идеологическая идея.

Пьеса «Иван Васильевич» была создана М. Булгаковым в 1934–1936 годах на основе некоторых мотивов его пьесы «Блаженство», где машина времени путешествовала не в прошлое, а в будущее.

Пьеса «Иван Васильевич» М. Булгакова наполнена фантастическими образами: это и место действия – Москва 30-х годов; 2-я эпоха Ивана Грозного, и время действия – прошлое и настоящее, 16 век и век 20, и орудие – машина времени Тимофеева, и сатира на людей, которые стремятся к управлению, но думают только лишь о своих собственных ценностях и целях.

Изображенный в пьесе опричный террор, не только страшный, но и чудовищно-абсурдный, мог вызвать весьма неприятные ассоциации: стоило Милославскому, попавшему в XVI век, назвать свое имя, как ему сразу сообщили), что «...его повесили на собственных воротах третьего дня перед спальней» [Булгаков, 1990: 398].

Нарисовав образ эпохи, Булгаков не стремился преувеличивать значение его центральной фигуры. Царь - «вылитый управдом»; управдом, имеющий то же имя и отчество, и временно занимающий царский трон. Ему ничего не мешает с помощью Милославского исполнять роль царя. Бунша: «Я ни за какие деньги с иностранцем не стану разговаривать».

Милославский: «Ну, говори хоть революционные, а то ты ведь никаких слов не произносишь... Как рыба на троне» [Булгаков, 1990: 452].

Настоящий же царь временами милостив. Он прощает жену, ушедшую от мужа к режиссёру Якину, и жалуется режиссёру «вотчину в Костроме»: Якин. «Ничего не надо!.. Ничего!». Иоанн: «Так женись, хороняка! Князь отпускает ее». Якин: «Прошу вашей руки, Зина!». Зинаида: «Вы меня не обманете на этот раз...». Якин: «Клянусь кинофабрикой!». Иоанн: «Клянись преподобным Сергием Радонежским!..». Иоанн: «Не перебивай царя! Понеже вотчины у тебя нету, жалую тебя вотчиной в Костроме. (Зинаиде) А тебе приданое, на ... (дает золотые монеты)» [Булгаков, 1990: 443].

Но образ Грозного в коммуналке 30-х годов значительно мельчает и даже становится забавным, в то время как Бунша в XVI веке расцвел и развернулся.

Основным является столкновение между величественным царем XVI века и мелкими людишками века XX. А также мысль о том, что в силу перевернутой иерархии ценностей к власти могут прийти швондеры и шариковы. В пьесе Бунша и Милославский демонстрируют собой полный регресс и нравственное ничтожество. Бунша просто так отдает Шведам Кемскую волость, на что настоящий царь говорит: «Шведам Кемь? Да как же смели, щучьи вы дети?» [Булгаков, 1990: 461].

Пафос Ивана Васильевича заключается в противопоставлении государственной власти безответственным «людишкам», которые ни о чём, кроме собственного благополучия, думать просто не могут и потому способны нанести собственной стране невосполнимый урон.

В данной пьесе автор также использует мотив перемещения во времени. Только перемещение идет двустороннее. Оно усложняется за счет перемещения из прошлого в настоящее. Притом происходит смена героев, которые вносят изменения в эти художественно-фантастические миры:

Бунша отдаёт шведам Кемскую волость, Милославский крадет медальон и панагию.

Иоанн же благословляет на брак Зинаиду и Якина. В то же время Шпаку он кажется человеком «не от мира сего», а Ульяна Андреевна принимает его за мужа и ругает за выпитый алкоголь и бездействие по поводу кражи, совершённой Милославским.

Таким образом, Булгаков показывает несостоятельность царей, как управленцев, оказавшихся не в своем мире.

Особое место среди фантастических образов в данной пьесе занимает «фантастическое орудие» – машина времени, изобретённая Тимофеевым. По сравнению с «фотографическим аппаратом» Ефросимова и машиной времени Рейна, она выступает не только в качестве предмета, который выполняет свои функции, она начинает вливаться и неразрывно существовать с сюжетом произведения, с его героями.

Машина Тимофеева издаёт певучие звуки: Тимофеев (нажимает кнопку аппарата. Слышен приятный певучий звук). «Опять звук той же высоты...» [Булгаков, 1990: 424]. Она же может создавать освещение: «Аппарат теперь чаще даёт певучие звуки, и время от времени вокруг аппарата меняется освещение» [Булгаков, 1990: 428]. Машина обладает фантастическими свойствами: Бунша. «Вот вы какую машину сделали. Полквартиры исчезло» [Булгаков, 1990: 431]. И машина может переносить в другое время, к чему собственно и стремился Тимофеев при её создании: «Тимофеев жмёт кнопки у аппарата. Звон. Тьма. Внезапно возникает палата Иоанна Грозного» [Булгаков, 1990: 433].

С этого момента и начинаются приключения и перемещения героев. Начинается неразбериха; всё становится «с ног на голову», поскольку Бунша забирает себе ключ от аппарата, Тимофееву требуется время, чтобы сделать дубликат, а пока он его делает, Бунша и Иоанн Грозный, находящиеся не в своем времени, но выполняющие свои роли в них, выводят ситуацию из-под контроля.

Затем палата исчезает и всё возвращается на свои места. Бунша говорит, что был под влиянием «гносного» опыта инженера Тимофеева и что с радостью теперь отдается в руки родной милиции.

Тимофеев же сожалеет о потере аппарата. Для него нет в жизни ничего важнее. Он тратил всё свое время для того, чтобы это время покорить: Тимофеев. «Я делаю опыты над проникновением во время» [Булгаков, 1990: 430]. И может быть он дольше бы смог проводить опыты и наблюдать за течением времени, если бы не появился Милославский, если бы Бунша не забрал с собой ключ и если бы Иоанн не сломал аппарат.

В завершении пьесы, Иоанн, разгневанный на Буншу и Милославского разбивает аппарат Тимофеева: «Шведам Кемь? Да как же вы смели, щучьи вы дети? ... Иоанн в ярости разбивает аппарат. Тьма. Свет. Палаты нет» [Булгаков, 1990: 461].

Булгаков фантастической направленностью пьесы сатирически изображает настоящее, чтобы острее передать тёмные моменты советской действительности тридцатых годов. Он говорит нам о том, что управленцы 1930х годов – это «Бунши», которые могут только писать бумажки, да звонить в ведомства. Это люди, которые измельчали нравственно.

На сегодняшний день, большинство людей, произнося фразу: «Иван Васильевич» сразу добавляют к ней продолжение – «...меняет профессию». Это связано с названием всеми известного и любимого кинофильма Леонида Гайдая: «Иван Васильевич меняет профессию».

Главное же отличие между пьесой и фильмом заключается в том, что фильм представляет собой комедию. Задачей режиссера было вызвать смех у зрителей, путём чудесных перемещений и несвойственных обстоятельств действительности. Тогда как пьеса представляет собой сатиру на современную действительность тридцатых годов.

Создавая фантастическую драму о будущей войне, М. Булгаков воспользовался схемой пьес и романов-катастроф, получивших распространение после первой мировой войны под влиянием романов Уэллса

«Борьба миров», «Война в воздухе» и «Освобождённый мир». Схеме романа и пьесы-катастрофы Булгаков следует лишь внешне. Он разрушает этот алгоритм с помощью другого клише – пьес о классовой борьбе в СССР. Описывается столкновение внутри одного лагеря – и это провоцирует не победный финал.

Исследование фантастических пьес Булгакова позволяет расширить представление о творчестве драматурга конца двадцатых начала тридцатых годов.

Две фантастические пьесы начала тридцатых годов являются любопытным документом эпохи. Построенные по законам современной Булгакову драмы, они пародируют ее, разрушают обычную схему победы мирового пролетариата над мировой буржуазией, вводя привычных героев в несвойственные им роли, места действия и время существования.

Фантастика в драматургии встречается редко, но Булгаков умело вплетает «фантастическое» в свои пьесы. Благодаря фантастическим приёмам – образам, он развенчивает пороки людей, он предупреждает людей о возможной ситуации в будущем, а затем соединяет прошлое и настоящее, чтобы читатели могли осознать насколько и в какую сторону меняется мир, и как изменяются в нем люди.

Драматургия Булгакова богата и разнообразна в жанровом и содержательном отношении. Особое место в драматургическом наследии занимают его пьесы с фантастической образностью. В исследуемых пьесах мы выявили фантастические образы, которые подразделили на фантастическое место действия, время действия, орудие, при помощи которого герои попадают в «новый мир», либо перемещаются в прошлое или же существуют в «новом» настоящем. Доказали, что фантастическое существует неразрывно с утопическими и антиутопическими идеями. В целом же фантастика Булгакова соединила в себе, как научно – технические, так и социальные аспекты. С помощью фантастического Булгаков говорил о нежелательности тех тенденций общественного развития, которые

представлялись ему опасными; о том, что идеология как догмат может привести к нежелательным для человека и общества последствиям, но при этом и полная гармония светлого будущего может оказаться скучной и разрушительной.

Опираясь на художественные достижения основоположника современной научной фантастики Г. Уэллса, М. А. Булгаков творчески использует их в соответствии со своими художественными задачами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булгаков М.А. Собр. Соч. в 5-ти т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1990. 703 с.
2. Булгаков: Персонажи, прототипы, произведения, друзья и враги, семья: энциклопедия / Б.В. Соколов. М.: ЭКСМО, 2005. 831 с
3. Кухта Е.А. «Блаженство». Комментарий // Булгаков М.А. Собр. Соч. в 5 т. М.: Худ. Лит., 1990. Т. 3. С. 666–673.

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКАЗКИ ПЕТЕРА ХАКСА «УШИ ЛЕТУЧЕЙ МЫШИ ПОД СЕЛИТРОВЫМ СОУСОМ»

Аннотация: Статья посвящена исследованию жанровой специфики литературных сказок Петера Хакса (на материале сказки «Уши летучей мыши под селитровым соусом»). Литературная сказка является сложным жанровым образованием, соединяющим в себе фольклорные и индивидуально-авторские черты. В творчестве писателей XX века традиционный жанровый канон существенным образом переосмысливается. Анализ произведения П. Хакса позволяет рассмотреть содержательные и поэтологические особенности его сказок, а также выявить в них элементы протожанра – фольклорной сказки.

Ключевые слова: Петер Хакс, жанр, литературная сказка, фольклорная сказка.

Abstract: The article is dedicated to the research of genre specificity of Peter Hacks' literary fairy tale (based on the fairy tale "Ears of bat with nitrate sauce"). Literary fairy tale is considered to be a complicated genre formation containing both folklore and individual author features. A traditional genre canon was reconsidered crucially in the works of writers during the XX century. An analysis of Peter Hacks' work lets us explore inclusive and poetic peculiarities of his fairy tales and identify the features of aprotogenre (a folklore fairy tale) in them.

Key words: Peter Hacks, literary fairy tale, folklore fairy tale.

Начиная разговор о жанре, Борис Путилов в своей монографии «Фольклор и народная культура» предлагает сразу же провести разграничение между жанрами фольклорными и литературными, указывая на «саму природу явлений... и на специфику текстообразования в фольклоре, которое происходит принципиально по-иному, нежели в литературе, где личное авторство... определяет характер текстов» [Путилов, 1994: 155]. Тем не менее, автор в своем рассуждении указывает на эманацию жанров одного из другого и их историческую связь. Для настоящего исследования, направленного на выявление особенностей жанров, объединенных общей дефиницией «сказка» – фольклорная и литературная, данное высказывание

· Научный руководитель – канд. филол. наук Т.С. Нипа.

раскрывает важную идею «памяти жанра», введённую в литературный обиход еще Михаилом Бахтиным [Бахтин, 1963: 61].

Марк Липовецкий, уделивший особое внимание жанру литературной сказки в монографии «Поэтика литературной сказки» берет за основу понятие «памяти жанра» и, исследовав «сказочный материал» XX века, доказывает стойкую соотнесённость рождённого литературой жанра и протожанра – фольклорной сказки. Он находит «место» существования «памяти жанра» прежде всего в системе ценностей жанрового мирообраза: «к литературным сказкам, очевидно, следует отнести те произведения, в которых **аксиологически ориентированный тип концепции** действительности, сложившийся в народной волшебной сказке, представлен не как фрагмент художественного мира, а как его основание и структурный каркас и воссоздаётся через систему основных и факультативных носителей «памяти жанра» волшебной сказки» (позволим себе обобщить в данной статье понятия волшебная сказка и народная (фольклорная) сказка, поскольку первая, по словам многих исследователей, например, Валерия Тюпы, является жанровым первофеноменом для всех других народных сказок) [Липовецкий, 1992: 7].

О какой же системе «волшебной сказки» идёт речь? Прежде всего, о **внутренней структуре**, описанной подробно В.Я. Проппом в научном труде «Морфология волшебной сказки». Учёный выделил в сказках действия, или «функции» – устойчивые элементы, на основании которых выстраивается любая волшебная сказка [Пропп, 2001: 21]. Среди них, например, недостача, заключающаяся в отсутствии чего-то жизненно необходимого для героя, испытания антагонистов, встреча с дарителем, получение чудесного средства или волшебного помощника и некоторые другие. Кроме структуры фольклорной сказки носителем «памяти жанра» Липовецкий называет также **игровое начало и особый «сказочный» хронотоп**.

Объектом данного исследования является литературная сказка Петера Хакса «Уши летучей мыши под селитровым соусом». Жанр литературной

сказки занимает небольшое место в творчестве автора, известного больше в качестве драматурга: всего 1/5 часть собрания сочинений. Сказки Петера Хакса рассчитаны не только на детей, но в равной степени и на взрослых, что позволяет нам говорить о поиске нового инструмента для выражения своего творческого потенциала, концептуализации идей и выражения авторского мировоззрения.

Сказка «Уши летучей мыши под селитровым соусом» удивляет наличием практически всех функций, которые выделил Владимир Пропп в «Морфологии волшебной сказки». Автор сообщает нам исходную ситуацию: «у Оливера было одно увлечение. Он собирал монеты» [Хакс, 2000: 30]. Таким образом он вводит героя. Далее выясняется, что Оливер столкнулся с проблемой невозможности пополнения своей коллекции новыми монетами. Как функция – это недовольство. Оливер отправился на поиски. Однажды он наткнулся на яму у городской стены, раскопал землю и неожиданно провалился «в подземное царство» [Хакс, 2000: 31]. По Проппу, это функция отправки. Провалившись, Оливер заметил около себя Ворона, которого в данном контексте можно определить как дарителя. Испытание здесь – своеобразный диалог между Оливером и Вороном, в результате которого Ворон согласился доставить Оливера к антагонисту. В качестве волшебного средства выступил сам даритель: «он подцепил Оливера клювом за воротник и поставил перед Скелетом» [Хакс, 2000: 32]. Функция – путеводительство: «объект поисков обычно находится в «ином», в другом мире, для достижения своей цели герой осуществляет пространственное перемещение между двумя царствами – обычно вертикальное или горизонтальное» [Пропп, 2001: 48].

Встретившись, герой и антагонист вступили в непосредственную борьбу (функция по Проппу), снова выраженную в форме диалога: «Скелет.. поглядел на Оливера пустыми глазницами и удивленно сказал: – Мальчик? После полуночи? – Да нет же, – сказал Оливер. – Теперь только полдень» [Хакс, 2000: 32]. После неопределенного пребывания Оливера в подземном царстве, во время которого Скелет и Ворон угощали мальчика блюдом с

названием «Уши летучей мыши под селитровым соусом», Оливер получил монеты. При этом героя испытывали: мальчика попросили поднять упавшие монеты с земли и вернуть их Скелету, что он и сделал (функции – победа и ликвидация недостачи). После этого герой возвратился в свой мир и получил признание взрослых (функция – трансфигурация).

Интерес для данного исследования также представляют герои, которые по своим характеристикам близки героям волшебной сказки. Оливер – мальчик, и, хотя возраст его не обозначен, очевидно, что этот герой по возрасту и целям соответствует герою волшебной сказки. В его отправлении в «подземное царство» можно увидеть аналогию с обрядом инициации, в котором принимал участие каждый юноша древнего общества по достижении половой зрелости. Обряд предполагал испытания и обозначал символическую смерть и воскресение в качестве нового человека, переход к новому, более высокому статусу в обществе. Ворон, как уже отмечалось выше, это даритель, который в сказках часто имеет образ животного или птицы. Скелет – антагонист: «Яга напоминает собой труп... Она – мертвец» [Пропп, 2000: 52]. В сказке Петера Хакса в качестве антагониста выступает скелет в его прямом значении – мертвый.

При анализе произведения обращает на себя внимание факт угощения Оливера в подземном царстве. В фольклорной сказке героя всегда угощают едой мертвецов: таким образом он приобщается к потустороннему миру. Герой всегда знает, что еду нужно отведать, не выказав отвращения. Оливер поступил именно так: « – Вкусно? – спросил Скелет. Да, – заверил Оливер» [Хакс, 2000: 34].

Выявление в сказке игрового начала показало широкий спектр инструментов, которые использовал автор в произведении:

- **юмор** в диалогах героев.
- **парадоксальность** в действиях героев (скелет ест), или в диалогах:

« – Ты можешь взять себе все талеры, которые я оставлю валяться на земле, – закончил он [Скелет]. Оливер страшно обрадовался...– Разумеется, я не оставлю на земле ни единого талера» [Хакс, 2000: 35].

– **авторское построение сюжета:** в сказке нарушена хронологическая последовательность действий: автор начинает повествование с диалога Оливера и Скелета, затем рассказывает про то, как Оливер «отправляет» письмо, опустив его в щель в стене, и лишь затем про увлечение Оливера собирать монеты и его путешествие в «подземное царство».

В сказке обращает на себя внимание **особый «сказочный» хронотоп:** автор не дает никаких подробностей об Оливере, о городе, в котором он живет, о времени, в котором происходят события, и так далее. Герои спорят о времени – полночь сейчас или полдень, а в одном из диалогов Скелет говорит, что он исчезнет в «соседнее время». Можно охарактеризовать хронотоп сказки как «неопределённый», что свойственно жанру фольклорной сказки.

М. Липовецкий, определяя особенности жанра литературной сказки, делает акцент на аксиологической составляющей сказки. Фольклорной сказке присуща миромодель, ключевыми ценностями которой являются свобода, альтруизм и счастье. Испытания, которые проходит герой фольклорной сказки, преодолеваются, как правило, силой, ловкостью и смекалкой. Литературная сказка или усложнена в категории нравственных ценностей – свобода может быть достигнута, но она не приносит счастья герою (сказка Василия Шукшина «До третьих петухов»), или испытания героя выражены в иной, неизвестной фольклорной сказке плоскости. Липовецкий приводит в пример сказку Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес», где «высшее нравственное значение приобретает нормальный здравый смысл», благодаря которому Алиса справляется с испытаниями в мире абсурда [Липовецкий, 1992: 157].

Ценностная переакцентировка обнаруживается и в сказке Петера Хакса «Уши летучей мыши под селитровым соусом». Оливер постоянно

задумывается о правилах этикета: «Он считал, что... в отношении пожилых сограждан лучше проявлять вежливость, чем настаивать на своей правоте» [Хакс, 2000: 33]. Правильное поведение, вежливость и соблюдение этикета помогают герою достичь желаемого – монеты для своей коллекции.

Проведённый анализ литературной сказки Петера Хакса «Уши летучей мыши под селитровым соусом» позволил выявить в ней наличие носителей «памяти жанра»: структуру, аналогичную структуре фольклорной сказки, игровое начало и особый «сказочный» хронотоп. Жанровое своеобразие сказки заключается в аксиологической миромодели, в которой достижение желаемого возможно благодаря соблюдению правил этикета, и, кроме этого, в наборе тех инструментов, которые использует автор для создания игрового начала: юмор, парадоксальность, авторское построение сюжета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 364 с.
2. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920–1980-х годов). Свердловск: Издательство Уральского университета, 1992. 186 с.
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
4. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
5. Путилов В.Н. Фольклор и народная культура. СПб: Наука, 1994. 240 с.
6. Хакс П. Мета Морфоз и другие сказки. М.: РГГУ, 2000. 282 с.

СОЦИОПОЭТИКА ПОВЕСТИ И.А. БУНИНА «СУХОДОЛ»: ЯЗЫК ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация: В современной науке приоритетное внимание уделяется правилам создания и функционирования литературного текста как коммуникативного феномена. В настоящей статье предпринимается попытка анализа языка власти и принуждения в тексте повести Бунина «Суходол», а также рассматриваются коммуникативные аспекты формирования субъектности и репрезентации крестьянского сознания.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Суходол, коммуникация, принуждение, власть.

Abstract: In modern science a priority is given to the rules of creation and functioning of a literary text as a communicative phenomenon. This article attempts to analyze the language of power and coercion in Ivan Bunin's short novel "Dry Valley" ("Sukhodol"), as well as the communicative aspects of formation of subjectivity and representation of peasant consciousness.

Keywords: I.A. Bunin, "Dry Valley", communication, coercion, power.

Повесть, датированная 1911 годом, относится к циклу «крестьянских» рассказов Бунина, которые в большом количестве были написаны автором на протяжении 1910-х гг. Один из главных социальных вопросов предыдущего поколения, который интересует Бунина, – вопрос об отношениях формально независимых, но реально зависимых крестьян к помещику, вопрос о властной иерархии в пореформенную эпоху, о судьбе дворянской усадьбы как очага культуры.

Исследование языка принуждения позволяет рассматривать имплицитные представления автора о социальной реальности. Принуждение, будучи обязательным атрибутом домодерной власти, является способом воздействия на поведение человека с целью подчинения его воле принуждающего. Непосредственно в художественном тексте властные

· Научный руководитель – д-р филол. наук К.В. Анисимов.

отношения репрезентированы в комплексе императивных речевых жанров, в сословных номинациях («господин», «бывшая раба»), через коммуникативные стратегии персонажей, через их голос и право голоса, через объём их высказываний в тексте. По словам Вл. Ф. Ходасевича, «путь к бунинской философии лежит через бунинскую филологию – и только через нее» (Цит. по: [Риникер, 2001: 626]).

Методологическая база изучения социопэтики повести основана на работах нескольких направлений. В книге А.Д. Степанова по проблемам коммуникации у Чехова с каждым классом речевых жанров исследователем соотнесены определенные роли и типы поведения [Степанов, 2005: 28]. С информативными жанрами связана фигура носителя знания или просветительская установка говорящего: в случае с «Суходолом» – это Наталья, выступающая хранительницей родовой памяти и народной мудрости. Императивные речевые жанры (make-do discourses [там же: 188]) выражают отношения власти и иерархии, вокруг них сосредоточена социальная проблематика. Данные жанры призваны вызвать «осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных или, напротив, нежелательных, опасных для кого-то из участников общения» [Шмелёва, 1997: 61]. Связанные с категориями власти, воли, долга и желания, они оказываются наиболее важными на уровне действия: слово и дело становятся нераздельны. Из коммуникативной поэтики «Суходола» следует, что власть господ в пореформенную эпоху театрализована: потерявшие силу господа стремятся имитировать свой прежний статус и нуждаются в тех, кто согласен играть роль подчиненного или хотя бы зрителя. Однако «воспоминание о власти» [Степанов, 2005: 215] у Бунина не связано ни с обличительной тематикой «прежних времен», «остатков крепостничества», ни с ориентацией на негативную читательскую реакцию: наоборот, былое вспоминается с ностальгией, а Наталья, которая соблюдает субординацию прежних вертикальных отношений, характеризуется как мудрая носительница народной истины.

Кроме того, наблюдается повсеместная дисфункция императивных жанров хозяев и инверсия традиционной вертикальной власти путём перехода силы слова к «самозванцам» из слуг и лже-святым из народа. Феномен старения знака испытывают на себе приказы и просьбы хозяев, что в буквальном смысле дополняется старением их адресантов. Суть феномена в том, что ранее осмысленная, значимая и релевантная социальная иерархия со временем превращается в пустую оболочку, напоминающую читателю о некогда важном для героев знаке. Судьба речевого жанра может говорить о специфическом авторском видении социума, об отношении автора к иерархии, его оценке крепости вертикальных связей [там же: 210]. Часто властные отношения сохраняются только вербально, и принуждение не заканчивается действием. Невыполнение приказа расценивается как примета анархии, энтропии и беззакония. В самой бунинской повести власть и модус должного концептуализированы в понятии «порядка»: порядка как субординации и порядка как чистоты и убранства дома. Как только нарушается порядок, слуги перестают подчиняться, а усадьба приходит в запустение. Для Бунина усадьба является очагом дворянской культуры, и со смертью дома наступает конец и культуры, которую он хранил.

Второй методологической посылкой является коммуникативная составляющая постколониализма и ориентализма, ключевым текстом которой является эссе «Могут ли угнетенные говорить?» Гайятри Спивак [Morris, 2010]. В этой работе ключевое место занимает тема репрезентации, где Спивак обосновывает невозможность саморепрезентации угнетенного колониального субъекта. Таким образом, субалтерны всегда немые. Действительно, суходольские мужики молчат и находятся в самом низу властной иерархии (они лишены даже фольклорных преданий), в то время как Наталья выше их и по социальному положению (дворовая), и в субъектном плане (является субъектом речи и сознания). Она может рассказывать свою историю, а также историю семьи Хрущевых. Здесь она представляет своих господ, так как они либо умерли (дедушка), либо сошли с

ума (тетя Тоня), либо их голос лишен авторитетности (Клавдия Марковна). Рассказчик-повествователь, фиксирующий на письме суходольскую хронику, стоит на вершине властной иерархии как пишущий субъект, так как именно в его руках сосредоточена власть интерпретации и репрезентации. Однако суверенность его субъекта подорвана маргинальным социальным статусом и отсутствием имени. Фигура Натальи относится к субалтернам, но она является активным рассказчиком и хранителем родовой памяти в тексте, на основе ее воспоминаний и записывается текст о Суходоле. Ее образ выписан с симпатией, она показана носителем народной мудрости и характера. Это явление получило название положительного ориентализма, когда народные характеры наделяются сверхценностью. Социальные роли рассказчика и Натальи уже не укладываются в традиционную диаду дворянина и мужика. Во времени рассказчика социальные позиции героев не закреплены сословной иерархией: рассказчик представляет собой маргинализованного аристократа из оскудевшего рода, а Наталья – приближённую к семье, почти родственницу рассказчика, бывшую дворовую девушку. Субъектность Натальи зарождается вследствие демократизации социальных отношений, которая, наоборот, лишает аристократа-рассказчика основы для конструирования своей идентичности. А природное единство бар и мужиков обусловлено историософской программой повести.

В пореформенную эпоху происходит стирание прежней сословной иерархии, и потомок Хрущевых предстает в новом для своей семьи статусе маргинализованного дворянина: еще его отец Аркадий Петрович являлся господином в прямом смысле слова.

Положение Натальи тоже амбивалентно: бывшая крепостная, она молочная тетушка рассказчика, прожившая всю жизнь в господской усадьбе «как родная». На момент рассказчика она выступает как самый авторитетный хранитель родовой памяти и активный субъект речи и сознания в тексте. Двойная фокализация повествования подтверждается и в статье Н.Ю. Грякаловой [Грякалова, 2014: 51], в котором Наталья названа

«хронистом». По словам Грякаловой, «повествование о прошлом», каким является суходольская хроника Натальи, это меморат, фольклорный рассказ о событиях, воспринимающийся как достоверный и основанный на собственных воспоминаниях рассказчика или воспоминаниях людей из его окружения.

Исследователь крестьянской темы в литературе Алексей Вдовин полагает, что на беседы дворянина-рассказчика с крестьянином нужно смотреть именно как на столкновение познающего сознания рассказчика и пробуждающегося самосознания простолюдина, как на диалог двух вступающих в коммуникацию сознаний [Вдовин, 2016: 113]. Героиня повести выступает как носитель роевого, анонимного сознания (или роевого Мы-менталитета в терминологии В.И. Тюпы [Тюпа, 2010: 22]), постоянно модерируемого образованным рассказчиком. Потомок Хрущевых является носителем сознания «уединённого» (дивергентного Я-менталитета). В этом ментальном поле, как пишет Тюпа, другому человеку, как и всякому объекту, отводится некоторая служебная значимость. Наталье действительно отведена двойная роль субъекта и объекта повествования, а храняемая ею память дворянского рода дополняет культурную память рассказчика, одной которой недостаточно для конструирования его идентичности.

Повесть открывается первичной характеристикой Натальи, где указывается на её двойственное положение: «прожила как родная, а не как бывшая раба». Наталья формально свободная, но на деле зависимая от господ, входя в дом прислуга.

Отца Натальи «господа в солдаты отдали за провинности», а «матушка веку не дожила из-за индюшат господских». Причиной смерти родителей Наталья видит провидение («Смерть пришла, вот и померли-с», «Так бог дал» [Бунин, 1988: 215]), волеизлияние господ не подвергается рефлексии или осуждению. Сиротство Натальи еще больше роднит ее с Хрущевыми («Сирота-с. Вся в господ своих» [там же: 215]). Главное наказание своей жизни за украденное у возлюбленного барина зеркальце она

описывает сочувственно по отношению к господину, не осуждает его, и всю вину берет на себя: *«Я как провинилась-то! А и было-то всего-навсего, что приказали Петр Петрович голову мне овечьими ножницами оболванить, затрапезную рубаху надеть да на хутор отправить...»* [Там же: 226]. Этот же мотив с точки зрения повествователя подается так: *«...сам же Петр Петрович приказал остричь, обезобразить ее, принаряжавшуюся, сурьмившую брови перед зеркальцем, создавшую какую-то сладкую тайну, небывалую близость между ними и собой»* [Там же: 234]. Обычай стричь наголо в качестве наказания распространялся на рабов и преступников.

Все свои наказания Наталья переносит с христианским смирением: *«Черничкой, смиренной и простой служгой всех, легкой и чистой, точно после предсмертного причастия, вошла она в суходольский дом, возвратясь из Воронежа»* [Там же: 263]. Героиня не препятствует своему безбрачию, так как делит судьбу со своей барыней и сюжетным двойником – незамужней тетей Тоней. Однако их властные роли поменялись местами: Наталья показана как уверенная, мудрая и спокойная женщина, в то время как тётя Тоня, будучи ее ровесницей, показана сумасшедшей старухой на манер гоголевского Плюшкина – бесполого опустившегося существа, некогда утонченной дворянки: *«Это была она, участница и свидетельница всей этой жизни, главная сказительница ее, Наталья. А за ней, внимательно глядя сумасшедшими глазами, немного согнувшись, церемонно скользя по темному гладкому полу, подвигалась госпожа ее. Шлыка она не сняла, но вместо халата на ней было теперь старомодное барежесовое платье, на плечи накинуто блекло-золотистая шелковая шаль»; «И вдруг, у самого поворота в Суходол, увидали мы в высоких мокрых ржах высокую и престранную фигуру в халате и шлыке, фигуру не то старика, не то старухи, бьющую хворостинной пегую комолую корову. <...>Со страхом глядя в черные безумные глаза, чувствуя прикосновение острого холодного носа и крепкий запах избы, поцеловались мы с подошедшей. Не сама ли это Баба-Яга?»* [Там же: 220]. В терминологии постколониализма это состояние можно назвать

положительным ориентализмом, когда подчинённый выступает в роли мудрого носителя народной истины, и в этом случае симпатии автора на его стороне, когда тётя Тоня вызывает только жалость и страх.

Тёте Тоне и третьей жительнице Суходола Клавдии Марковне во времени рассказчика отведена латентная коммуникативная роль: фразы Клавдии Марковны ограничиваются бытовым обменом реплик и не выходят за границы фатической коммуникации, а тётя Тоня в настоящем произносит лишь несколько обрывков фраз по-французски:

«Закричала, но весело, институтски-восторженно и Клавдия Марковна, толстая, маленькая, с седенькой бородкой, с необыкновенно живыми глазками, сидевшая у открытого окна в доме с двумя большими крыльцами» [Там же: 220].

«– Oй êtes-vous, mesenfants?– жантильно улыбаясь, кричала она (тётя Тоня — прим. Ю.У.), и голос её, чёткий и резкий, как голос попугая, странно раздавался в пустых черных горницах...» [там же: 222].

«И кричала она так, точно мы были глухие, точно с целью затеять яростную брань. И по крику мы поняли: это тётя Тоня» [там же: 220].

Тоня кричит, но ей не суждено быть услышанной. Кричит и Клавдия Марковна, но её голос тоже лишен авторитетности. Слова бездетной Тони символичны: вопрос «где вы, дети мои?» стал определяющим для последнего поколения Буниных-помещиков [Анисимов, 2016: 68]. Алексей Николаевич, отец писателя, часто повторял, обращаясь к жене: «Разлетается, душа моя, наше гнездо, разлетается...» [Муромцева-Бунина, 2007: 90]. Французские реплики тётки обращены к детям, которые уже выросли, и коммуникативный провал обусловлен отсутствием референта. Французский язык, вообще символически олицетворяющий всю западную культуру, выражает в повести модус должного: *«Пока жили французы в суходольском доме, дом сохранял*

· Где вы, дети мои? (франц.)

еще жилой вид. При бабушке еще были в нем и господа, и хозяева, и власть, и подчинение, и парадные покои, и семейные, и будни, и праздники. Видимость всего этого держалась и при французах. Но французы уехали, и дом остался совсем без хозяев» [Бунин, 1988: 230].

Но и власть французов уже была неполноценной, имена Луи Ивановича и мадам Сизи выдают в них самозванцев. Приказ Луи Ивановича Аркаше «Идите и больше не вернитесь!» скомпрометирован нелепым произношением и обречен на коммуникативный провал. Реплика «*Maître Corbeau, sur un arbre perché*»¹ тоже представляет собой автоматизированную цитату учителя со стертым смыслом. За образами комичных мадам Сизи и Луи Ивановича, закрепляется идея Дома, уюта, относительного порядка [Анисимов, 2016: 67]. Забытые французские вокабулы тоже пылятся в сундуке, так как больше некому их прочесть – (европейская) культура покинула Суходол.

Клавдии Марковне и тете Тоне отказано в сопричастности к общей памяти несмотря на их высшее, по сравнению с Натальей, происхождение. Автор исключает их из обмена воспоминаниями, лишает их голоса, а значит и власти, тем самым подчёркивая ситуацию вырождения рода.

Суходольским крестьянам вообще не предоставлено голоса: им отказано также в фольклорной устной традиции, а сами мужики описываются через запах, который с собой приносят:

«Мужики суходольские ничего не рассказывали. Да что им и рассказывать-то было! У них даже и преданий не существовало. Их могилы безыменны»; «И мы, выросшие в поле, чуткие к запахам, жадные до них не менее, чем до песен, преданий, навсегда запомнили тот особый, приятный, конопляный какой-то запах, что ощущали, целуясь с суходольцами; запомнили и то, что старой степной деревней пахли их подарки: мёд —

¹ Ворон, взобравшись на дерево (франц.)

цветущей гречей и дубовыми гнилыми ульями, полотенца — пуньками, курными избами времен дедушки...» [Бунин, 1988: 219].

Коммуникация через обоняние подчеркивает архаическую природу крестьян. Факт молчания субалтернов призван подчеркнуть их зависимое положение даже в пореформенную эпоху, которая оставила их жизненный уклад неизменным. На их фоне активная субъектность Натальи ярко выделяется. Безымянность могил же указывает на стирание означающего, и могила как знак становится недоступной восприятию. Представляется, что эта деталь, умноженная на неграмотность крестьян и несформированность у них фольклорной традиции, говорит об их неспособности быть носителями культурной памяти. Однако маргинализация обоих сословий после неудачной реформы делает и крестьян, и господ носителями одной и той же травмы, вызывающей ностальгию по прежним временам. Весть об освобождении ставится в один ряд с войной, семейной трагедией и природным катаклизмом: *«Буднично стало в Суходоле. Пришли определенные слухи о воле — и вызвали даже тревогу и на дворе и в деревне: что-то будет впереди, не хуже ли? Легко сказать — начать жить по-новому! По-новому жить предстояло и господам, а они и по-старому не умели»* [Там же: 263]. Несостоятельная власть хозяев также предстает в виде стёртого или устаревшего знака. Устаревание прежней вертикальной системы власти, которая в тексте сосредоточена вокруг понятия «порядок», приводит в буквальном смысле к старению господ и усадьбы: *«Смерть дедушки, потом война, комета, наводившая ужас на всю страну, потом пожар, потом слухи о воле — все это быстро изменило лица и души господ, лишило их молодости, беззаботности, прежней вспыльчивости и отходчивости, а дало злобу, скуку, тяжелую придирчивость друг к другу: начались «нелады», как говорил отец, дошло до татарок за столом»* [Там же: 264].

В качестве яркого примера стёртого знака подходит власть дедушки Петра Кириллыча, самого властного и старого представителя рода. В повести

его властные полномочия терпят крах, что выражается в первую очередь в дисфункции императивных речевых жанров и его косноязычии. Накануне своей смерти дедушка был *«блажено-счастлив, но бестактен, болтлив и жалок в своей бархатной шапочке»* [Там же: 239]; *«За дерзкий ответ дедушки в день приезда Петра Петровича Герваське ровно ничего не было»* [Там же: 241]. Власть дедушки также театрализована: потерявшая свою силу, она пытается имитировать прежнюю: *«Он (дедушка – прим. Ю.У.) тоже вообразил себя радушным хозяином и суетился с раннего утра, устраивая какую-то глупую церемонию из приема гостей»* [Там же: 240]. Его внебрачный сын захватывает власть в доме и авторитет над Аркадием Петровичем. Герваська – самозванец в терминологии Степанова, он принимает на себя не принадлежащие ему властные функции.

Наталья вспоминает, как Герваська поклялся барчуку в дружбе, а потом чуть не убил его. Речевой жанр клятвы нарушается неспособностью Герваськи держать слово и субординацию, что приводит к угрозе жизни барчука: *«Ну, а Герваська с папашей вашим почти однолетки были и, значит, первые друзья-приятели-с. Только правда говорится, – волк коню не свойственник. Подружились они это, поклялись в дружбе на вечные времена, поменялись даже крестами, а Герваська вскорости же и начереди: чуть было вашего папашу в пруде не утопил!»* [Там же: 230]. В будущем Герваська набирает все больше силы: *«Пока дети были малы, на первом месте был как будто Пётр Кириллыч. Но что он мог? Кто кем владел: он дворовыми или дворовые им?»* [Там же: 230]. Со временем властные отношения переворачиваются, и уходят материальные и символы порядка и культуры: *«Фортепиано закрыли, скатерть с дубового стола исчезла»* [Там же: 233]. В исследовании Д.А. Завельской через предметный ряд актуализирован мотив культурной памяти [Завельская, 2017: 18]. По её словам, «нанизывание» деталей не просто подчинено воспринимающему сознанию рассказчика: это сосуществование предметов, жизней, явлений, развёрнутое не во времени

восприятия, а в самоценном бытийном времени, где за каждой деталью находится её «свёрнутая» история.

Властная фигура дедушки слабеет прямо на глазах, и фактическая власть оказывается в руках дворовой старухи. Аркадий Петрович в своей братской любви к Герваське не замечает растущей опасности в нём: на императивный жанр просьбы «выучить его на балалайке» в ответ получает усмешку «Поцелуйте перва ручку у меня». Чувствуя свое бессилие в сопротивление строптивому лакею, он бьёт его по щеке и отдаёт приказ встать и просить прощения. Герваська отвечает бессмысленной, дежурной репликой «Виноват, сударь», чем вызывает раздражение барина. Аркадий Петрович старается обойтись с Герваськой как с равным, чем обрекает себя на издевательства с его стороны. Наталья вспоминает: *«Над барчуком и дедушкой Герваська измывался, а надо мной – барыня»* [там же: 232]. Цитата показывает неизбежность насилия с обеих сторон в момент разрушения традиционной властной парадигмы.

Главный потерпевший от произвола Герваськи – это, конечно, патриарх рода Хрущевых – Пётр Кириллыч. Он жалуется сыну Петру Петровичу: *«Ты и представить себе не можешь, как он меня уничтожает! Я уж не однажды думал: подкрадусь и проломлю ему голову толкачом медным... Ей-богу, думал! Я ему кинжал в бок по эфес всажу!»* [Там же: 233]. Коммуникативному намерению Петра Кириллыча сбыться не суждено, потому что Герваська опережает его. *«– Я, сударь, слышал, что за это больно наказывают, – возразил он (Герваська) насупясь. – А то и мне все лезет в голову: пора барину в царство небесное!»* [Там же: 233]. Пётр Кириллыч, как и его сын, отвечает на это дежурной фразой «Сию минуту выйди вон!», которая также обречена на неудачу. Таких коммуникативных провалов в диалогах барина и слуги множество, и в конечном счёте переход Герваськой черты на словах перерастет на деле в убийство своего господина и отца в одном лице.

Кроме Герваськи, повесть населена множеством самозванцев из низов: чаще всего это мнимые юродивые и просто проходимцы, которые живут своим словом и рассказами. Появление в несметном количестве «бродяг, дурачков и монахов» относится в повести к дурным предзнаменованиям. В терминологии Степанова их можно назвать лже-проповедниками: в повседневном словоупотреблении слово «проповедь» понимается шире, чем исторически сложившийся жанр церковной гомилетики [Степанов, 2005: 175]. Проповедь – аффективный жанр, и главная его цель – воздействие на слушателя. Главное условие действенности проповеди по Степанову – право проповедника, в то время как лже-святые и лже-юродивые в повести всячески дискредитированы. Среди них обладающий огромной силой слова колдун Клим Ерохин, заговаривающий болезни: *«Тоска, тоска! – восклицал он с внезапной силой и грозной властью»* [Бунин, 188: 256]; *«И чувствовала Наталья, что нет и не может быть более ужасных слов, чем эти, сразу переносящие всю ее душу куда-то на край дикого, сказочного, первобытно-грубого мира»* [Там же: 257]. Это и пророчица Даниловна, которая пользуется ритуальным языком жестов: *«Даниловна заплясала, защёлкала пальцами, что, конечно, означало: благополучно. И барыня успокоилась»* [Там же: 257]. Кроме них в повести появляются двое блаженных-самозванцев — Дроня и Тимоша Кличинский. Оба они кричат фальцетом или бормочут, что не мешает им производить огромное впечатление на барышню – тётю Тоню.

Борьбу самозванцев и господ можно воспринимать как борьбу новой и старой власти, борьбу культуры с её уничтожением. В конце концов со смертью самого авторитетного (и авторитарного) представителя Хрущевых род постепенно вырождается до такой степени, что повествователь лишен имени, а все культурное наследие Суходола уместается в один березовый ящик. Таким образом, через социальное функционирование языка раскрывается действие социальных отношений в повести, и через деградацию вертикальных отношений обнаруживается закономерное

угасание дворянской усадьбы как очага культуры, исчезающей «дворянской Атлантиды», летописцем которой в 1910-е гг. станет Бунин [Анисимов, 2016: 67].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов К.В. Историческая позиция И.А. Бунина 1910-х гг.: толстовские аллюзии в «Суходоле» (опыт комментария) // Уральский исторический вестник. 2016. №1 (50). С. 64–70.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений. В 4 т. М.: Правда, 1988. Т. II.
3. Вдовин А.В. «Неведомый мир»: русская и европейская эстетика и проблема репрезентации крестьян в литературе XIX века // НЛО. 2016. №5. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/5/nevedomyj-mir-russkaya-i-evropejskaya-estetika-i-problema-repre.html> (дата обращения: 10.12.2017).
4. Грякалова Н.Ю. Аллегория повествования (об одном иконографическом мотиве в повести И.А. Бунина «Суходол») // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Филология. 2014. №5. С. 51–54.
5. Завельская Д.А. Мотив культурной памяти и идиллический дискурс у Бунина, Гумилева и Ивана Савина // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. Т. 22. № 1. С. 17–27.
6. Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь с Буниным. Беседы с памятью. М.: Вагриус. 2007. 512 с.
7. Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
8. Тюпа В.И. Дискурсивные формации. Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.
9. Ходасевич В.Ф. Ив. Бунин. «Божье дерево» // Возрождение, 1931. Цит. по: Риникер Д. «Окаянные дни» как часть творческого наследия И.А. Бунина // И.А. Бунин: PROETCONTRA. Санкт-Петербург, 2001. 1016 с.
10. Шмелёва Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 88–98.
11. Morris R.C. Can The Subaltern Speak?: Reflections On The History Of An Idea. Columbia University Press, 2010. 318 p.

III. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 372.881.111.1

Богданова А.И.

Веретенникова А.В.

Солдатова У.В.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАНИИ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВУЗА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОНЛАЙН-ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: В статье рассмотрен потенциал дисциплины «Иностранный язык» в контексте компетентностного подхода. Современные лингводидактические принципы предусматривают активное использование онлайн-технологий и ресурсов в образовательном процессе вуза, отвечая требованиям дигитализации образования и принимая во внимание новый субъект образовательного процесса – представитель цифрового поколения. Применение обучающих Вики-сайтов, подкастов, водкастов способствует трансформации информации из внешнего мира в дидактический материал, совершенствованию профессионально и лично значимых компетенций учащихся.

Ключевые слова: компетентностный подход, дигитализация образования, секционная технология, обучающие онлайн-ресурсы.

Abstract: The article covers the potential of the discipline "Foreign Language" in the context of the competence-based approach. Modern linguo-didactic principles stimulate the active use of online technologies and resources in the educational process of the university, meeting the requirements of digitalizing education and integrating into the new subject of the educational process - the representative of the digital generation. The application of educational Wikis, podcasts, and vodcasts contribute to the transformation of information from the outside world into didactic material, the improvement of professionally and personally important competences of students.

Keywords: competence-based approach, digitalization of education, sectional technology, online learning resources.

Главными тенденциями современной образовательной политики Российской Федерации являются повышение конкурентоспособности страны за счет улучшения качества образовательных услуг и соответствия международным стандартам образования, что находит свое отражение в международных и отечественных рейтингах ведущих образовательных

учреждений. Сегодня в образовании происходят антропоцентрические парадигмальные изменения – переход на новую концепцию компетентностного подхода, которая опирается на понимание сущности обучающегося как постоянно изменяющейся и обновляющейся личности в процессе ее активного взаимодействия с окружающим миром [Закон «Об образовании в РФ», 2012]. В образовательном процессе эти изменения характеризуются подчинением всех элементов содержания учебной среды (методология, технологии, цели и средства обучения, и т.д.) основной идее реализации комплекса профессионально значимых компетентностей, указанных в ФГОС ВО с целью формирования всесторонне развитой личности выпускника вуза, профессионально-компетентного специалиста. Речь идет не столько о формировании некоторых компетентностей в рамках предмета, сколько о новой роли всех дисциплин в формировании личности профессионала. В этой связи следует отметить понимание компетенции как заранее заданного требования к образовательной подготовке обучаемого, а компетентность – как уже состоявшиеся качества личности обучаемого и минимальный опыт по отношению к деятельности в заданной сфере [Зимняя, 2008: 52].

Высшее образование, которое по сути своей уже изначально профессионально ориентировано, является важнейшим фактором экономического роста и повышения благосостояния общества через актуализацию задач подготовки высококвалифицированных специалистов, востребованных на рынке труда, способных и готовых трансформировать научные идеи в реальную практику. Таким образом, следует понимать компетентностный подход как подход, при котором результаты образования признаются значимыми за пределами системы образования.

Одним из наиболее актуальных требований рынка трудовых ресурсов является требование к иноязычной компетентности. По мнению исследователей, очевидным представляется наибольший спрос (72 % общей потребности), которым пользуются специалисты, владеющие английским

языком. Таким образом, отвечая на вызовы современности и согласно требованиям ФГОС нового поколения переход на концепцию компетентностного подхода выступает сегодня методологией в том числе и иноязычного образования в неязыковом вузе. По мнению ученых, система языкового образования в высшей лингвистической школе должна способствовать подготовке «не просто специалиста – профессионала, а, прежде всего, культурного, образованного, интеллигентного творческого человека» [Цатурова, 1995: 27]. Действительно, в процессе обучения иностранным языкам личность обучающегося необходимо и закономерно совершенствуется не только как субъект коммуникации, но и как субъект культур, а также субъект деятельности в конкретной профессиональной области. Результаты обучения коррелируют с овладением обучающимся как собственно средствами коммуникации, так и с определенной «трансформацией» его личности, т.е. обретением ею целого ряда компетенций: социальных, культурных, гуманитарных, профессиональных и других необходимых для качественной жизнедеятельности в повседневной и профессиональной ситуации. В подтверждение вышесказанного следует обратиться к критериям федерации европейских инженерных организаций FEANI (*European Federation of National Engineering Association*), которые включают в себя наряду с узко профессиональными требованиями к современным инженерам также и умение работать в команде, способность быть лидером, развитые коммуникативные навыки, свободное владение европейскими языками, достаточное для общения при работе в Европе [Bohn, 1999: 45]. Это означает, что высокий уровень профессиональной квалификации современного специалиста обеспечивается, в том числе, и определенным объемом языковых, культурологических, страноведческих и социокультурных знаний, а также умениями и способностями, позволяющими ему адекватно и эффективно действовать в ситуациях профессиональной межкультурной коммуникации. В этой связи изменение языковой политики актуализирует потенциал самой дисциплины

«Иностранный язык», когда устойчивые знания в области иноязычного профессионального и академического дискурса воспринимаются не только как конкурентное преимущество, а как базовый универсальный навык выпускника вуза, способствующий его профессиональной карьере и в определенных случаях международной научной деятельности [Крупченко, Кузнецов, 2015: 9].

Следует также отметить, что в неязыковом вузе существует определенный лингводидактический фон, особенностью которого является принцип профессиональной направленности, когда формы проведения занятий, методы и средства обучения должны быть направлены на формирование и развитие профессионально ориентированных знаний, умений и навыков будущего специалиста. Реализация данного принципа находит свое отражение в специально подобранных профессионально ориентированных темах и речевых ситуациях общения в соответствии с программными требованиями; видах и формах практической деятельности, имитирующих общение на иностранном языке в определенной профессиональной сфере с учетом интересов студентов. В соответствии с требованиями ФГОС ВО предусматривается широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерные симуляции, деловые и ролевые игры, разбор конкретных ситуаций и т.д.), базирующихся на современных лингводидактических принципах с учетом применения новых технологий и методов работы с ними, а также принимая во внимание нового субъекта образовательного процесса – представителя цифрового поколения.

Современный мир – это цифровой мир, в котором живут, учатся, работают молодые люди-представители поколения Z, современные студенты, для которых дигитализация (от англ. digitalization – перевод всех видов информации в цифровую форму) – это объективно существующая реальность. Технологии изменились радикально, в том числе и образовательные технологии, и в будущем процесс будет только ускоряться.

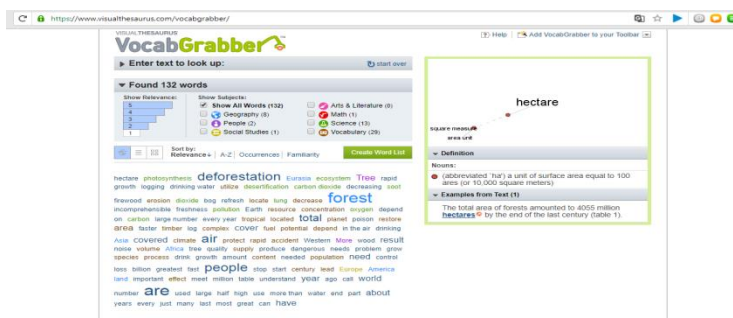
По утверждению Стива Джобса: «Everything that can be digital will be...», что в полной мере относится к формам и методам образовательного процесса. Дигитализация образования представляет собой самый актуальный тренд современного общества, когда абстрактные или «книжные знания» заменяются более конкретными, применяемыми к определенной профессии или виду деятельности.

Обобщенно процесс дигитализации в образовательном процессе вуза включает в себя следующие онлайн-технологии: интернет, обучающие и информационные сайты, электронные базы вузов, электронные библиотеки и др. Преимущества их применения в контексте иноязычного обучения заключаются в расширении границ личностного когнитивно-информационного поля учащихся, визуализации содержания образовательного процесса, интенсификации познавательной активности и мотивации к обучению, индивидуализации и дифференциации обучения, а также в создании комфортной для студента цифровой обучающей среды. Однако возникает проблема информационной перегруженности и корректной навигации: информации слишком много, возникает дефицит времени для ее поиска, у студентов отсутствуют умения и навыки поиска и активного пользования предлагаемыми англоязычными онлайн-ресурсами, а также их практического применения. Также для преподавателей остается актуальным вопрос определения методов включения онлайн-ресурсов в образовательный процесс. Тем не менее, это цифровая реальность, в которую необходимо включаться вместе со студентами.

Поэтому на наш взгляд, одним из приоритетных направлений современной лингводидактики является секционная технология как вид проектной методики, который характеризуется такой формой организации учебного процесса, когда несколько подгрупп обучаемых самостоятельно прорабатывают распределенный по секциям подготовленный преподавателем учебный материал, осуществляя переход от одной секции к другой. Данный формат проведения занятия характеризуется трудоемким

процессом его подготовки, минимальным вмешательством преподавателя в деятельность групп, автономностью студентов. Эффективность секционной технологии заключается, прежде всего, в вовлеченности всех студентов в поисково-исследовательскую деятельность, независимо от уровня их подготовки по иностранному языку; формирование ситуации успеха и, следовательно, повышение самооценки студентов и их готовности к реальному межкультурному взаимодействию [Лытаева, Солдатова, 2010: 98].

В рамках нашей работы мы хотели бы остановиться на определенных онлайн-ресурсах, продуктивно зарекомендовавших себя при систематическом использовании во время практических занятий. Так ресурс *Vocabgrabber* <http://www.visualthesaurus.com/vocabgrabber> составляет семантическую карту любого текста, загруженного в окно программы. При загрузке текста и нажатии на *GrabVocabulary* (выделение и извлечение из текста тематических лексических единиц), программа автоматически составит список наиболее употребительных слов, использованных в тексте. Слова окрашены в разные цвета, которые соответствуют одной из семи категорий: *Arts&Literature; Geography; Maths; People; Science; Social Studies; Vocabulary*. Слова могут быть представлены в виде списка или в виде галереи с собственным кластером. После названия категории, в скобках, указано количество слов, отнесенных к ней. Сортировать можно (а) по алфавиту; (б) по релевантности; (с) по частотности; (д) по степени новизны. Размер шрифта указывает, насколько часто эти слова встречаются в тексте. Кроме того, при нажатии на отдельное слово выявляется кластер слов, связанных с исследуемым понятием, а также демонстрирует определения этого слова и примеры из сходных текстов.

Таким образом, используя программу *Vocabgrabber*, можно актуализировать работу с активным вокабуляром учащихся, отработать навык усвоения как отдельных слов, так и их контекстуальных значений при анализе определенных текстов профессиональной направленности. С помощью этой программы ведётся активная работа с группой слов, образующих семью, синонимичные ряды, словосочетания и идиомы, что способствует эффективному обучению основным видам речевой деятельности и их практическому использованию при предъявлении продуктов коллективной и индивидуальной деятельности (презентация, коллаж, доклад, проект и др.).

Следующим эффективным онлайн-ресурсом является *Concordancers*, т.е. компиляция всех доступных контекстов с исследуемым словом <http://www.just-the-word.com/> (*Web-based Concordancers. The British National Corpus (BNC)*). Этот ресурс предусматривает активное синтезирование таких знаний как проверка правильности порядка слов, проверка сочетаемости слов, понимание разницы в значениях исследуемых слов. В случае наличия определенного количества контекстов обеспечивается большая гарантия того, что студент сможет сформировать первичное представление о новом слове путем количественного и качественного анализа. В этом случае приобретение знаний происходит путём активного их синтезирования, а не пассивного усвоения.

Разнообразить формы работы и повысить мотивацию студентов к изучению иностранного языка и, прежде всего, к активному овладению лексическим материалом способствуют WIKIсайты [Сысоев, 2012: 130]. Это и составление флеш-карт с разными видами заданий, направленных на закрепление активной лексики <http://quizlet.com>, которые помогают подобрать определение слова, подобрать слова-синонимы, подобрать слова, противоположные по значению. Логичной цепочкой продолжения активного усвоения лексического материала выступает ресурс для самостоятельного создания кроссвордов <http://justcrosswords.com>. Такие формы работы

раскрывают потенциал обучаемого, уходит боязнь языковой ошибки, представляется возможность самостоятельного правильного усвоения иноязычного учебного материала. При этом следует отметить возможность дистанционного контроля преподавателями работы каждого студента и фиксирование их личностных результатов. Характерной особенностью работы с *WIKI-сайтами* является активное использование их ресурсов для формирования иноязычной лингвострановедческой компетентности, необходимой для подготовки студентов к межкультурному взаимодействию, целью которого является достижение общих профессиональных и личностных целей. Так, при использовании ресурсов сайта, расположенного по адресу <https://edition.cnn.com/travel>, при подготовке совместных культуроведческих и страноведческих проектов студенты способны давать адекватную сравнительно сопоставительную характеристику культурных реалий и культурно значимых событий в жизни страны изучаемого языка с позиций ценностной картины мировосприятия инсайдера и аутсайдера; извлекать необходимую социокультурную информацию; аргументировано интерпретировать прецедентные пространственно-временные феномены родной и изучаемой культуры [Кошеляева, 2010: 8]. Эффективный практический результат подобных проектов был успешно использован при проведении олимпиады по английскому языку среди студентов неязыковых специальностей, когда учащиеся продемонстрировали свои лингвострановедческую компетенцию, выступая поочередно в роли гида и иностранного туриста, представляя достопримечательности города накануне международных студенческих игр предстоящей Зимней универсиады-2019.

Не вызывает сомнения тот факт, что одним из наиболее трудных для овладения студентами навыков является восприятие иноязычной речи на слух. Поэтому нам представляется важным выделить технологию работы с *Podcast* и *Vodkast* как эффективный метод обучения аудированию. Подкаст (*podcast*) — инновационный мультимедийный феномен в преподавании иностранного языка, который способствует развитию понимания

иностранного языка на слух. Аудио - или видеозапись (vodcast) доступна для прослушивания или просмотра во всемирной сети. В отличие от телевидения или радио, подкаст позволяет прослушивать аудиофайлы и просматривать видеопередачи не в прямом эфире, а в любое удобное для пользователя время и необходимой ему тематики. Так при работе с аудио- и видео ресурсами <http://economist.com> студенты-экономисты учатся воспринимать и обрабатывать различную информацию на английском языке в рамках профессиональной коммуникации. Кроме навыков в профессиональной сфере общения во время работы с аудиовизуальными онлайн источниками у студентов формируется целый ряд речевых навыков и языковых умений:

- понимание фактической информации по радио и телевидению;
- понимание и изложение основной логической информации, содержащейся в монологической речи;
- аналитико-синтетическая обработка информации, полученной из различных источников;
- суммирование и комментирование полученной информации;
- рефлексия (осмысление) информации с целью ее практической реализации (проект, научный доклад и др.).

Таким образом, следует отметить особую роль дисциплины «Иностранный язык» в образовательном процессе современного вуза в контексте компетентного подхода, то есть формирование и развитие профессионально ориентированных знаний, умений и навыков будущего специалиста, его личностных качеств, акцентируя внимание на активное использование современных цифровых технологий с оперативным обновлением содержания обучения. Современные онлайн ресурсы и технологии способствуют трансформации информации из внешнего мира в дидактический материал, преобразовывают реальные проблемы внешнего мира в учебные задачи, обеспечивают переход от учебных действий с идеальными объектами к учебным действиям с реальными проблемами и задачам, это также расширение возможностей совершенствования

профессиональных навыков и приближение учебного процесса к реальной действительности, что особенно актуально для студентов, которые через некоторое время неизбежно столкнутся с вопросами трудоустройства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зимняя И.А. Единая социально-профессиональная компетентность выпускника университета: понятие, подходы к формированию и оценке. Москва., 2008. 54 с.

2. Кошеляева Е.Д. Методика развития социокультурных умений студентов посредством социального сервиса «Вики» (английский язык, языковой вуз): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М.: МПГУ, 2010. 210 с.

3. Крупченко А.К., Кузнецов А.Н. Основы профессиональной лингводидактики: Монография. М.: АПКИППРО, 2015. 232 с.

4. Лытаева М.А., Солдатова Л.А. Использование секционной технологии в обучении иностранному языку [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://www.gramota.net/materials/1/2010/11-1/32.html> (дата обращения 04.04.2018).

5. Сысоев П.В. Вики-технология в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2012. № 4. С. 128–137.

6. Цатурова И.А. Многоуровневая система языкового образования в высшей технической школе: автореф. дис. ...д-ра пед. наук: 13.00.01. М., 1995. 49 с.

7. Федеральный закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» с изменениями 2015–2016 года.

8. Bohn R. Probleme der Wortschatzarbeit. Fernstudieneinheit 22. Goethe-Institut, Munchen: Langenscheidt, 1999. 192 p.

ОТ СИМУЛЯЦИИ К РЕАЛЬНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В статье проанализирована практика проведения симуляций на английском языке преподавателями отделения «Международные отношения» и «Сравнительное правоведение» Юридического института Сибирского федерального университета. Рассмотрена возможность использования интерактивных технологий в формировании коммуникативной и профессиональной компетентности студентов. Подробно исследуются этапы подготовки и проведение таких симуляций как «Модель Совета Безопасности ООН» и «Учебный судебный процесс». Авторами не только подчеркивается необходимость приблизить вузовскую подготовку по иностранному языку к реальным профессиональным нуждам, но и показано, как полученные студентами навыки применяются на практике, в ситуации реального профессионального общения.

Ключевые слова: симуляция, Модель Совета Безопасности ООН, Учебный судебный процесс, коммуникативная компетентность, профессиональная языковая компетентность.

Abstract: The article discusses the practice of organizing simulations in English with International relations department and Comparative law department students in Law school of Siberian Federal university. The possibility of using interactive technologies for effective formation of communicative professional competence of students is analyzed. Stage-by-stage preparation and practice of organizing of such simulations as "Model of the UN Security Council" and "Moot court" are examined in detail. The authors do not only emphasize the need to bring university training in a foreign language to the real professional needs, but also show how students perform in practice, in the situation of real professional communication.

Keywords: simulation, Model of the UN Security Council, Moot court, communicative competence, professional language competence.

Основная задача профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам – это развитие способности к устному речевому профессиональному взаимодействию. Так, Е.В. Воевода отмечает: «... иностранный язык, в частности английский, получивший статус современной lingua franca, является средством для реализации международного общения» [Воевода, 2009: 11]. В контексте глобализации межкультурная коммуникация выходит на первый план. Это, в свою очередь, влечет за собой и изменение теоретических подходов к обучению, самым популярным из которых сегодня

является компетентностный подход. «Компетентностный подход стал ответом образовательной системы на возникшую потребность приблизить профессиональное образование к реальным потребностям рынка труда, учитывать реалии будущей профессиональной деятельности», – замечает Н.Л. Рябченко [Рябченко, 2014: 244].

При этом необходимо различать понятия «компетенция» и «компетентность». Так, по мнению С.И. Гессен, под «компетенцией» понимается «совокупность знаний, умений, навыков и способов деятельности, которые задаются по отношению к определенным процессам и предметам и неотъемлемы для эффективной деятельности по отношению к ним», а «компетентность» рассматривается как «владение конкретной компетенцией» [Гессен, 1995: 115]. Таким образом, задачей педагога является формирование профессиональной языковой компетентности, которая позволяет правильно организовать общение, вырабатывать умение слушать и понимать сказанное, а также воспроизводить профессиональную информацию.

Процесс активизации полученных в ходе обучения знаний и умений невозможен без всесторонней и глубокой проработки реальных коммуникативных ситуаций, возникающих в профессиональной среде. В данной статье мы рассмотрим опыт работы преподавателей со студентами направлений «международные отношения» и «сравнительное правоведение». Начнем с первого.

Учебный план направления «Международные отношения» включает базовые предметы, такие как этикет, протокол, международное право, международные конфликты, тем не менее, при освоении данных дисциплин рассматриваются лишь теоретические аспекты, в свою очередь, реальные практико-ориентированные ситуации и вопросы остаются вне зоны внимания как преподавателей, так и студентов.

Как следствие, в ходе изучения профессионально-ориентированного иностранного языка, преподавателям ESP приходится акцентировать

внимание не только на развитии языковой компетенции, но и глубоко прорабатывать профессиональные, экстралингвистические области знаний. ESP здесь выступает своего рода проводником, объединяющим предмет и язык в одно целое, позволяя решить коммуникативные задачи реального общения.

Подготовка любого выступления, будь это презентация, доклад, речь или дебаты требует не только специальных языковых знаний и умений, но и четкого понимания тех особых узкопрофессиональных реалий, свойственных той или иной области применения данных навыков. В течение всего периода обучения, при выполнении заданий на говорение, письменных работ и иных творческих проектов, мы стремимся максимально приблизить коммуникацию к ситуациям реального общения в профессиональной среде.

Однако, как показывает практика, студенты далеко не всегда воспринимают подобные задания с должной степенью внимания и скрупулёзностью к деталям, рассматривая такие задания как простую игру, а не как возможный вариант типичного общения в профессиональных кругах. Безусловно, игра способствует более продуктивному освоению материала, но, как правило, студенты воспринимают коммуникативные задания подобного типа как разминку, театральное представление, где ошибки допустимы и простительны, где важен процесс и участие, а не результат и соответствие принятым нормам этикета, букве закона, регистру, стилю.

В отличие от ролевых игр, ситуации реального общения, например, возникающие в процессе ведения переговоров на высшем уровне, требуют полного соблюдения всех процессуальных и процедурных норм, глубокого понимания политических процессов, владения профессиональной лексикой.

Право на ошибку на мероприятиях подобного уровня не допускается и может быть фатальным не только для конкретных переговоров, но и для страны и мира в целом.

В ходе анализа ранее проведенных мероприятий, как крупных, так и промежуточных, мы пришли к выводу, что необходима многоэтапная

подготовка, которая позволит студентам максимально адаптироваться к реальным ситуациям общения в профессиональной среде.

На примере Симуляции кратко попытаемся охарактеризовать процесс активизации нужных будущему дипломату знаний и умений, необходимых в ситуациях реального общения.

Как правило, подготовка включает несколько этапов, условно их можно разделить на:

- I. Содержательный;
- II. Лексико-грамматический;
- III. Процессуально – процедурный;
- IV. Организационный.

Все этапы взаимосвязаны и дополняют друг друга.

I. Содержательный этап определяет следующее:

1. Выбор темы заседания Совбеза ООН:

– студенты самостоятельно, но под руководством преподавателя анализируют наиболее актуальные вопросы международной политики.

– создается тема на форуме на платформе Moodle или беседа в сети в контакте, где студенты предлагают темы, доказывая обоснованность своего выбора, приводят аргументы, отстаивая свою точку зрения. Учитывается релевантность и актуальность предлагаемых тем.

– учащиеся голосуют за тему, которая была наиболее полно раскрыта, аргументирована и, по их мнению, является наиболее острой в данный момент времени.

2. Исходя из выбранной темы, обсуждаются страны-участники заседания. Студенты сами распределяют роли представителей стран участниц в группе, если возникает спор, подключается преподаватель. При недостатке ролей, вводятся дополнительные роли, например, журналистов, проводящих интервью по окончании заседания.

3. Самый трудоемкий и затратный по времени аспект подготовки – это анализ позиции страны – участника по обсуждаемому вопросу.

Анализ включает:

- историческую справку;
- предпосылки, причины, приведшие к обсуждаемой ситуации;
- международные нормы, касающиеся подобных ситуаций;
- международную практику;
- позиции лидеров данных стран;
- мнения экспертов.

4. Самостоятельное создание выступления-речи, в ходе которого используются ранее пройденные темы, лексика, грамматика.

II. Лексико-грамматический этап.

Итоговым результатом работы является речь участника заседания, как следствие, особое внимание при подготовке уделяется навыкам публичных выступлений и ораторскому искусству (public speaking skills and oratory techniques), а именно:

- изучению основных ораторских техник на примерах речей известных политических деятелей. Анализ письменных работ и видео выступлений позволяет оценить, систематизировать и классифицировать используемые языковые средства, используемые в официальных выступлениях.

- подготовке 2-х пробных коротких выступлений по заданной тематике. Далее каждый студент представляет свою речь перед аудиторией.

- оценке речей совместно с преподавателем, исходя из определенных ранее критериев (количество ораторских техник, наличие инверсионных и эмфатических конструкций, интонация, язык тела, особые грамматические конструкции, оригинальность, убедительность, эмоциональная составляющая, структурированность и связность речи).

- выбору лучшей речи, в дальнейшем, уже при подготовке финальной речи для заседания, студенты используют данный опыт как базу-платформу, учитывая ошибки, внесённые изменения и полученные в ходе обсуждения и анализа выводы.

III. Процессуально – процедурный этап.

Данный этап является одним из наиболее важных и необходимых при подготовке, однако, достаточно часто как студенты, так и преподаватели оставляют этот этап без должного внимания или совсем исключают из процесса подготовки. Владение процессуальными нормами, знание процедурных особенностей позволяет максимально приблизиться к ситуации реального общения, ощутить всю сложность, многокомпонентность и педантичную структурированность подобных высокоуровневых мероприятий. Неукоснительное следование процедуре, букве закона и правилам вплоть до мельчайших деталей помогает довести нужные навыки, умения, способности до автоматизма и избежать ошибок в будущем, в ситуациях реального общения.

На этом этапе студенты делают следующее:

- прорабатывают устав ООН, положения и иные документы, необходимые для заседания, анализируют видео и протоколы заседаний ООН;
- выписывают и классифицируют устойчивые выражения процедурного характера;
- составляют схему-план заседания;
- разбирают и тщательно анализируют протокол ведения данного заседания, повестку дня, поведение участников, регламент.

IV. Организационный этап.

Данный этап необходим, поскольку позволяет следить за своевременностью подготовки столь затратного по времени и масштабу мероприятия.

Распределение обязанностей помогает более продуктивно отслеживать процесс подготовки. Выбираются ответственные студенты по определенным направлениям:

- оформление приглашений почетным гостям и преподавателям соответствующих кафедр;

- распечатка резолюций, табличек с фамилиями, флагов и иной сопутствующей документации;
- встреча и сопровождение гостей;
- съемка на видео и фото носители;
- подготовка аудитории к мероприятию;
- соблюдение регламента мероприятия, дресс-код.

Ещё одним видом симуляционной деятельности является Moot Court – учебный судебный процесс, основная задача которого – закрепление основных языковых и профессиональных навыков у студентов направления «Сравнительное правоведение». Учебный судебный процесс проводится в виде судебного заседания в соответствии со всеми процессуальными нормами американских судебных заседаний.

Процесс подготовки точно также можно условно разделить на следующие этапы:

- I. Содержательный.
- II. Лексико-грамматический.
- III. Процессуально-процедурный.
- IV. Организационный.

I. Содержательный этап предполагает выбор дела и распределение ролей. Очень часто студенты выступают с предложением придумать своё дело, но от этой идеи лучше отказаться, так как, стремясь создать уникально-сложный кейс, студенты могут запутаться в уликах и свидетелях. Как вариант можно взять за основу громкое дело прошлых лет или поменять местами жертву и преступника (например, рассматривая дело O.J. Simpson, студенты сделали убийцей бейсболиста его жену, а не наоборот). Возникает вопрос в чем же интрига, если исход дела заранее известен? В суде присяжных. Задача всех участников выступить так, чтобы убедить 12 первокурсников принять их сторону (защиты или обвинения).

II. Целью лексико-грамматического этапа является изучение студентами не только вокабуляра, но и основных концепций и проблем,

рассматриваемых общим правом. В процессе изучения темы большое внимание уделяется рассмотрению и анализу кейсов, что также готовит студентов к суду.

III. Процессуально – процедурный этап направлен на ознакомление студентов со стадиями судебного слушания и ролью каждого участника, основным ресурсом, используемым на данном этапе, является страница Вашингтонской школы права (раздел Mock trial preparation).

IV. Организационный этап посвящен подготовке вступительных речей адвоката и прокурора, проведению процедуры отбора присяжных и рассылке приглашений гостям, кроме того, подготавливаются документы и улики, которые будут представлены в суде, назначаются фотограф, оператор и лицо, ответственное за письменный отчет о событии.

Таким образом, можно отметить, что организация и проведение симуляций позволяет студентам в полной мере понять значимость соблюдения норм этикета, протокола и регламента, осознать сложность и серьезность выступлений перед аудиторией, а также стать участником ситуации максимально приближенной к реальному общению, а не сторонним наблюдателем.

Вместе с тем, необходимо понимать разницу между ситуацией, максимально приближенной к реальному общению, и реальной профессиональной коммуникацией. В связи с этим, отметим следующее. 28 марта 2018 г. в ЮИ СФУ совместно с Университетом Лазарского (Польша) прошел круглый стол в режиме видеоконференции по теме «Россия – ЕС: сценарии развития отношений». Мероприятие было организовано кафедрой иностранных языков для гуманитарных направлений (ИФиЯК) и кафедрой международного права (ЮИ) СФУ. Экспертом с польской стороны выступил доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного управления университета Лазарского Спасимир Домарадский. В мероприятии приняли участие студенты 4 курса ЮИ СФУ, обучающиеся по направлению «международные отношения». В ходе

дискуссии, проходившей на английском языке, стороны обсудили возможные сценарии развития отношений между Россией и Европейским Союзом, отметив их сильные и слабые стороны. Особое внимание было уделено обострению российско-британских отношений в контексте событий в Солсбери. Были отмечены также положительные тенденции в двусторонних отношениях России с государствами-членами ЕС, в частности, перспективы проекта «Северный поток 2».

Важность данного мероприятия в том, что оно явилось первым опытом реальной профессиональной коммуникации для студентов четвёртого курса.

Подготовка к данному мероприятию осуществлялась в несколько этапов.

Первый этап.

Студентам было предложено ознакомиться с темой круглого стола, а также с материалами по данной проблеме. За основу была взята статья эксперта-международника А. Картунова «Россия и Европейский Союз: четыре сценария на будущее». Студенты были разделены на 4 группы в зависимости от того, в поддержку какого из сценариев выступала та или иная группа. Далее предполагалась работа непосредственно с материалами статьи, так как каждый из сценариев необходимо было перевести на английский язык.

Второй этап.

На данном этапе предполагалась самостоятельная работа студентов с источниками для более глубокого понимания проблемы и получения фоновых знаний, необходимых для обсуждения проблемы и ответов на вопросы. Также важным элементом стала аудиторная работа с вокабуляром, так как для эффективной профессиональной коммуникации необходимо владеть терминологией.

Третий этап.

Цель третьего этапа – подготовка доклада. Студенты были разделены на группы по три человека, с целью максимально полно и точно отвечать на вопросы, которые могли бы возникнуть в ходе круглого стола. При этом предполагалось, что с докладом будет выступать один человек. От студента требовалось не только правильно организовать свою речь и выступить с ней, но и уложиться в отведенное для этого время.

Четвёртый этап.

Заключительным этапом стало проведение самого круглого стола, во время которого от студентов требовалось, во-первых, организовать соответствующий формат мероприятия (работа председателя, представление каждой из сторон, рассадка, порядок выступления участников, вопросы и ответы, комментарии, выработка решения – в нашем случае – выбор наиболее вероятного сценария отношений между Россией и Европейским Союзом), и, во-вторых, использовать для межкультурной коммуникации профессионально ориентированную лексику.

Главный вопрос, на который нам нужно ответить – это «оказались ли студенты готовы к проведению подобного мероприятия?»

По нашему мнению, на этот вопрос можно ответить положительно. Прежде всего, необходимо отметить высокий уровень подготовки студентов в плане самоконтроля и самоорганизации. В формировании этих навыков, безусловно, неоценимую помощь оказывают симуляции, которые проводятся на более младших курсах. Именно благодаря симуляциям студенты повышают свой уровень знаний, получают опыт организации формальных мероприятий, знакомятся с форматом их проведения, в результате чего чувствуют себя более уверенными в реальной профессиональной коммуникации.

И еще один немаловажный вопрос – «Для чего нужна реальная профессиональная коммуникация студентам вуза?»

Во-первых, в целях профессиональной коммуникации необходимо не просто вести общение на английском языке, но и делать это в профессиональной среде, именно взаимодействие с экспертами помогает студентам оценить свой уровень профессиональной подготовки и владения языком.

Во-вторых, проведение подобного рода мероприятий – дополнительная мотивация для студентов изучать иностранный язык (реальная профессиональная коммуникация значительно интереснее для студентов, так как представляет собой определенного рода вызов – способность ответить на вопросы противоположной стороны, которые не были известны заранее и сделать это на иностранном языке без чьей-либо помощи).

В-третьих, реальная профессиональная коммуникация отличается от симуляции тем, что является интерактивной формой обучения. Данный вид деятельности позволяет студентам взаимодействовать с иностранцами, что априори сложнее. Одновременно формируются и их навыки аудирования и устной коммуникации на иностранном языке, так как необходимо не только слышать иностранную речь, но и понимать ее, чтобы эффективно поддержать диалог.

В-четвертых, такой вид деятельности значительно сложнее по сравнению с симуляцией, так как требует углубленных знаний по международной и региональной проблематике. И если при проведении круглого стола на уровне вуза в мероприятии обычно участвует вся группа или большая её часть, то при проведении профессионально-ориентированного круглого стола участвует меньше студентов, во многом по причине того, что недостаточно фоновых знаний (сделать ошибку или не ответить на вопрос перед сверстниками не так страшно, как перед иностранными коллегами). Так, при проведении круглого стола со студентами четвертого курса, в мероприятии приняли участие 16 студентов из 27 (59 %).

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что система образования в высшей школе должна способствовать улучшению качества подготовки квалифицированных и конкурентоспособных специалистов, поэтому при проведении различного рода интерактивных обучающих мероприятий необходимо двигаться в направлении от симуляции к реальной профессиональной коммуникации, при этом особое внимание должно быть уделено отбору тематического и языкового материала, это позволит вузам выпускать компетентных специалистов, способных представлять интересы своей страны в рамках межкультурного диалога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воевода Е.В. Основные направления профессионально ориентированной языковой подготовки специалиста-международника: монография. М., 2009. 212 с.
2. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995. 315 с.
3. Рябченко Н.Л. Теоретические подходы к профессиональной подготовке политологов-международников в аспекте межкультурной коммуникации // Вестник Университета. 2014. 17. С. 242–248.

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРЕССОУМЕНЬШАЮЩЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Аннотация: В статье рассматриваются стрессоуменьшающие образовательные методы, повышающие мотивацию и улучшающие когнитивные процессы обучающихся на примере преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: методы обучения, групповая коммуникация, эмоции, образное мышление

Abstract: The article deals with stress-reducing educational methods that increase motivation and improve the cognitive processes of students by the example of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: teaching methods, group communication, emotions, mental imagery

Установление новых социальных связей, новый распорядок жизни, интенсивный информационный поток, экзамены – всё это является стрессообразующими факторами для студента вуза. У иностранных студентов таких факторов ещё больше: новая страна, язык, культура, климат, еда, а также отсутствие непосредственной поддержки семьи и друзей, языковая изоляция в мультинациональных группах.

Преподаватели русского языка как иностранного, работающие со студентами ежедневно, имеют возможность снизить уровень стресса у студентов за счет методик, совмещающих психологические приёмы и приёмы обучения языку.

Стресс влияет на работу мозга и, соответственно, на эффективность обучения. Рассмотрим трехчастную структуру мозга, представленную в работах американского нейрофизиолога Поля МакЛина (Paul D. MacLean) (древний мозг, или рептилоидный мозг, лимбическая система и неокортекс) (Цит по: [Саган, 1986: 61]) и влияние стресса на каждую из частей.

Неокортекс отвечает за память, абстрактное мышление, понимание трехмерности пространства, речевые навыки и музыкальное восприятие, за разные виды когнитивных процессов, а также за волевые качества – делать что-то новое, изучать что-то новое, самосовершенствоваться.

Повышение уровня стресса «отключает» неокортекс и главенство перехватывает рептилоидный мозг, который «работает» только с физиологическими реакциями и который выдает всего три реакции: беги, бей или замри. И все это сопровождается выбросом гормонов стресса. Пока рептилоидный мозг не будет уверен в безопасности, он не даст возможность нормально функционировать другим отделам мозга.

Лимбическая система – это часть мозга, которая отвечает за эмоции. И эта часть мозга хочет все время покоя и удовольствий, т.е. тоже безопасности. Лимбическая система – проводник между неокортексом и рептилоидным мозгом в обе стороны. Что это значит? Это значит, что на эмоции мы можем воздействовать как со стороны тела (быть сытым, быть в тепле, быть выспавшимся, с нормальным уровнем двигательной активности, иметь безопасные социальные связи), так и со стороны неокортекса (воздействие внешней среды, такие как речь, музыка, визуальные образы) [Картер, 2014: 162].

Как только рептилоидный мозг и лимбическая система чувствуют себя в безопасности, так открывается возможность для работы неокортекса, в том числе более эффективное обучение языку. Конечно, это сильно упрощенная схема работы мозга, но помогает сориентироваться в методах работы.

Рассмотрим две категории методик.

Первая воздействует через так называемый рептилоидный мозг, то есть через тело и социальные связи.

Преподаватель и группа – это основная социальная группа для иностранного студента, поэтому преподавателям стоит уделить внимание, особенно на начальном этапе обучения, на мероприятия, формирующие

группу – чтобы студенты познакомились и могли поддерживать друг друга и на занятиях, и во внеучебное время. Это могут быть психологические игры и языковые игры на группообразование, чат группы в социальных сетях, командная классная и домашняя работа или в парах, дополнительные мероприятия как университетские, так и внутригрупповые. Важно найти общие точки соприкосновения каждого члена группы и преподавателя – чем быстрее парадигма «мы чужие, разные» изменится на «мы свои, у нас много общего», тем более безопасной будет ощущаться среда для студентов. Также преподавателю следует обратить внимание на свой стиль управления: в демократически организованных, в отличие от авторитарных, группах у членов группы более сильное чувство принадлежности к группе, а значит все процессы, происходящие в группе, в том числе образовательные, более эффективны [Левин, 2000: 275].

Организуя работу в круге, а не за партами, можно наблюдать следующее: студенты видят друг друга, лучше слышат, помогают, подсказывают, подбадривают. Нестандартная организация элементов учебного процесса (например, коммуникативные задания, выполняемые стоя в кругу) делает студентов более сосредоточенными на занятии и более коммуникабельными. Запоминание происходит лучше, если подключается работа тела – студенты имеют возможность двигаться, подходить друг к другу, прикасаться, смотреть в глаза. Также улучшается межгрупповая коммуникация (в том числе и с преподавателем) – студенты даже на начальном этапе обучения могут шутить на русском, знают слабые места друг друга и поддерживают в сложных моментах, исправляют ошибки или, наоборот, не исправляют, а запутывают, некоторые показывают знание более сложных слов и конструкций, что стимулирует остальных эти слова запоминать. Количественное разнообразие коммуникаций говорит об улучшении качества.

Преподавателю важно знать, в какой культурной среде находятся студенты, чтобы иметь возможность обращаться к ним через музыку, через

фильмы и видеоклипы, через интернет-культуру, в которой находятся студенты. Очень сложно находить культурные точки соприкосновения, если между преподавателем и студентом большая разница в возрасте, или имеются значительные различия в культурах. И в данном случае не так важно разделять культурные интересы студентов, сколько важно проявлять интерес и с уважением относиться к инаковости как национальной, культурной, так и возрастной.

Также необходимо находить актуальные культурные пересечения – студенты проявляют большой интерес к современной русской культуре. Студенты хотят слушать русскую музыку и смотреть русские фильмы. К преподавателю, который ориентируется в современной русской культуре, который может подобрать сообразно вкусу студентов музыку и фильмы, использует в обучении элементы интернет-культуры (демотиваторы, гифки, комиксы и т.д.), повышается уровень доверия вообще, формируется привязанность – особые отношения, внутри которых студенты-ведомые чувствуют себя в безопасности, находясь рядом со значимым взрослым-преподавателем [Ньюфелд, 2012: 251].

Ощущение безопасности у любого человека возникает тогда, когда он нужен, его потребности важны, когда о нем проявляют заботу и когда он испытывает хорошие эмоции.

Преподавателю следует обращать внимание на физическое состояние студентов: проветривать аудиторию, следить за уровнем освещенности, делать регулярные перерывы, чередовать сидячую работу с подвижными играми и творческими заданиями, менять локации для занятий (делать выездные занятия в музеях, театрах, кафе и на других общественных площадках).

Вторая категория методик задействует эмоции и образное мышление и воздействует на лимбическую систему.

При событиях, которые переживаются позитивно-эмоционально, а также имеют несколько ярких сенсорных стимулов, мозг стремится

повторить, а значит, увеличивается шанс на то, что это лучше отложится в долговременной памяти [Картер, 2014: 164]. Когнитивные системы склонны к позитивной информации: она обрабатывается более эффективно и помнится лучше и дольше, чем негативная [Зайнуллина, 2012: 490].

В обучении преподаватель может использовать музыку, фильмы, видео, нравящиеся студентам.

Однако готовые медиапродукты воспринимаются пассивно. Активные творческие задания могут быть как в интернет-пространстве – студенты с воодушевлением снимают видео и делают слайд-шоу, общаются в соцсетях, так и в пространстве ручного творчества. На занятиях можно наблюдать, что студенты стесняются проявлять себя в творчестве самостоятельно, но очень позитивно воспринимают задания по шаблону: раскрасить картинку с цифрово-цветовым шифром, вырезать снежинку из бумаги в рамках занятий по лексике на тему «зима», нарисовать монстра по описанию и т.д. Активные творческие занятия актуализируют самоощущения студентов «я делаю, я могу, у меня получается» и сопровождаются большим количеством позитивных эмоций, мотивирует на дальнейшее обучение, пробуждает любопытство [Вайгль, 2016: 84].

Еще одним методом является использование игр, подвижных и настольных. Подвижные игры задействуют не только эмоции (вызывают азартность, веселье, соревновательность), но и тело. Назову лишь несколько игр, используемые на занятиях, это всем известные «Снежный ком», «Крокодил», игры-данетки, но стоя на ногах в кругу; еще одна игра подходит при изучении глаголов движения, форм императива и лексики пространства, условно назову ее «Лабиринт»: студенты играют в парах, один из игроков с завязанными глазами выполняет команды второго игрока в пространстве, где сделан лабиринт из стульев или скомканной бумаги и т.д.

Настольные игры более осуществимы в рамках аудиторных занятий, и более разнообразны – в настоящее время существует множество механик настольных игр, и многие можно адаптировать для занятий по Русскому как

иностранному. Помимо традиционных игр на основе лото, домино и бинго, можно использовать «Имаджинариум», «Свинтус», «Соображарий» и другие.

Подача материала преподавателем также может воздействовать на эмоции – чувство юмора, смелость одеться, как светофор, при изучении цветов, смелость артистично показать значение слова – это тоже является стрессоуменьшающим фактором для студентов – если в социальной группе кто-то ведёт себя расслабленно и непринужденно, то «эффект зевания» воздействует на всю группу [Пырьев, 2012; 235], а образные примеры с применением реальных предметов помогают создать больше связей, способствующих запоминанию. Для примера, попробуйте объяснить отличия глаголов лежать и стоять, используя деньги, когда монета / банкнота стоит и лежит.

Образное мышление задействуется, когда при структурировании информации используются нестандартные методы с элементами творчества. При работе с лексикой используются ментальные карты (mind map). В ментальных картах удобно не только формировать лексические группы, но и актуализировать тематические глаголы и прилагательные, а также выстраивать план рассказа по теме. Преимущество ментальных карт также в том, что информацию можно не только записывать, но и зарисовывать. Воздействие через разные каналы восприятия улучшает когнитивные способности [Хмылёв, 2015; 70–71].

Второй пример: итоговые занятия, обобщающие, например, значения падежей. На занятиях студентам было предложено схематически изобразить общий смысл каждого падежа. Перевод вербальной информации на язык картинки-схемы задействует другие части мозга и также способствует лучшему запоминанию.

Ещё одним способом, облегчающим запоминание и понимание логики русского языка, это когда студент сам ищет путь решения проблемы, что называется автономией обучающегося.

Преподавание грамматики русского языка обычно предполагает схему «преподаватель объясняет правило – студент учит правило и применяет». В этой схеме у студентов нет возможности «открыть» правило самостоятельно. Хотя самостоятельный поиск решения улучшает когнитивные способности студентов.

В середине учебного года мною был опробован этот метод при изучении родительного падежа (СФУ, подготовительное отделение для иностранных обучающихся ИФиЯК, первый семестр, многонациональная группа студентов, изучающая русский язык первый год). Студенты уже знали предложный и винительный падежи, образование формы множественного числа существительного. К этому моменту, они заучили фразы про возраст и как считать деньги. Студентам было предложено называть существительные, которые были записаны в таблицу на доске в родительном падеже. Студенты смогли определить, что в родительном падеже изменение окончаний зависит от рода, но не зависит от одушевленности и неодушевленности, как в винительном падеже. Они смогли увидеть пары окончаний (например, -ев\ -ов) и появление беглых гласных во множественном числе.

Родительный падеж очень сложный, но такая форма работы помогла сформировать грамматический скелет, на основе которого легче заучить исключения. И правило, сформулированное самостоятельно, также запоминается лучше.

Лимбическая система «любит» рутину, предсказуемость – значит, в структуре занятия должны быть опорные, повторяющиеся точки, которые не будут сюрпризом для студента. А также должно быть прозрачным будущее – озвучен план на день, на неделю, на месяц, на год. Предсказуемость обучения позволяет студентам иметь больше контроля над своей жизнью, что также повышает ее уровень и снижает уровень стресса.

И, конечно, недопустимо применять неэтичные методы воздействия, которые вызывают страх, т.е. которые усугубляют стресс (крик, оскорбления, запугивание экзаменами и пр.), так как это ведёт к нарушению работы

лимбической системы (гибель клеток гиппокампа, выброс большого количества гормонов стресса), в частности, ухудшаются способности к изучению иностранных языков [Матвеевко, 2017; 623].

Для того, чтобы иметь ресурсы для выхода из зоны комфорта, чтобы появилась энергия дерзновения и любопытство, позволяющая изучать новое, человек должен какое-то время находиться в зоне комфорта, в зоне положительных эмоций.

И непосредственная педагогическая задача преподавателя – создать безопасную и эмоционально позитивную среду для своих студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вайгль А. Роль психологии в овладении учебным материалом (на примере обучения иностранным языкам) // Педагогический ИМИДЖ. Раздел «Психологические науки». №4 (33). Октябрь-декабрь 2016. С. 83–90.
2. Зайнуллина Л.М. Некоторые аспекты исследования эмоций // Вестник Башкирского университета. 2012. Т.17. №1(1). С. 486–491.
3. Картер Р. Как работает мозг: пер. с англ. М: АСТ, CORPUS, 2014. 224 с.
4. Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. СПб., Речь, 2000. 368 с.
5. Матвеевко В.Э. Роль гиппокампа в развитии би-, полилингвизма // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Vol.14. №4. С. 621–626.
6. Ньюфелд Г., Матэ Г. Не упускайте своих детей: пер. с англ. М: Ресурс, 2012. 384 с.
7. Пырьев Е.А. Эмоции в системе психического отражения и мотивации поведения человека // Вестник ОГУ №2 (138), февраль, 2012. С. 232–236.
8. Саган К. Драконы Эдема: Рассуждения об эволюции человеческого мозга: пер. с англ. М: Знание, 1986. 256 с.
9. Хмылёв В.Л., Кондрасюк В.А. Коммуникативные стандарты интенсивности когнитивного резонанса // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 66–72.

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ АНГЛОГОВОРЯЩИХ УЧАЩИХСЯ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Статья посвящена особенностям обучения предложно-падежной системе иностранных учащихся, описаны основные трудности, с которыми сталкиваются англоговорящие учащиеся, а также причины их возникновения.

Ключевые слова: падежи, система, английский язык, русский язык, особенности, трудности

Abstract: This article is devoted to the peculiarities of teaching the prepositional-case system of international students. The main difficulties faced by English-speaking students, as well as the reasons for their occurrence are described.

Keywords: case, system, English, Russian, features, difficulties.

Владение любым иностранным языком основывается на теоретических знаниях и практическом их использовании на всех языковых уровнях (фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом).

При знакомстве с русским падежом, его грамматическими формами, функционированием в речи, иностранный учащийся развивает у себя лингвистическую компетенцию. Грамматические формы тренируются в речи, что ведет за собой развитие речевой компетенции и затем иностранные учащиеся самостоятельно строят различные ситуативные высказывания, играют роль продавца, врача, заведующего общежитием и т.д. и формируют у себя коммуникативную компетенцию.

Специфика обучения англоговорящих учащихся предложно-падежной системе русского языка состоит в том, чтобы обучить студентов основным падежным значениям, падежным формам употребляемых существительных в речи и на письме, что вызывает некоторые трудности у иностранных учащихся на различных этапах изучения данной морфологической категории.

Оптимальный путь ознакомления с падежной системой русского языка состоит из нескольких этапов работы над усвоением и закреплением в памяти, а затем и отображением в речи грамматического материала:

- представление грамматического материала;
- формирование речевых грамматических навыков и доведения их до автоматизации в устной речи;
- развитие речевых умений иностранных учащихся при использовании заданий с коммуникативной направленностью (ролевые игры, речевые ситуации).

В зависимости от работы в моно- или многонациональной группе, национальной принадлежности иностранных учащихся, их уровня владения русским языком, преподавателю нередко приходится «застревать» на одном из этапов изучения падежной системы и это может быть продиктовано следующими причинами:

- 1) различием в системе падежей;
- 2) особенностями предложного управления;
- 3) трудностями в глагольном и именном управлении

В нашем случае, применительно к обучению предложно-падежной системе англоговорящих учащихся, важно обратить внимание иностранных учащихся на следующие факторы:

- 1) особенности построения английской и русской падежных систем

В английском языке исследователями выделяются два падежа существительных: общий падеж (Common Case) и притяжательный (Possessive Case) или общий падеж и родительный. Данная точка зрения изложена в работах исследователей А.И Смирницкого (1959), Л.С Бархударова (1975) и др., а также в грамматиках английского языка: В.Л. Каушанской (2008) и др.

В Образовательной программе по русскому языку как иностранному (Элементарный уровень, Базовый уровень, Первый сертификационный

уровень) представлены основные значения падежных значений от элементарного до I сертификационных уровней (2001).

На базовом уровне: отношения между существительными и другими словами в предложении выражаются следующим образом:

1. Отношения, передаваемые в русской падежной системе в значениях:

– идентификация лица, предмета (Мою сестру зовут Лена. Газета называется «Сегодня» выражается существительным в притяжательном падеже: *My sister's name is Lena* или общем падеже: *The news paper is called «Today»*); лицо, предмет необходимости: Мне нужна эта книга. *I need this book*; событие, действие, явление во временной фазе: Экзамены начнутся в январе. *Exams will be gin in January*); физическое, эмоционально состояние (У меня болит голова: *I have a headache*; с предлогом *in* в значении объект интереса: Меня интересует литература. *I am interested in literature*). [Есина, 2001: 45-46].

На первом сертификационном уровне: в общем падеже: лицо, предмет, испытывающий воздействие: Здание строится давно. *The building is built for along time*; природные, социальные явления в их фазовом развитии: Дождь прекратился. *The rain had stopped*; лицо, предмет, испытывающий изменение состояния: Характер молодого человека изменился. *The character of a young man is changed*; лицо, выражающее чувство, состояние, интересы: Мать заботится о детях. *Mother cares for her children*; объект интереса, чувства: Меня заинтересовал этот человек. *I am interested in this man*. [Там же, 2001: 47].

Это связано с тем, что в русском языке падежные значения представлены употреблением с предлогами в определенном падеже, а в английском одинаковые предлоги могут обозначать разные значения, отсюда и 2 трудность: особенности предложного управления.

Иностранец может не различать, с каким предлогом употреблять тот или иной падеж. Одной из причин являются особенности выражения значений у предлогов в русском и английском языках.

Как отмечают исследователи, большинство предлогов многозначны, один и тот же английский предлог может выражать различные отношения: *to sit by the window* – пространственное отношение (нахождение рядом), *to come by 6 o'clock* – временное отношение и т.д. [Бархударов, 1960: 257].

Или, например, предложный падеж в значении местонахождение лица, предмета употребляется с предлогами *in, on* и переводится в английском языке с помощью предлогов *at* (Иван работает в школе. *Ivan works at a school*; *on*: Книги на столе. *Books on the table*; *in*: Он в классе. *He is in the classroom*. Нередко, употребление того или другого предлога зависит от глагола.

В русском языке глагол *смотреть* часто требует после себя употребления винительного падежа без предлога: *смотреть что* (фильм) или предлога: *смотреть в окно, смотреть за ребенком* (за кем?) в английском языке: *to look at* – «смотреть на»; *to look after* – «присматривать за, заботиться о»; *to look for* – «искать, кого-л., что-л.».

Некоторые глаголы в английском языке, употребляемые с определенными предлогами, в русском языке не требуют после себя предлога. Как, например, *ждать: встречи* (Р.п.), *подругу* (В.п.): *to wait for*; *слушать музыку* (В.п.): *to listen to music*; *объяснять кому-то что-то* (Д.п.): *to explain to smb* и с предлогами: *to answer the question*: *отвечать на вопрос* (В.п.); *to play the piano*: *играть на пианино* (П.п.) и т.д.

Таким образом, если в английском языке предлоги являются средством выражения отношений существительного к другим словам в предложении, то в русском языке эти отношения передаются падежными окончаниями при предложном или беспредложном управлении. Отношения, которые в русском языке передаются существительным в предложном падеже, в английском языке выражаются различными предлогами (*about, in, on, at, from, etc.*) в сочетании с существительным в значениях: объекта

речи, мысли: Мы говорили о спорте. We talked about a sport или без предлога при обозначении временного промежутка: В следующем году я поеду на родину. Next yerI'll go to my native country.

На этапе ознакомления англоговорящих учащихся с падежными формами окончаний существительных у некоторых из них возникают различного рода трудности, например, в английском языке только в притяжательном падеже прибавляется апостроф -s, при этом в русском языке это будет: the student's book-книга студента, the classmates' books-книги одноклассников.

При переводе на русский язык меняется порядок слов: дословный перевод студента книга и одноклассников книги, нарушается синтаксическая связь в словосочетании, появляется 3 трудность в именном и глагольном управлении.

Мы поддерживаем точку зрения исследователя М.В. Холодковой, что целесообразнее всего знакомить учащихся с глагольным и именным управлением с указанием падежного номера, обращаясь к склонению существительных. [Холодкова, 2012: 276].

Таким образом, например, уже на элементарном уровне преподаватель может обозначать падеж с помощью цифры и глагола, который требует после себя определенного падежа, как например, глагол любить +кого?, что? (4) при построении фразы выглядит следующим образом: кто+ (не) глагол +4+что? Он любит шоколад или он не любит шоколад; кто+глагол+ 4+ кого? Она любит маму и кому (3) + глагол нравится +4 и кто (1) +любить+кого?, что? (4). Особенно актуально разграничение данных глаголов для англоговорящих учащихся. Как показывает практика, выражение I like football – Мне нравится футбол приводит к ошибкам в дательном падеже: я нравится футбол, и I love football –я любить футбол и т.д.

Применение сопоставительного анализа русского и английского языков на этапе ознакомления с русской падежной системой приведет к

более быстрому пониманию этой морфологической категории у англоговорящих учащихся. Вместе с тем, при закреплении данного грамматического материала целесообразным представляется использование видов работы коммуникативной направленности (Ситуация: Вы приехали в незнакомый вам город и хотите поехать на экскурсию. Ваш друг-экскурсовод. Спросите, что и где находится в этом городе и т.д.) и «погружение» в логику русского языка, как например учить иностранных учащихся не простому запоминанию употребления предлогов В и НА в предложном падеже, а формированию определенных грамматических навыков, как например, употребление существительных в предложном падеже в значении места: при обозначении средства передвижения: на машине, на поезде, на самолете, на такси, на метро, на автобусе, на трамвае, на троллейбусе, но на вопрос: ты где? (нахождение в определенный отрезок времени) мы отвечаем: я в машине, в поезде и т.д.

Такой подход к изучению падежной системы русского языка поможет пониманию и запоминанию основ теоретического материала, необходимого для приобретения практических навыков при овладении предложно-падежной системой. Для того, чтобы правильно использовать в своей речи систему падежей русского языка, иностранному учащемуся необходимо понимать, что означает каждая падежная форма, какие предлоги используются, какого падежа требует тот или иной глагол при именном и глагольном управлении, и что обозначает данный падеж.

Таким образом, применение сравнительного анализа двух языков, систематизация ошибок иностранных учащихся и использование различных типов упражнений: от грамматических до коммуникативных помогут уменьшить количество ошибок в использовании предложно-падежной системы русского языка в устной и речевой формах общения как в учебной, так и во внеучебной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: «Междунар. отношения», 1975. 240 с.
2. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1960. 257 с.
3. Грамматика английского языка: пособие для студентов педагогических институтов / В.Л. Каушанская [и др.]; под ред. В.Л. Каушанской; 5-е изд., испр. и доп. М.: Айрис-пресс, 2008. 384 с.
4. Капитонова Т.И., Московкин Л.В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. СПб.: Златоуст, 2006. 272 с.
5. Образовательная программа по русскому языку как иностранному
Элементарный уровень Базовый уровень Первый сертификационный уровень
/ З.И. Есина [и др.]; под ред. З.И. Есиной; Изд-во Москва, 2001. С. 45–47.
6. Смирницкий А.И. Морфология английского языка М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. 440 с.
7. Холодкова М.В. Преподавание русской падежной системы существительных в англоязычной аудитории: проблема интерференции и пути ее решения // Вестник ТГУ, выпуск 4 (108), 2012. С. 275–278.

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ
ЗАДАНИЙ (ЦИФРОВОЙ РАССКАЗ / СТОРИТЕЛЛИНГ)
С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ
В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
ДЛЯ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

Аннотация: В статье рассматривается понятие цифрового сторителлинга, эффективность его использования в проектировании и реализации аудиовизуальных заданий с применением интернет-технологий в преподавании иностранного языка для нелингвистических специальностей, дается обзор основных инструментов.

Ключевые слова: цифровой сторителлинг, иностранный язык для нелингвистических специальностей, информационно-коммуникационные технологии.

Abstract: The paper deals with the concept of digital storytelling, its effectiveness as an Internet-based technology for developing and implementing audio-visual tasks into teaching English for non-linguistic students. The overview of some basic design tools and instruments is also given.

Keywords: Digital Storytelling, English for non-linguistic students, Information and Communication Technologies.

Современная информационная среда представляет собой не просто хранилище информации, а является платформой, позволяющей участникам самим формировать разнообразный контент. Наряду с этим, изменения в образовании также нацелены на смещение роли учащегося от пассивного потребления знаний к активному участию в поиске, редактировании и создании учебного контента. Современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) активно внедряются в процесс обучения. При этом, несмотря на то, что не все они были изначально созданы для образовательных целей, многие педагоги видят и успешно развивают их учебный потенциал. Прежде всего, веб-технологии обладают безграничными коммуникационными возможностями (для обмена информацией, идеями, ресурсами), возможностями для сотрудничества, а также для коллективного создания чего-то нового, чем можно поделиться с другими.

Понятие цифрового сторителлинга

Одним из современных веб-инструментов, обладающих коммуникационным и генеративным потенциалом, является цифровой рассказ или цифровой нарратив. Данное понятие сравнительно недавно вошло в речевую практику как заимствование английского Digital Storytelling. И хотя уже существует определенный опыт в использовании данного инструмента в преподавании, в отечественной методике до сих пор не существует единообразия в используемой терминологии. Так, при определении данного понятия можно встретить такие термины, как «интерактивные повествования», «цифровые документальные фильмы», «цифровые эссе», «электронные воспоминания», «компьютерные рассказы». Однако, несмотря на такое многообразие определений, можно проследить единую методологическую основу, которая заключается в «идее объединить искусство рассказывать истории с помощью различных цифровых мультимедиа, например, изображения, аудио и видео» [RobinR, 2006].

Помимо цифрового, существуют устный и письменный сторителлинг. Каждый из них обусловлен собственной спецификой и сферой использования, в том числе и в образовательных целях. Устный сторителлинг в настоящее время приобретает большую популярность в публичных выступлениях и презентациях, где важна эмоциональная составляющая. Письменный сторителлинг активно применяется в медиа. Цифровой же сторителлинг, что отражено в его названии, объединяет рассказываемую историю с разными видами цифрового контента, такими как визуальный ряд, аудио, графика, мультимедиа, анимация, спецэффекты и так далее.

Что касается содержательной составляющей, согласно Bernard R. Robin, цифровые рассказы классифицируются, как:

- рассказы от первого лица (о себе, об интересных местах, событиях, о работе, отношениях, открытиях в нашей жизни, о преодолении трудных жизненных ситуаций);

- рассказы об исторических событиях;
- рассказы, содержащие информацию, инструкции, правила, предписания из различных научных областей.

Применение цифрового рассказа в обучении иностранному языку

Когда мы говорим о внедрении изначально не учебной технологии в практику преподавания, естественным образом возникает вопрос о том, как и зачем ее можно использовать в образовании. А также какие задачи поможет решить данный инструмент в преподавании иностранного языка.

По мнению Н. Barret, применение цифровых рассказов на занятиях способствует слиянию четырех личностно-ориентированных технологий: содействует активности обучающихся, рефлексии, реализует проектное обучение и интегрирует современные информационно-коммуникационные технологии в процесс обучения [Barret Н, 2006].

Помимо этого, применение данной технологии имеет очень сильное мотивирующее влияние на студентов, так как дает им свободу самовыражения и творчества. Безусловно, необходимость презентовать свою историю на английском языке может представлять определенную сложность для некоторых студентов. Однако, мотивировать может сама возможность выйти за пределы аудитории и учебного английского языка, который в этот момент становится именно средством общения, а не целью преподавания.

По мнению Н.В. Маняйкиной и Е.С. Надточиной, создание мультимедийных продуктов на основе цифрового сторителлинга в школе и вузе способствует развитию универсальных учебных умений: творчески и критически мыслить, работать с информацией с использованием цифровых технологий, эффективно использовать устную и письменную коммуникацию, работать в сотрудничестве, создавать проектные работы [Маняйкина, Надточева, 2015: 6].

Технологии для составления цифровых рассказов

Цифровой рассказ представляет собой небольшой (3-5 минут) медиафайл, включающий в себя визуальный ряд и закадровое звуковое

сопровождение, снятый и записанный пользователем-непрофессионалом, в нашем случае, учащимся или группой учащихся. Такой медиапродукт может быть представлен в виде видеоролика, презентации, анимации, видеомонтажа, веб-страницы. Среди самых популярных инструментов для создания цифрового рассказа можно выделить:

- Power Point, либо Prezi (презентации с текстом, звуком, мультимедиа);
- Microsoft Photo Story (слайд-шоу из фотографий с текстом, голосовым сопровождением, музыкой);
- Windows Movie Maker (киностудия для редактирования видео с базовым набором опций).

Результат своей работы студенты могут продемонстрировать на занятии с последующим групповым обсуждением увиденного, выложить на различные хостинги в Интернете или в социальные сети, отправить в банк цифровых рассказов (Centre for Digital Storytelling), либо разместить в электронном курсе учебной дисциплины.

Практическое использование метода цифрового сторителлинга в проектной деятельности

Данный вид работы может успешно применяться в рамках проектной методики, так как алгоритм его создания использует принципы проектирования, а именно:

- выбор темы, обсуждение сценария, определение сроков представления результата;
- определение состава исполнителей (групповая либо индивидуальная деятельность);
- создание сценария/истории;
- подбор визуального и аудиоматериала;
- монтаж;
- представление финального продукта.

В рамках практической реализации данного вида проекта студентам Военно-инженерного института и Института инженерной физики и радиоэлектроники Сибирского федерального университета было предложено создать цифровой рассказ, основой для которого послужили задания в учебнике, направленном на развитие навыков English for Specific Purposes (ESP), связанных с их будущей профессиональной деятельностью. Выбранные задания были достаточно наглядны, однако, метод цифрового сторителлинга позволил сделать их визуализированными, то есть привлечь самих студентов к созданию учебного материала с использованием средств визуализации.

Студентам Военно-инженерного института было предложено снять на видео и озвучить на английском языке инструкцию по сборке и разборке автомата, что позволило использовать английский язык в их профессиональной деятельности в реальных условиях.

Студенты Института инженерной физики и радиоэлектроники СФУ сняли видео, используя технологию сторителлинга, в котором представили так называемые «лайфхаки», комментируя свои действия на профессиональном иностранном языке.

Здесь необходимо отметить, что данный вид задания предполагает высокую долю самостоятельной работы в ходе реализации проекта. Так, из вышеуказанных этапов, участие преподавателя предусматривалось только на этапе обсуждения содержания и на финальном обсуждении продукта. В результате совместного просмотра и обсуждения результатов студенты давали свои комментарии к увиденному, а также сформулировали критерии успешного с содержательной и с технической точки зрения цифрового рассказа.

Заключение

Использование цифрового сторителлинга на занятиях по иностранному языку может содействовать мотивации обучающихся, стимулировать их творческую активность, повысить уровень иноязычной и

информационной компетентности. Данный вид задания может также успешно применяться в рамках проектной методики, позволяя студентам пройти все этапы проектирования, а также содействовать развитию профессиональной иноязычной компетентности. Использование цифрового повествования поможет сформировать «грамотность двадцать первого века», которая включает в себя универсальную, культурную, цифровую, визуальную и техническую грамотность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маняйкина Н.В., Надточева Е.С. Цифровое повествование: от теории к практике // Педагогическое образование в России. 2015. № 10. С. 6064.
2. Barret H. Researching and Evaluating Digital Storytelling as a Deep Learning Tool. [Электронный ресурс]. 2006. URL: <http://electronicportfolios.org/portfolios/SITESTorytelling2006.pdf>.
3. Robin B. The educational uses of digital storytelling // Proceedings of the Society for Information Technology and Teacher Education International Conference. 2006. PP. 709–716. [Электронный ресурс]. 2006. URL: <http://faculty.coe.uh.edu/brobin/homepage/Educational-Uses-DS.pdf>.

ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

АНГАРСКИЙ ОХОТНИЧИЙ НАРРАТИВ

В этом номере «S_L» вниманию читателей вновь предлагаются охотничьи рассказы, которые были записаны в 2018 году в Кежемском и Богучанском районах Красноярского края. Эта территория отличается тем, что на ней значительной степени сохраняются особенности традиционной культуры, которая отражается в старожильческом сибирском говоре и ангарском региолекте. Охотничьи нарративы, или повествования о том, что некогда «что-то произошло», занимают особое место в лингвокультуре Северного Приангарья. Исторически охота была одним из основных занятий местных жителей. В сибирской тайге издавна добывают пушного зверя, сохатого, утку и рябчика, глухаря и тетерева. Большую роль в становлении сибирского характера продолжает играть, как в былые времена, медвежья охота, которая требует от мужчин особенной смелости, силы и смекалки. Не случайно участие подростков в медвежьей охоте и сегодня сродни обряду посвящения во взрослую жизнь. Под руководством близкого родственника, обычно отца, начинающий охотник нередко попадает в опасную ситуацию, когда он должен проявить лучшие качества сибиряка: хладнокровие, смелость, чувство локтя.

С охотой связано множество ритуалов и традиций. В одном из приводимых ниже рассказов говорится о том, что охотники суеверны и боятся «черного глаза». Каждый из рассказов разворачивается по типичному нарративному сценарию, который может стать предметом исследования для специалистов в области коммуникативной диалектологии и лингвистической нарратологии. Информативны охотничьи рассказы старожилов Северного Приангарья и для исследователей региональной ценностной картины мира, а также для тех, кто изучает процесс трансформации ангарских говоров.

О.В. Вязовикина

Охотничьи рассказы жителей Кежемского района Красноярского края

ПРО ОХОТНИЧЬЮ СОБАКУ

– Легче корову убить, продать, чем собаку. У меня же и коровы, свиней, лошадь держал. Была у меня собака Верный. Но я его всегда Сундуком звал-та.

[– Почему? – Собир.]

– Старый стал. Я говорю: «Слушай. Убивать его жалко»... Да куда же молодых, молодых кобелей, а они учатся от него. Сундук научит, как на соболя там, на белку, как на сохатого (неразб.) тем более. Я медведя когда убивал, три собаки всего держало его, а остальные, *молодьё-то*, расселились, они пару раз-та, они в разные стороны. Медведя, когда убил его, между глаз, полез оттуда вытаскивать и всё Сундук этот, пёс верный, не зря я его Верным назвал. Его у меня воровали, собаку эта-та, знаешь, воровали собаку-та, он, привязали его временно (неразб.) бельевая-та веревочка, он её перекусил и пошёл ко мне (неразб.) с огрызком-та веревки, я ему: «Никому в руки не давайся». Он на привязи, никого не подпускал его к дому.

Я всегда считал, что собака умнее человека, ведь охоту кто красит? Человек что ли? Это собаки красят-та. А я их по 5, по 6 держал, чтобы замена-та была (Кеж.: Кодинск, 2018).

Записано О.В. Фельде в 2018 г. в г. Кодинске Кежемского р-на от Карнаухова Николая Михаловича, род. в 1952 г. в с. Паново Кежемского района Красноярского края.

ПОДРОСТОК НА МЕДВЕЖЕЙ ОХОТЕ

– Меня один раз отец отправил к медведю в берлогу. Живому медведю в берлогу... Я ещё сколько... Мне лет тринадцать, наверное, было... берлогу искать медвежью. У нас ещё зять был, ну, у сестры муж. Ну, собаки залаяли. Папа говорит: «Я щас пойду посмотрю, чё там это..., –

говорит, – вы меня пока здесь подождите на дороге». Приходит минут через пять, наверное, где-то, говорит: «Это...берлогу нашли. Пойдём добывать». Ну, а я ещё ни разу как бы это не участвовал в добыче так. Ну, и Вася тоже... Вася, по-моему, не был ни разу. Подошли. Ну, такая куча снега там, собаки лаят в эту берлогу. Папа нам щас задания распределяет: мне говорит: «Ты свой на... всегда на это... на стрёме как бы, не стреляй, пока я не скажу, что если у всех патроны уже кончатся, потом ты будешь стрелять. А Вася будет там *затычки* в берлогу кидать, чтоб его разбудить. Ну, чтоб он вышел оттуда». Всё. Папа тоже, как бы папа тоже за карабин, у него там двенадцать патронов. Ну, всё. Вася стал там жерди срубать такие небольшие, и туда в берлогу закидывать, чтоб он зашевелился. А у нас ещё собака молодая была кобель, он туда подбегает прям в берлогу, туда в эту дыру и начинает туда лаять, голову заталкивает. Папа ещё говорит: «Зря он так делает». Ну, обычно так рабочая собака не делает. Говорит: «Близко подскачешь, щас медведь задёрнет». Только проговорил...И всё! Её медведь – раз и задёргивает туда в эту берлогу... собаку. Ну и всё, папа тут через землю давай уже стрелять. Ну, уже чё поделаешь. Собаку жалко как бы, уже на нервах всё. Проходит где-то... Ну, минута, наверное, прошла – раз – этот кабель обратно вылетает. Медведь этот оттуда выкидывает. И всё, и он так улетел через нас туда взад получается. Папа меня спрашивает: «Чё там с собакой?» Ну, сам смотрит на берлогу, ему отворачиваться нельзя. Я говорю: «Вроде живой, вижу, что в крови немного, а так вроде живой». Ну, и всё – раз эта *медведИца* высовывается сюда на улицу. Только голову высунула, папа в неё стрельнул раза два, наверное. Всё – она сразу туда обратно. И всё как бы, ну, ничё никто не шевелится, никто никуда не ползёт. Папа говорит: «Наверное, всё». «Пар, – говорит, – пошёл с берлоги, значит всё, она это...дОбыли её».

Ну, всё тут как... Подошли чуть-чуть поближе, смотрим: вроде всё как бы, дОбыли медведя. Щас его надо оттуда как-то доставать: он же чё туда провалился обратно. Папа мне говорит: «Ты бери верёвку, туда залазь с

верёвкой, там подцепишь, и мы тебя потом вытащим, потом медведя». Ну, я чё как бы...первый раз... думал, так и надо: взял верёвку, короче, туда залез. Ну, папа сказал: «Надо делать». Ну, чё поделаешь! Ну, страшно, конечно, было ... чё в берлоге туда ползти к медведю, кто его знает: может, ещё живой. Залез там так...на ощупь голову нащупал, там верёвку завязал. Они меня за ноги вытащили. И это... *МедведИцу*-то щас вытаскиваем оттуда, ну, и давай тут её шкуру с неё снимать, *беловать* начали. А там получилось как-то, что одна... Одна палка, которую Вася закидывал, она там ещё осталась в берлоге. И мы щас тут с медведем с этим разбираемся, смотрим: палка эта зашевелилась. Вася говорит: «Палка шевелится». Папа говорит: «Да там, наверное, медвежата». Ну, она же обычно в берлоге там это... рождает. «Медвежата, – говорит, – наверное, маленькие. Залазь там, доставай», – Васе говорит. Вася говорит: «Не, я не полезу». Давай фонариком туда светить, а там глаза, как у этой медведИцы на таком же расстоянии, и пятак такой... круглый такой же, ну, почти: чуть-чуть поменьше. И добываем этого медвежонка ещё одного. Хотели его уже вытаскивать – раз, опять Вася трогает, говорит: «Там ещё кто-то есть». И там оказалось два ещё вот таких медведя, с ней ещё лежали в берлоге. Два медведя готовых... Большие. Они получается родИлись, год с ней пожили, легли по-новой как бы, ну, получается год уже им...

[– И Вам всего тринадцать лет тогда было? – Собир.]

– Ну, тринадцать. Не больше тринадцати, четырнадцати. Даже, может, двенадцать даже было. И вот такой случай был. Я, получается, туда залазил, они там живые были ещё в этой берлоге-то.

Это только по-настоящему когда на охоте поймёшь, а так по рассказам вроде интересно, а пока на самом деле не испытаешь – не поймёшь ничё. Всё на практике. А так вообще интересно. Я люблю охотой заниматься.

* Беловать - распяливать для сушки шкуры, снятые с убитых зверей

С детства с папой ездил – понравилось. Щас уже... Щас уже сам охочусь один. Заезжаю (Кеж.: Яркино, 2018).

Записано О.В. Фельде в 2018 г. в с. Яркино Кежемского р-на от Колпакова Сергея Ефимовича, род. в 1992 г. в с. Яркино Кежемского района Красноярского края.

Фото 1. Колпаков Ефим Анатольевич в охотничьей парке. Село Яркино Кежемского р-на, 2018 г.

ПРО МЕДВЕЖЬЮ ОХОТУ

У нас, как правило, медвежьей охоты нету здесь в наших краях. Мы на неё специально не ходим на медведя. Мы на медведя идём в том случае, *когда* он на нас идёт или он нам мешат на охоте. Ну, случай расскажу... этот который вот... тут напала на меня ночью. Приезжаю в избушку, а мы завозим продукты заранее... Химовские вот эти бочки закатываем в них. Они запечатываются герметично. Ну, медведь разрывает их. Но всё равно так для сохранения. Я приезжаю на охоту осенью, продукты у меня были завезены с зимы. Приезжаю с зятем, медведь был всю эту бочку разбомбил, всё разбомбил. *Исть* у нас некого. Чё делать? А у меня радиостанция с собой.

Нине звоню, говорю: «Так и так, был медведь, всё разбомбил, а завтра пойдёт танкетка¹ отсель, я знаю, поедет мой одноклассник». Я говорю: «Ты сбегай до него и наклади ему продукты и куль муки собакам, чтоб вот привёз. Чтоб там-то там скинул, а я уже на коне свожу». Ну, всё, на завтра приезжаю, он мне привёз тут муки, продукты – всё. *Куль* этот я сразу не увёз, а так наклал, продукты наскладывал, а *куль*, думал, завтра *куль* увезу. Ну, приехали, в эту бочку складываем обратно. К *кулю*-то приезжаю, медведь уже *куль* этот разбомбил весь. Я пока у *куля*, приезжаю, он уже у меня и там разбомбил опеть снова. Думает: вози, вози, я тут уемяся. Чё делать? Опеть продукты кончились. *Нады* его как-то добывать. Всё, мы с Васей поехали домой. *Продучишки* сколь-то осталось, я ещё убрал их там маленьке. Поехали с Васей домой. На завтра я поеду один. Приезжаю – медведь опеть всё разбомбил. Ну, я привёз продукты всё. Вечером лёг спать. А время – октябрь, первый снежок такой выпал, и самая такая изморозь. А крыша... Изба высокая. Крыша крыта железом. Ага. А внутри лампа – она, если б на всю выкрутишь, и жарко в избе – она пыхат и может загореться. Ну, я её так аккуратно тушу, жарко не делаю. А тут чё-то я ночью часов в двенадцать, наверное, так встал, думаю, печку щас накладу полную, закрою, чтоб она *шаяла* тихонько и этот... Ложусь спать всё до утра. Ага. Лёг спать. Только задремал, конь рядом привязанный и собаки тут лежат. Собаки заревели таким голосом, я понял – чё-то не ладны. И слышу, даже конь ревёт не своим голосом. Конь ревёт – это слышать нады, как он с испугу ревёт. Он ревёт вообще... Таких голосов не найти. Я понял, что медведь пришёл. А чё делать? Фонариков нету, фонарик был какой-то такой *лебезной*² маленький. Ну, не светит никого. Только метра эвот как до окошка могу светить и всё. А тем более на улице холодно, а я тёплый. Из меня пар идёт. Я с фонариком свечу, а пар этот не даёт смотреть вообще... Э...вот руку не вижу свою. Я

¹ Танкетка – вездеход, тягач

² Лебезный – непрочный, слабый

выскочил. Ну, понял... А тут как избушку строили, скололась деревина, и вот этот *нащап* остался метра три от пенька, деревина-то сама уронена, а нащап – она скололась и упала. И нащап вот этот остался. Я смотрю за нащап, а он широкой – нащап...деревина-то толста. За нащапом кто-то стоит. Две собаки наверх кого-то лают. Понять не могу. Чё делать? Медведь? Два? Три? Кто их поймёт? Кого? Чего? Тут нады быстро решение предпринимать, где. А всё кругом ревёт. Всё... Медведь ревёт, собаки ревут, конь ревёт. Оно знашь приводит это всё в тако... Ориентация-то... Если б я суды, а он из за избы выйдет... Мне тут... Мне... У меня позиции нету, спрятаться, чтоб хоть *деревина* тут или кто-то, чтоб я мог смотреть во все стороны. У меня спина не закрыта, тут собаки ревут, я не услышу, он как подойдёт. А тут костыли вбиты на крышу на подволку, ну, продукты да чё выбирать. Я думаю: так, один выход – на самую крышу, потому что на самой-то крыше я хоть буду видеть, что и где. Я так... А в кальсонах, в нижнем белье, заскочил, а на улице минус шесть и снежок, крыша железная – я минуту посидел, я окошел весь. Так, чё делать? А я ещё успел лампу зажечь. Думаю, лампу включил и печку наклал. Щас, думаю, не дай бог, лампа пыхнет, ешо и изба загорит. Думаю, будет тут делов. И останусь эдак в одних трусах. Но сижу.... Наберу воздуху, чтоб не дышать, чтоб пар не шёл. Смотрю на *деревину*, медвежонок сидит...они большие уж к осени-то; на второй – второй медвежонок сидит. За этот нащапок посветил, глаза вижу. Она за нащапом стоит, спряталась сама-то медвежица. Чё делать? Медвежата ладно, они никуды не деваться. Щас мне с ней нады и разобраться. Ясно, что щас она одна. И эти два, потому что медведи в парах не живут так, не ходят. Ага. Ну, хорошо, как стрЕлить? Щас позиция-то: я наверху, мне нады стрелять вниз. Мне нады один выстрел решающий, иначе всё будет худо. Щас.... А медведь – он на четырёх ногах не нападат *никогда*, он нападат *всегда* на двух ногах. Он может к тебе бежать на четырёх, но перед тобой он всегда встанет на две лапы. Он так не налетит никогда. Но тут у него нападение, потому что он пришёл ночью: конь тут, собаки... Он это всё видел и знат. Он пришёл нападать. Но в данном

момента он не нападет, он позицию высматривает. Щас я свечу фонариком... Глаза вижу, одни глаза – и всё, более ничё не вижу. Вижу. медведь. Ага, он щас из-за нащapa-то так вышел, рядом стоит с этим нащaпом. Ага. Но я не знаю: или на четырёх он ногах стоит, или на задних лапах. Ситуация-то видишь какая: если б он стоит на четырёх лапах, мне нады стрелять чуть-чуть повыше, чтоб мне попасть в туловище; а если б он стоит на двух ногах, мне нады стрелять чуть ниже, иначе я обвышу. Ну, чё делать? На двух или на четырёх? Глаза-то светят... Вот они в темноте... Был бы фонарик хороший, дак ладны. Идёт картина-то такая, что у меня руки замёрзли. Я уже не могу с ружьём справиться, с карабином. Хорошо, тут труба печка затоплена, я о трубу руки погрею. Сам уж окоченел весь. А крыша скользкая, думаю, хоть бы не скользнуть вниз, а то он меня сразу тут разорвёт. Ну, выхода нету, нады кого-то предпринимать. У меня карабин, передёрнул карабин, этот фонарик оттащиил, думаю, буду стрелять ниже, наверное, он на задних всё-таки стоит, всё-таки нападение. Но глаза вижу опеть... Собак бы не захватить, собаки-то кругом его... Ну, ладны, прицеляюсь – «бац». Этих сразу – «бац, бац». Эти падают. Эта убежала. Я с крыши сворачиваюсь. Всё, тут уже война пошла, тут уже воевать нады. Тут уже в прятышки играть некогда. Началась стрельба, значит, началась война – тут уже нады всё приводить в движение. Всё, она к ручью отскочила – собака одна к ней... сучка у меня была одна такая, не шибкая на сохатого... На медведя, но это... вроде как замолчала. Эти медвежата тут упали, собаки две подскочили их тут рвать. Я медвежат к себе подтащил, забросил. Думаю, к ней нады идти. Она в *муштушник*¹ туды заползла, тако место-то неловко... Думаю, а чё мне... Время уже где-то три... Я думаю, до утра пусть там. Я слышу собака-то... По собаке я определил, что она... Ну само много – она притаилась, что она убита. Она может притаиться, что убита, и собака рвёт всё... Ты подойдёшь –

¹ Муштушник - кустарниковое растение с мягкой (рыхлой) сердцевинной

и она соскочит. Думаю, ну ладны, лежи, собаки тут. Пришёл, чаю налил кружку, выпил. Думаю, до рассвета буду спать. Лёг, сразу уснул резко, на диву даже... Раз – уснул. Просыпаюсь – брезжить начало. Думаю, ага, готова. Подташшил её, к коням на хвост привязал. Подташшил, *беловался*. Вот тут была ситуация такая серьёзная (Кеж.: Яркино, 2018).

Записано О.В. Фельде в 2018 г. в с. Яркино Кежемского р-на от Колпакова Ефима
Анатольевича, род. в 1960 г. в с. Яркино.

ЖЕНЩИНА ОБ ОХОТЕ

Ну вот, тот случай расскажу. Вот мы поехали на охоту. И Ефим... Серёжа был на одной избушке, Ефим поехал на коне, обычно были мы на двух конях, а в этот раз уже всё я перевернулась с коня перед этим, конь у меня запнулся, я перелетела через голову, и думала, сломаю рёбра. Ну, всё прошло, слава богу, нормально, и потом уже мне не разрешили ехать на коне. Я осталась в избушке. Ефим поехал на коне, а Серёжа шёл с избушки сюда навстречу в эту... В этот день охоты. И они только отъехали недалеко недолго, и Ефим говорит, а у меня карабин оставляют, ружьё, я умею так стрелять сама. Но не стреляла не в лося, не в медведя, ни в кого, просто мне так спокойнее просто, что у меня было. И всегда молюсь, думаю, Господи, мне чтобы не стрелять, чтоб они не подходили. Ну, как-то спокойнее, когда есть собака, и есть ружьё. Они только уехали, и через час, может, залаяли собаки. Залаяли собаки, и мне показалось, что совсем рядом здесь вот возле избушки. И лают вообще, думаю, или медведь, или соболь. Больше-то они на соболя. Ну, потом я уже не подумала, что мог бы быть медведь. Я вышла как бы, ну потом понятия не было, Ефим-то же тоже слышит, что собаки лают, они ж недалеко, но такое уже видимо охотничье чё-то есть. Я ждала-ждала... что, может, подъедут, добудут... кто там лает, но никто не подъезжает... собаки лают. Но кажется: вот совсем рядом. Я взяла ружьё, и ещё одно там у меня было, и пошла потихоньку по тропинке. Уже снежок чуть-чуть выпал.

Думаю, ну пока пройду, послушаю, если не подъедут, то вернусь обратно. Шла, шла, ну уже всё дошла, что собаки вот так лают. Ну, никого нету, никто не подъезжает. Я значит ложу этот, такую палочку, к палочке такие стрелки положила, что я ушла туда, если меня вдруг икать надо будет, это я догадалась. Стрелку показала им, что я пошла туда. Ну, снегу ещё немного совсем было. Ну и потихоньку пошла. Иду, иду, иду, но смотрю: следы соболя. Иду, иду, иду, иду уже далеко. Это, кажется, собаки близко лают, они лают далеко. Ну, значит уже, ну всё уже <неразб.>мне уже хоть куда, я уже иду, уже быстрым шагом подбегаю к собакам, собаки лают соболя. Лиственница высокая-высокая. Ну, вижу, что соболь. Одну собаку надо ловить, она сразу соболя хватает и убегает. Вот и пока я её поймала, еле-еле её поймала, привязала, никто не подъезжает, никто ничем: не слышат что ли, что собаки лают. А Серёжа в это время так всё случилось, что... а Серёжа в это время идёт из избушки к нам. Мимо него переходит сохатый – лось. Его собаки тоже за лОсем бросились. И... А Ефим посередке между нами: щас передо мной, между ним и между мной. И *чѐ* мне хотелось самой это всё добыть... Я беру карабин и давай стрелять. Из карабина же соболя добыть – это очень сложно. Это из ружья там разлетаются, а из карабина... Я раз – мимо, два – мимо. А когда если соболь лежит так на этой, а если он начинает бегать на верхушку, то он уже в собак прыгает и убегает. Ну, я уже три или четыре раза стрельнула – всё не могу. Ефим говорит: «Какой-то бах, бах – ничѐ понять не могу. Или Серёга или кто, где *чѐ*». Потом уже когда собрАлись все, ну и всё соболь у меня побежал и на самую верхушку. И всё, думаю, как мне уже рассказывали, щас он оттуда прыгнет и уже первый мой соболь, который я самостоятельно хотела добыть. И он на самую верхушку. И я уже тогда прицеливаюсь, ну как бы и попадаю. И он падает. Я значит такая рада, радость у меня, что я сама, да из карабина. Уже не знала, не знала потом где там *чѐ*. Главное, никто подъезжает – я сама добыла соболя. Всё, схватила этого соболя. Естественно, карабином я его разорвала тут всего. Тут ясно, это ж карабином не стреляют соболя, но я была рада. Собаки все эти

показала, отвязала, бегу обратно. Но немножко следы вижу, чтоб надо же на дорогу щас выйти. Ну где-то до половины добежала, Ефим едет на коне: «Ты чё?». Я говорю: «Соболя добыла!» Он: «Ну ка покажи!» Я чё, показала – он весь разорванный, там *ничё* ни шкуры, ничего нету. Я показываю, ему даю. Он её подержал, как бросил в меня. Развернулся и уехал, меня одну оставил. Приезжаю в избушке, ну ведь на таком говорит психе... говорит: «Мне кажется, Серёга стреляет в сохатого, я пока всё это бах-бах-бах где, откуда? Ты стреляешь, может медведь, может чё». Он до того наволновался, напугался. Потом Серёга прибегает, говорит: «Папа, ты сохатого стрелял?». Догоняет, говорит: «Кого я, мать вон в соболя стреляла, всего разорвала». Пришли в избушку, все со мной не разговаривают: «тебе сказали никуда не ходи!». Ну потом я значит, даже вот не стала его разделявать. Серёге отдала: «Разделявай мне этого соболя». Он разделал его, я его аккуратненько подшила. И всё нормально прошло, сдали его всё. Такой чёрный-чёрный соболя был. Вот такой случай был. До сих пор мы его вспоминаем. Я говорю, столько радости было, а ты мне его испортил. Ну вот нравится мне быть на охоте, быть в лесу, собирать ягоду. Просто уже старость, уже взяли поближе лес. Здесь уже не так интересно, как там (Кеж.: Яркино, 2018).

Записано О.В. Фельде в 2018 г. в с. Яркино Кежемского р-на от Колпаковой Нины Степановны, род. в 1958 г. в с. Яркино.

ПРО УТИНУЮ ОХОТУ

Утки у нас... За утками у нас обычно *челедята* бегают, ребятня. Взрослые у нас не *уточат*, как там, на Большой Земле. Ну, так добывают

• Челедята – дети до 10-12 лет

поисть, а специально за утками не ходят взрослые. Ну, как взрослые... Уже охотники, так сказать. Так, редко кто пострелять. А вот молодёжь – да. И утиная охота... Я её... Я последнюю утку добывал, наверное, лет тридцать назад... Я поначалу думал: *почто* у меня папа не стреляет уток... Я говорю: «Папа, ты чё не стреляешь уток?». Он говорит: «Да так, как-то не стреляю»... Ну, я молодой думал: «Да, ну утку, охота такая интересная и так вообще»... А потом, когда сам стал охотиться уже нормально, мне утки не нады стало. Тоже думаю: вот и папа не стрелял. Думаю: чего не стрелял? С одной стороны, как-то и жалко: ну вроде птички как тут рядом... Расскажу один случай с уткой. Вот мы где там снимали-то нас в *ухожье* в нашем: там на *угоре*, а суды у нас вода *старица*. Она с Чадобцем соединённая, но течения нету. Весна, как правило, у уток гон, гульба начинается у всех, кто суды прилетат из птиц. Щас две утки, два гоголя: самка и самец – это нады было их заснять, и даже в жизни применять можно. Щас самка, ну, быстро хохорится, знаешь, перед ним: «а-та-та-та». Он к ней – она «нырк» нырнёт. Всё, ушла. Он поплавал, поплавал, да чё... За ней нырнёт, она там от него уйдёт. Эй, далёко где-то вынырнет – он к другой совсем... Он её там найти в воде-то не может, вода мутная... Он с другой стороны опять вынырнет: раз-раз, а и вон она. К ней гребёт, гребёт. Только к ней, это... Она опять «нырк» и опять. Ну я так это смотрю, делать нечего, наблюдаю. Такая картина забавна, ага, да они так гонки это всё... Ну раза три или четыре она уже от него всё уныривает и уныривает. Он опять нырнёт, её найти не может, вынырнет вообще в другом конце. Выныривает – и улетел. Я говорю: «Вот донырялась». Не всякий раз... Нады и эдак поступать. Я говорю: «Вот, улетел. Щас найдёт себе другу, и ныряйте вы тут на здоровье. Главное, даже не *стругунулся*: вынырнул и сразу полетел.

- Уточить – охотиться на уток
- Почто - почему
- Ухожье – охотничьи уголья охотника
- Чадобец — река в Восточной Сибири, правый приток Ангары

Щас, конечно, запоявлялось каких-то других уток много. Нам даже некоторые и не известны: по оперению, по всему. У нас здесь в основном: *крЯквы, ныркИ, чиркИ, гОголи, острохвосты, связИ...* Уток полно разновидностей: северна утка у нас тормозится, серая утка. Ну, она, серая летит туды в тундру. Гнездится, она у нас туды тормозится, и обратно тормозится (Кеж.: Яркино, 2018).

Записано О.В. Фельде в 2018 г. в с. Яркино Кежемского р-на от Колпакова Ефима Анатольевича, род. в 1962 г. в с. Яркино.

Охотничьи рассказы жителей Богучанского района Красноярского края

Фото 2. Аспирантка ИФиЯК СФУ Вязовикина Ольга Вячеславовна и охотник Давидович Иван Николаевич возле его таёжного зимовья близс. Карабула Богучаского р-на, сентябрь, 2018 г.

РАССКАЗ ПРО ПЕРВУЮ ОХОТУ

– Так, первая охота... Ну, вот именно такая, что я был с ружьём... Ружьё мне вообще отец доверил с того времени, когда приклад становится...ну, это так и есть... когда приклад становится выше колена. То есть, если приклад ниже колена, то рано тебе ещё, малый ещё. Зачем это делается: потому что, когда ты идёшь по траве, во-первых, рука же всегда у тебя здесь находится. Когда идёшь по траве, если будет ниже, да, ты будешь об траву естественно... Ну, сама посуди. Если бы я был ниже моего вот такого роста, эта часть намыкает, а этого делать нельзя, чтобы намыкала. Поэтому, вот, и считается, что выше колена должен быть приклад. Ну, мне было уже лет двенадцать, наверное. У меня было другое ружьё – тридцать

второй калибр у меня было ружьё, ну, такое из гладкоствольных ружей, но самое слабенькое, можно считать. И мы пошли с отцом. Первый раз мы пошли на рябчиков, вот именно с *пересвистом*. Охота называется «*пересвист*». И, это, и вот тогда я первый раз добыл рябчика сам, да. Вот... Значит, мы пошли на Поповский ручей, ну это недалеко от деревни, километров, наверное, восемь мы шли от деревни. И с *пересвистом* отец уже добыл пару рябчиков. Вот так же, как сегодня, игрались они, то есть один ближе, второй дальше. И отец остался ближе и мне показывает, что иди дальше. Я пошёл дальше, там такой бугорок небольшой. Ну, я помню, хорошо помню в принципе. Ну, почему... потому что тогда мне отец первый раз пожал руку, да, как охотнику... И я сел на этот бугорок, слышу, что отзывается... Отец подманивает, но не стреляет, то есть отец уже готов к выстрелу, но он видит, что я ещё не готов. Мы на расстоянии там примерно тридцать метров... Что я ещё не вижу, я ищу глазами, где он там. И всё, и я увидел его, конечно, выстрелил я первый, потом отец. Подходим, всё, рябчик... Он: «Ну, поздравляю, сын», всё... молодец, там...дОбыл. Ну а потом, ну, потом уже вот.. стал гораздо чаще, конечно.. именно на охоту брать.

А первый, когда вот я сам добЫл, это была коза. Тоже недалеко. Тоже получилось довольно таки случайно. Я вообще пошёл... ставил петли на зайцев. Зайцы нынче зимой... мало кто вообще сейчас тоже ставит петли. Но нынче зимой много зайцев было... в общем, хорошо поохотился. И выскочила коза... две козы выскочило... я одну добыл, всё там...пузо вспорол, разделал маленько, накрыл шкурой, чтобы сороки-вороны не склевали... Пришёл в деревню, всё... Отец, заводи машину...поехали за мясом... «Да лаааадно...» я грю: «Ну, а чё...». Лет тринадцать мне тогда было. Где-то через год, может быть, полтора... Может быть и в четырнадцать, не помню.

[– Что чувствовали в тот момент? – Собир.]

– Ооох...ты чё...это была гордость! Ну и потом много охот было таких, что, как бы... Ну, когда охотишься... там... не один, допустим, вдвоём, втроём, вчетвером даже некоторые охотятся...буранами охотятся.. тоже... ну, по-разному охотятся люди... Не важно, кто стрелял или не стрелял. Главное, что взяли зверя, смогли...вот это всё... Там, пускай, твоего выстрела вообще не было, но... тоже чувствуешь себе довольно-таки радостно, что... вот... молодцы, загнали, взял (Бг.: Карабула, 2018).

Записано О.В. Вязовикиной в 2018 г. с. Карабула Богучанского р-на от Давидовича Ивана Николаевича, род. в 1988 г. в с. Карабула

ВОСПОМИНАНИЯ ОХОТНИКА О СВОЁМ ДЕТСТВЕ

– Я всегда ходил с ружьём. То есть, там... Да сколько себя помню, наверное. То есть... Ну, по крайней мере, можешь нести? Можешь! Ну вот, бери, неси, давай! Не ружьё, так рюкзак. То есть с детства я был к этому приучен, что что-то я должен был... за что-то отвечать. Понимаешь? То есть... не просто так, вот как... Ну, у нас так детей и воспитывают, что вот... Ну, в охотничьих семьях. Ну, что-то должен... И есть там он не несёт ружьё или там покушать, он несёт совки. Да, тяжело, да, но в следующий раз, по крайней мере, если он... нет тяги, он откажется, правильно? Потому что он знает, что ребенок... Ну, на хрен ходить по этому болоту, чё-то тащить там, блин... И не станет. И всё, и то есть, ну... То есть охотника с него уже не получится. Охота – это трудности и надо с самого начала знать, что ты всё равно с ними будешь сталкиваться, с трудностями. Ну, и так же, что... и со страхом... То есть он и оставлял меня, ещё ребёнком оставлял. «Переночуй там... Я поехал там до деревни», допустим. «Ты останешься? Не оста... не хочешь оставаться – не оставайся, поехали со мной, там, на мотоцикле куда-

нибудь. Ну, вон, на Чивиде островок...», «Нет, батя, я останусь». Да, было страшно! Ужасно! Первый раз ребёнку в лесу одному ночевать...было ужасно страшно. Ну... как, это же всё преодолевается именно тем, что ты...Да и...сказать отцу, что я боюсь?! Ну, это неприемлемо просто. Он сам всё понимает! (Бг.: Карабула, 2018).

Записано О.В. Вязовикиной в 2018 г. в с. Карабула Богучасного р-на от Давидовича Ивана Николаевича, род. в 1988 г. в с. Карабула

Вот у меня есть племянник, да, вот... Щас, конечно, я с ним занимаюсь, но он уже взрослый, ему четырнадцать лет уже. Это, конечно, уже можно сказать поздно, но, тем не менее, у него есть тяга какая-то к этому. Ну, вот два года назад я ему сначала купил пневматику подарил – пневматическое ружьё. Ну оно как.. в тире короче стреляешь из таких ружей. Ну, сейчас у него уже есть своё собственное ружьё, но... Ну, пока вот получается так – они живут не здесь, они живут в Хакасии... Там живет с матерью, но на лето он приезжает. Ну и по крайней мере ездим на рыбалку, на охоту.. Он.. ему нравится. Видно стремление. Ну и молодёжь вот щас вот тоже подрастающая уже, я смотрю, что да, молодцы ребята. Ну, есть молодёжь, вот, занимается, тянется – молодцы парни. Очень хорошо. Вот именно передаются как-то... <традиции>и это, и они и капканы уже ставят на, допустим, вот по осени, по весне, на ондатру. Ондатра, шкурка – сто пятьдесят. Ну, то есть, за сезон можно добыть её и они уже зарабатывают деньги работой (Бг.: Карабула, 2018).

Записано О.В. Вязовикиной в 2018 г. в с. Карабула Богучасного р-на от Давидовича Ивана Николаевича, род. в 1988 г. в с. Карабула

• Чивида – река в Восточной Сибири, входит в бассейн р. Ангары

ПРО ЛОСИНУЮ ОХОТУ

– Ну, *корова* раз вылетала на меня...Ну... лось...*корова*. Вот в лобовую летела тогда... Успел, отстрелялся... хорошо я... попал. Под ноги мне упала. Не попал бы – она бы меня растоптала на... Она копыта выкидывает вперед...и человека пробьёт, мне кажется... насквозь, наверное... потому что копыта острые. Она в основном передними-то копытами и бьёт. Ну как вот это...допустим... конь лягается – она, наоборот, передними...она затаптывает... Ситуация была бы страшная. Да, да...Как старики говорили: «*Идёшь на медведя – готов постель, идёшь на сохатого – готовь гроб*». То, что если медведя ... ты ещё можешь и живым остаться, если с ним там схватишься вручную, а если с сохатым, уже всё, он тебе покажет... по кустам кишки тебе раскидает. На Щучьем раз были, тоже корова летела на меня. Тоже я отстрелялся... и это... отстрелялся, и... вот она, вот, уже рядом была... у меня всё...перезаряжаться надо быть... вот он хорошо, успел, хлопнул... попал. Ну, *корова*,как правило, так-то не кидается, наверное... *бык* больше. Они тоже непонятные, вишь, то, бывает, *на хода дают* – убегают сразу же, то, бывает, *в обратку летят* вообще не понятно... Он же...*бык*... он как бывает... собаки залаяли его вот здесь вот...может убежать – собаки за ним... полчаса может посидеть, а может опять на то же место прибежать. Круг даст – и опять может убежать... по-разному всё бывает. Собаки его не догоняют. Потому что там были на <неразб.>, там ни ручья, там чисто.. Собаки тоже *быка* залаяли, вот он побежал...то есть.. видно далеко, хорошо. Он бежит, собаки сзади. Ну и ...тук-тук-тук-тук-тук... и нету его... (Бг.: Карабула, 2018).

Записано О.В. Вязовикиной в 2018 г. в с. Карабула Богучанского р-на от охотника, не давшего согласия на указание своего имени при публикации его рассказа

-
- Корова – самка лося
 - Сохатый - лось
 - Щучье озеро находится близ с. Карабула
 - Бык – самец лося

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алтунина Татьяна Сергеевна, студент 3 курса отделения филологии и языковой коммуникации ИФиЯК СФУ, altunitanya96@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Л.М. Штейнгант).

Богданова Алла Ивановна, канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков для естественнонаучных направлений ИФиЯК СФУ, boalliv@gmail.com.

Боговая Оксана Владимировна, ст. преп. кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений ИФиЯК СФУ, oxana.bogovaya@gmail.com.

Веретенникова Алена Владимировна, ст. преподаватель кафедры иностранных языков для естественнонаучных направлений ИФиЯК СФУ, veretennikova.sfu@gmail.com.

Влодарчик Екатерина Андреевна, студент 3 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, katyavlod@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.А. Кругликова).

Вязовикина Ольга Вячеславовна, аспирант 1 курса кафедры русского языка и речевой коммуникации, semenedz@gmail.com (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор О.В. Фельде).

Груздева Екатерина Алексеевна, магистрант 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, katushechka157@gmail.com (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор В.И. Тармаева).

Дзись Юлия Ивановна, канд. полит. наук, доцент кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений ИФиЯК СФУ, доцент кафедры международного права ЮИ СФУ, YDzis@yandex.ru.

Дмитриева Снежана Сергеевна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, snezhana.dmitrieva.96@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, зав. каф. восточных языков Е.В. Чистова).

Егорова София Александровна, студент 3 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, yegorova.sonyu@gmail.ru (научный руководитель – кандидат филол. наук, доцент Л.М. Штейнгарт).

Жигаева Анастасия Александровна, преподаватель Подготовительного отделения для иностранных обучающихся ИФиЯК СФУ; zhigaevaanastasiya@gmail.ru.

Злобина Светлана Алексеевна, ст. преподаватель, Подготовительное отделение для иностранных обучающихся ИФиЯК СФУ.

Злобина Юлия Юрьевна, студентка 1 курса магистратуры, направление «Русская литература» ИФиЯК СФУ, zlobinayulia30@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент В.К. Васильев).

Иванова Светлана Николаевна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, svetkonay@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Н.В. Немчинова).

Казакова Елизавета Олеговна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, eliz.kazakova@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.С. Мучкина).

Канакова Диана Сергеевна, студент 4 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, diana.kanakova@gmail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Л.М. Штейнгарт).

Катцына Олеся Анатольевна, студент 3 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, olesya.kats@mail.ru (научный руководитель – д-р филол.наук, профессор А.В. Колмогорова).

Качнова Елизавета Юрьевна, студент 3 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, kachnova.liza@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Н.В. Немчинова).

Котляр Валентина Валерьевна, магистрант 1 года отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, degteva_90@mail.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор В.И. Тармаева).

Кузлин Максим Константинович, студент 2 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, vosk99.94@gmail.com (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой романских языков и прикладной лингвистики А.В. Колмогорова).

Лапаух Ольга Владимировна, студент 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, olgirina@mail.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор К.В. Анисимов).

Латынина Екатерина Сергеевна, ст. преп. кафедры иностранных языков для инженерных направлений ИФиЯК СФУ; eslatynina@gmail.com

Моргун Виктория Геннадиевна, студент 4 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, morgun.vichka@gmail.com (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.В. Чистова).

Никитичев Илья Геннадьевич, студент 3 курса факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», ignikitichev@mail.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.В. Петухова).

Нуруллаев Алекс Давлатович, студент 5 курса филологического факультета ЛПИ-филиала СФУ, nurullaev-cdo@yandex.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Б.Я. Шарифуллин).

Поликарпова Светлана Витальевна, ст. преп. кафедры иностранных языков для инженерных направлений ИФиЯК СФУ; svtlana09@gmail.com

Ризгар М. Амин, аспирант 1 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, rizgarmuhammad1983@gmail.com (научный руководитель – д-р филол. наук, доцент О.В. Магировская).

Сидорова Надежда Александровна, ст. преп. кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений ИФиЯК СФУ, fransis2008@mail.ru.

Солдатова Ульяна Викторовна, преподаватель кафедры иностранных языков для естественнонаучных направлений ИФиЯК СФУ, ulyana7979@mail.ru.

Смирнова Кристина Александровна, студент 4 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, kristall01kristall01@bk.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Т.М. Григорьева).

Станиславчик Анна Олеговна, магистрант 1 курса направление «Русская литература» ИФиЯК СФУ, anna.stanislavchik@yandex.ru (научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Т.С. Нипа).

Ульянкина Юлия Владимировна, магистрант 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, yuliaulyankina@gmail.com (научный руководитель – д-р филол. наук, профессор К.В. Анисимов).

Шпилова Мария Викторовна, магистрант 2 курса отделения филологии и журналистики, shmv13m@ya.ru (научный руководитель – д-р филол. наук, доцент И.В. Евсеева)